

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
Г У М А Н И Т А Р Н О Г О
О Б Р А З О В А Н И Я**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 2

Киров
2018

Главный редактор

В. Т. Юнгблуд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

В. И. Бакулин, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров); ORCID: 0000-0002-8648-0011;

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров); ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Печенкин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);
ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);
ORCID: 0000-0002-8987-7591;

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

Н. В. Клементьева, канд. культурологии, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);
ORCID: 0000-0001-6625-0510;

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован
в «Роскомнадзоре» (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя/редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36, тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 2

Kirov
2018

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,

Editorial board members:

Historical sciences and archaeology

V. I. Bakulin, Dr. of hist. sciences, professor, Vyatka State University (Kirov); ORCID: 0000-0002-8648-0011;
A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of Russian Copyright Society, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov); ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. Institute of Russian History of RAS (Moscow);
A. A. Pechenkin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
D. A. Redin, Dr. East. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. Sciences, prof., Vyatka State University (Kirov); ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov); ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubin, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

A. S. Drikker, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg); ORCID: 0000-0002-8987-7591;
I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
N. V. Klementyeva, PhD of cultural studies, associated professor, Vyatka State University (Kirov); ORCID: 0000-0001-6625-0510;
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in «Roskomnadzor» (Certificate of registration of mass media PI № FS77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Address of editor/publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. Tel. (8332) 208-964
(Scientific Publishing Company of VyatSU)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- Юнгблюд В. Т.* Обновление идентичности:
национальные традиции и культурные ценности современной России..... 8

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- Лубков А. В.* Консервативно-либеральная традиция в России: эволюция идеи и содержания. Карамзин – Чаадаев – Катков16
- Бушмаков А. В.* Революция 1917 г. в провинции как культурный конфликт.....24
- Новиков П. А.* Боевой путь 3-й Иркутской Сибирской стрелковой дивизии белых войск.....31
- Журавлев В. В.* Приветственные послания Государственному совещанию в Уфе в сентябре 1918 г.: к истории политической коммуникации в условиях Гражданской войны39
- Масютин А. С.* Секретные сотрудники Охранного отделения в составе организаций социалистов-революционеров Вятской губернии в начале XX в.54
- Болотова Е. В.* Формирование образа советской женщины в 20–30-е гг. XX в. (по материалам публикаций журнала «Работница»)60

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- Бакшаев М. В.* Контакты итальянских еврокоммунистов с представителями американской элиты в 1970-е гг.70
- Покровская Д. М.* Проблема раздела Палестины в контексте дипломатической деятельности Лестера Пирсона.....80

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

- Андрейчук И. Н.* Крепостные сооружения Псково-Печерского монастыря: исторический аспект87
- Романова Л. В., Усов А. В., Чурилова Н. А.* Обувь жителей Кунгура второй половины XVIII–XIX в. по данным археологии.....93

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Калинина Л. В., Наумова Н. Г.* Лингвистическая интерпретация образа человека в свете идей С. В. Черновой: результаты и перспективы.....101
- Маслова А. Г.* Феномен Е. И. Кострова..... 113

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Рязанова С. В.</i> «Гляжусь в тебя, как в зеркало»: пермское приходское духовенство в глазах паствы.....	121
<i>Казанков А. И.</i> Топология провинциальной повседневности в первой половине XX в. по материалам цикла «Местность тут очень хорошая...».....	132
<i>Одегова К. И.</i> Анимационный кинематограф как объект гуманитарного комплексного исследования	143

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Росина М. А.</i> Новое слово в изучении советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.	148
<i>Кузьмин Ю. М.</i> Хормач И. А. СССР в лиге наций, 1934–1939 гг.	153

CONTENTS

EDITOR'S COLUMN

- Yungblud V. T.* Updating of identity: national traditions and cultural values
in modern Russia 8

PROBLEMS OF DOMESTIC HISTORY

- Lubkov A. V.* Conservative-liberal tradition in Russia: evolution of idea and content.
Karamzin-Chaadaev-Katkov16
- Bushmakov A. V.* Revolution of 1917 in the province as a cultural conflict.....24
- Novikov P. A.* Battle way of the 3rd Irkutsk Siberian rifle division
of the white troops.....31
- Zhuravlev V. V.* Welcoming messages to the State meeting in Ufa in September 1918:
to the history of political communication in the conditions of the Civil War39
- Masyutin A. S.* Secret employees of the Security Department as part
of the socialist revolutionary organizations in Vyatka province in the early
twentieth century.....54
- Bolotova E. V.* Formation of the image of Soviet women in the 20–30-ies XX century
(based on the publications of the magazine «Workwoman (Rabotnica)»).....60

PROBLEMS OF GENERAL HISTORY

- Bakshaev M. V.* Contacts of Italian Eurocommunists with representatives
of the American elite in the 1970s.70
- Pokrovskaya D. M.* The problem of partition of Palestine in the context
of Leicester Pearson's diplomatic activities80

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

- Andreychuk I. N.* Fortifications of the Pskov-Pechersk monastery: historical aspect.....87
- Romanova L. V., Usov A. V., Churilova N. A.* Shoes of Kungur residents
of the second half of XVIII–XIX century according to the arcaeological data.....93

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Kalinina L. V., Naumova N. G.* Linguistic interpretation of the human image in light
of S. V. Chernova's ideas: results and prospects.....101
- Maslova A. G. E. I.* Kostrov's Phenomenon113

CULTURAL STUDY

- Ryazanova S. V.* «I look at you like in the mirror»:
Perm parish clergy in the eyes of the flock121
- Kazankov A. I.* Topology of provincial everyday life in the first half of the twentieth
century according to the materials of the cycle «Terrain here is very good...».....132
- Odegova K. I.* Animated film as the object humanitarian complex research.....143

REVIEW AND SCIENTIFIC LIFE

- Kuzmin Yu. M.* Hormach I. A. Soviet Union in the League of Nations, 1934–1939148
- Rosina M. A.* A new word in the study of the Soviet-Yugoslav conflict of 1948–1953153

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

УДК 008:13(470)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.015

Обновление идентичности: национальные традиции и культурные ценности современной России

В. Т. Юнгблюд

доктор исторических наук, профессор, президент ВятГУ,
главный редактор журнала «Вестник гуманитарного образования».
ORCID: 0000-0002-2706-3904. E-mail: valerteod@gmail.com

Аннотация. Кризисная ситуация в сфере духовной жизни России, возникающая в конце прошлого века, до настоящего времени до конца не преодолена. Задача «воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций» включена в перечень приоритетов современной государственной политики. Но на пути решения этой задачи встает ряд преград. Одна из них – дробность национального сознания, образовавшаяся вследствие несостоятельности социалистического опыта и шоковых реформационных действий конца XX в. Положение дел усугубляется конфликтом поколений, затрудняющим работу механизмов вертикальной трансляции традиций и ценностей внутри разновозрастных сообществ. Сам по себе конфликт поколений естественен, но с учетом обстоятельств его становления в современной России, усугубленных скоростью развития технологий, меняющих все сферы жизни, он может стать ощутимой проблемой.

Выработка общего мировоззренческого знаменателя для многонациональной, многоконфессиональной и мультикультурной России, уже пережившей «искушение либерализмом», – исключительно сложное дело. В современных исследованиях обоснованно констатируется, что традиционные ценности сегодня сталкиваются с угрозами, имеющими разную природу. Защиту собственных национальных традиций и ценностей от внешних угроз Россия должна сочетать с сохранением способности воспринимать все прогрессивные изменения и генерировать новые ценности. Успех в решении стоящих перед ней задач в области формирования консолидирующего национального мировоззрения во многом будет зависеть от того, каким именно будет контент гуманитарного знания, пронизывающего все уровни образования.

Ключевые слова: национальные традиции, культурные ценности, гуманитарное знание, демократическая Россия.

В первом номере нашего журнала за 2018 г. высказано предположение, что гуманитарное знание в XXI в. упрочит свои позиции в образовательной, научной и культурной сферах¹.

Этот тезис стал стержневым компонентом многих современных социологических, политологических и культурологических исследований. Однако сам по себе открытием он не является. Так, например, еще на рубеже веков по этому поводу академик Б. В. Раушенбах писал: «Тяга к гуманитарной культуре будет, скорее всего, увеличиваться по мере того, как все более мощным будет становиться материальное могущество людей, основанное на все растущем естественно-научном знании. С ростом этого могущества человечеству придется решать все более сложные этические проблемы, и часто решающее слово будет принадлежать не тем, которые аргументируют расчетами, а тем, которые основывают свое мнение на вечно юном опыте гуманитарной культуры»². Ценность этого прогнозакратно возрастает в силу того, что он принадлежит физико-механику с мировым именем, академику РАН, одному из отцов-основателей советской космонавтики. Словом, не гуманитарною.

© Юнгблюд В. Т., 2018

¹ Юнгблюд В. Т. Культурные контуры образов будущего и гуманитарное знание // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 1. С. 9–13.

² Раушенбах Б. В. Гуманитарная культура на рубеже веков // Дни науки в Университете. Избранное. СПб., 2007. С. 51.

Вплоть до начала 90-х гг. прошлого века такой прогноз мог казаться оптимистичным. Мироощущение подавляющего большинства россиян в то время по инерции продолжало подпитываться остаточными знаниями советского школьного (весьма качественного, хотя и выборочного) образования, которое доказывало, что путь России в XX в. – это мейнстрим.

События последнего десятилетия XX в. существенно поколебали это мироощущение. Не только экономика страны тогда испытала шоковую терапию, ее испытало также сознание миллионов россиян. Расставание со «знакомым миром»³ особенно болезненным было для людей старшего и среднего поколений, считавших неопровержимыми истинами утверждения о том, что в СССР создан самый справедливый за всю историю общественный строй, самое гуманное в мире государство, которое стоит на страже интересов трудящихся, самая передовая наука и самая богатая своими творческими достижениями культура. Вся страна гордилась достижениями в освоении космоса, победами хоккейной сборной и поддерживала свое правительство в деле борьбы за мир. И вдруг в считанные месяцы этого не стало.

Отметим, что основания для гордости за свою страну у советских людей были и обеспечивались они не только пропагандистскими кампаниями, но и реальными достижениями. Советским гражданам о них регулярно сообщалось в средствах массовой информации, не говоря уже о материалах Пленумов ЦК и Съездов КПСС.

За рубежом внимательнейшим образом изучали процессы, проходившие в СССР. Западные исследования советской экономики, особенно оценки ЦРУ, «были систематичными» и позволяли составить реалистичные, хотя порой и «расплывчатые представления о реальном положении дел»⁴. Результаты этих исследований поражают как уровнем осведомленности, в том числе и о тревожных тенденциях в области экономики и в социальной сфере Советского Союза, так и удручающей близорукостью в тех случаях, когда дело доходило до конкретных прогнозов⁵.

В одном из новейших исследований, выполненных в рамках Проекта по изучению истории холодной войны Фонда Вудро Вильсона, И. Хэтзивассилиу, не «ангажированный», а вполне «равноудаленный» и объективный грек, профессор афинского университета, утверждает: «Прогнозы Запада в отношении Советского Союза... неизменно точно предсказывали средне- и долгосрочные тенденции развития советской экономики и общества даже в тех случаях... если эти тенденции становились вполне очевидными только по прошествии времени». Обратим внимание на то, что в данном случае речь идет именно о тенденциях, а не о возможных результатах. Иными словами, тенденции снижения темпов роста запланированных показателей и падения производительности труда в Советском Союзе западные аналитики улавливали (советские, кстати, тоже), а вот обрушения второй в мире по объему ВВП экономики, не говоря уже о распаде СССР, никто не предвидел и не целеполагал.

Что же касается той части прогнозов, где речь шла о ближней перспективе, с точностью предсказаний дела обстояли совсем не блестяще. Об этом сообщает тот же автор: «Политические события и решения зависят от конкретных обстоятельств, от психологии участников и даже от тех факторов, которые попросту непредсказуемы. В качестве доказательства сообщим, что один из аналитических докладов НАТО, утверждавших, что "ничто не говорит о том, что Брежнев утрачивает контроль за событиями", был датирован днем его смерти. Кто-то, возможно, усмехнется по поводу такого совпадения, но это будет усмешка легкомысленного человека»⁶.

Ни в СССР, а на момент исчезновения с карты этой страны в ней проживало 294 млн человек, ни в иных державах, в том числе и недружественных, ни во второй половине 1970-х, ни в 1980-х гг. симптомов приближавшегося распада СССР не отмечали. О кризисных и застойных явлениях говорили много, как и о целесообразности реформ, но не о распаде страны, не об изменении формы государственного устройства и общественно-политического строя. В один из трагических моментов германской истории известный государственный деятель со-

³ Словосочетание «конец знакомого мира» было введено Иммануэлем Валлерстайном применительно к событиям 1989–1991 гг., когда была ликвидирована мировая система социализма, по отношению к которым все происшедшее в СССР было частным проявлением глобальных процессов. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003. С. 5–9.

⁴ Hatzivassiliou E. Pointing to the Emerging Soviet Dead Ends: NATO Analysis of the Soviet Economy/ Woodrow Wilson International Center for Scholars, Cold War International History Project, Working Paper #87. Washington, 2018. P. 93.

⁵ Ibid. P. 93.

⁶ Ibid. P. 97.

циал-демократ Отто Вельс признался, что его партия СДПГ «не хотела революции», что «революция пришла сама». Перефразируя немецкого политика, можно сказать, что крушение СССР также никто не готовил, «нерушимый Союз» самоликвидировался под грузом внутренних проблем. Слова Вельса были произнесены по поводу Ноябрьской революции в Германии 1918 г. и падения Второго рейха⁷, но их пафос довольно точно передает ситуацию в России в момент «крупнейшей геополитической катастрофы» века⁸.

Что же касается западных аналитиков, то нельзя забывать о том, что процессы в Советском Союзе они рассматривали на фоне собственных совсем не шуточных трудностей, – запад в эти годы пережил ряд кризисов, – которые вплоть до второй половины 1980-х гг. не давали никаких поводов для оптимистичных прогнозов. Поэтому распад СССР для США и их союзников был скорее неожиданным даром судьбы, чем результатом планомерных подрывных действий.

Приведенный исторический экскурс призван напомнить о том, что в начале 1990-х гг. подавляющее большинство населения страны пережило глубочайший стресс. С одной стороны, он был следствием болезненных перемен в самом образе жизни и, главное, в ее качестве – приватизации, падения уровня жизни, безработицы, сокращения пакета социальных гарантий, расчленения отечества, утраты статуса великой державы и появления по этим причинам растерянности и чувства неполноценности. Но у этого стресса была и обратная сторона – крушение страны сопровождалось компрометацией социалистической идеи. Хотя положения «научного социализма» уже с середины 1970-х гг. многими воспринимались с долей иронии, марксизм-ленинизм позиции господствующей идеологии удерживал достаточно прочно. Даже сравнительно немногочисленные случаи идейной оппозиционности, как правило, проявлялись в виде критики (внутренней или внешней) марксистских положений. Никаких убедительных альтернативных идей или программ гражданам страны ни официальными властями, ни интеллектуальной элитой, ни набравшей силу оппозицией предложено не было. Тезис о «социализме с человеческим лицом» воспринимался не как продуманный политический проект, а как удобная метафора, используемая в тех случаях, когда надо было отмежеваться от неприглядных сторон наследия предшествующих десятилетий правления КПСС.

В начале 1990-х компартия с ошеломляющей быстротой утратила свои позиции, а у пришедших к власти в конце 1991 г. реформаторов, по мнению весьма осведомленного итальянского журналиста и политического деятеля Дж. Къезе, «идея демократии отсутствовала как таковая»⁹. Наблюдательный итальянец дал развернутую характеристику новой генерации российских лидеров: «Они думали, что Запад – это хорошо. И все, никаких других элементов идеологии у них не было. Им казалось, что империализм – это советская выдумка и что на Западе давно уже построен земной рай... Им было невдомек, что Америка – это не Россия, причем ни тогда, ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра, что Америка всегда будет Америкой, а Россия будет Россией. Это историческое представление у них совершенно отсутствовало. Зато присутствовало идеологизированное преклонение перед Западом. Они преклонялись перед "идеалами Запада", не понимая того, что уже тогда это были "идеалы" всеобщей глобализации под эгидой Соединенных Штатов Америки... Все эти люди жили тогда в этой иллюзии»¹⁰.

Напомним, что Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев скончался 10 ноября 1982 г. а Беловежские соглашения, прервавшие историю СССР, были подписаны 8 декабря 1991 г. Судьба страны в течение этих девяти лет зависела не столько от психологии и физического состояния генеральных секретарей и прочих членов Политбюро, сколько от способности всей советской системы предложить адекватный времени сценарий развития страны. Обязательно альтернативный, но, по возможности, адекватный. То есть соответствующий уровню поставленных временем задач. И ведь нельзя сказать, что не было попыток. Были, но ни одна из них не была успешной. Не сложилось. Уже не в первый раз в истории страны в переломный момент ее развития проявилось избыточное отрицание опыта предшествующих

⁷ См.: Пленков О. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб. : Изд-во РХГИ, 1997. С. 160; Хаффнер С. От Бисмарка к Гитлеру: ретроспективный обзор. Революция в Германии 1918–1919. Как это было в действительности. М. : Прогресс, 1983. 224 с.

⁸ Интересно, что термином «катастрофа» при оценке тех же событий 1918 г. в Германии воспользовался другой известный политик – Вальтер Ратенау: «Это была не революция. Это была катастрофа». См.: Пленков О. Указ соч. С. 161.

⁹ Къезе Д. Особый взгляд: интервью журналу «Историк» // Историк. 2018. № 10 (46). С. 17.

¹⁰ Къезе Д. Особый взгляд: интервью журналу «Историк» // «Историк». 2018. № 10 (46). С. 16.

десятилетий. Одним из результатов стало стремительное перемещение господствовавшего в течение более 70 лет марксизма-ленинизма на периферию общественных настроений. Взамен не было предложено никакой внятной консолидирующей идеи, не говоря уже о целостной идеологии.

Советский Союз по праву считался сверхдержавой не только в военно-политическом, но и в идеологическом отношении. Его распад раздробил национальное самосознание. Национальный культурный и общественно-политический дискурс заполнили либеральные, национально-патриотические, националистические идеи, притом что коммунистические и социал-демократические взгляды сохранили заметное число сторонников.

Кризисная ситуация в сфере духовной жизни, возникающая в конце прошлого века, до настоящего времени до конца так и не преодолена. Именно по этой причине Указ Президента Российской Федерации № 204 от 07 мая 2018 г.¹¹ среди приоритетов правительства на ближайшую перспективу называет «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций». Но реалии современной социальной, культурной и политической жизни России таковы, что на пути решения этой задачи встает ряд преград.

О первой из них подробно говорилось выше – это **дробность национального сознания**, образовавшаяся вследствие несостоятельности социалистического опыта и шоковых реформационных действий конца XX в. И хотя с начала XXI в. сделано очень много для того, чтобы была остановлена инерция распада страны, укрепилась оборонная мощь и возродились традиции патриотического воспитания, нерешенные проблемы остаются.

Сейчас ситуация усугублена еще и конфликтом поколений, поскольку **механизмы вертикальной трансляции традиций и ценностей функционируют слабо**. Значительная часть людей старшего поколения продолжает испытывать ностальгию по эпохе развитого социализма. Для тех граждан, которым на момент крушения СССР было 20–30 лет, вхождение в мир рыночной экономики и либеральных лозунгов оказалось менее травматичным, но преуспели в этом мире далеко не все из них. Какого-то цельного мировоззрения это поколение не выработало. Наконец, третье поколение россиян, сознательная жизнь которых началась уже в постсоветское время, события, происходившие в эпоху, когда не было смартфонов, высокоскоростного Интернета и многомерной печати, воспринимают как безнадежную архаику. Сам по себе конфликт поколений естественен, но с учетом обстоятельств его становления в современной России, усугубленных скоростью развития технологий, меняющих все сферы жизни, он может стать ощутимой проблемой.

Выработка **общего мировоззренческого знаменателя (включающего духовные, интеллектуальные и ценностные компоненты) для многонациональной, многоконфессиональной и мультикультурной России, уже пережившей «искушение либерализмом»,** – исключительно сложное дело.

В новейших исследованиях присутствуют констатации, что «традиционные ценности в современном мире находятся под угрозой». При этом отмечается, что наступление на эти ценности ведется сразу по нескольким направлениям: а) через форсирование процессов секуляризации, «распространение сугубо материалистического образа жизни и мышления, массовой культуры»; б) через глобализацию, которая ведет к экспансии «новых ценностей» индивидуальной свободы по всему миру в ущерб национальной самобытности; в) через распространение религиозного фанатизма и этноконфессиональной нетерпимости¹².

Перечисленные угрозы имеют разную природу. Но они управляемы, и каждый из перечисленных трендов создает «многоуровневые зоны высокого напряжения», в которых сталкиваются интересы и идеалы всех субъектов современных политических и социокультурных процессов. Современная Россия является одновременно и активным участником этих процессов, и объектом внешних воздействий. Успешность стоящих перед ней задач в области формирования консолидирующего национального мировоззрения во многом будет зависеть от того, каким именно будет контент гуманитарного знания, пронизывающего все уровни образования и призванного укрепить духовно-нравственные ценности народов Российской Федерации.

¹¹ Указ Президента Российской Федерации № 204 от 07 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

¹² Печатнов В. Традиционные ценности и их противники // Россия XXI век. 2017. № 1. С. 25.

* * *

Раздел «Проблемы отечественной истории» второго номера «Вестника гуманитарного образования» открывает статья доктора исторических наук, профессора Московского педагогического государственного университета А. В. Лубкова «Консервативно-либеральная традиция в России: эволюция идеи и содержания. Карамзин – Чаадаев – Катков». Автор затрагивает широко обсуждаемую проблему поиска новых духовных смыслов современного общества, их значимость для формирования государственной идеологии в нашей стране в условиях кризиса европейской культуры. А. В. Лубков обращается к истории общественной мысли России, наследию оригинальных русских мыслителей и общественных деятелей, стоявших у истоков главных мировоззренческих течений своего времени. От классификационной дихотомии ученый обращается к синтезу и пониманию сложного и противоречивого мира личности в нелинейном и непрерывном движении истории. Автор усматривает взаимосвязь и преемственность концептуальных положений Н. М. Карамзина, П. Я. Чаадаева, М. Н. Каткова. Предложенная ими идеология, по мнению А. В. Лубкова, объединяет различные институты и системы, индивида и народ в единое целое. Консолидирующий потенциал идей этих мыслителей исключительно актуален и должен найти применение в процессе модернизации страны. Внимание читателей автор обращает на осмысление духовно-нравственных ценностей, собственный выбор поступков и мотивов, определяющих личную и гражданскую позицию человека, природу творчества. Статья будет интересна историкам и политологам, чьи профессиональные интересы лежат в плоскости истории общественно-политической мысли и политических процессов в России.

В 2017 г. внимание научной общественности было приковано к истории Февральской и Октябрьской революций в России в связи с их столетними юбилеями. Эти события изменили ход российской и всемирной истории. Их трагическим продолжением в России стала Гражданская война. В этот номер включены статьи, посвященные «белому» движению в Приуралье и Сибири. Доцент кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры А. В. Бушмаков, опираясь на документы из архивных фондов учреждений Временного правительства на территории Пермской губернии, газетные тексты и источники личного происхождения, представляет панораму событий, происходивших в уральской провинции в процессе второй русской революции.

В ходе вооруженной борьбы июня – августа 1918 г. антибольшевистские силы заняли территорию Восточной Сибири. В статье доктора исторических наук, профессора Иркутского национального исследовательского университета П. А. Новикова рассматривается боевой путь 3-й Иркутской Сибирской стрелковой дивизии. Представленные материалы раскрывают специфику действий дивизии в сражениях Гражданской войны в Сибири, Приуралье и Поволжье. Наглядно показаны мужество и героизм, проявленные сибирскими стрелками, ядром которых были офицерство, учащаяся молодежь и часть чиновничества, которые в сложных для судьбы страны условиях не изменили своим убеждениям и однажды сделанному выбору.

Впервые в отечественной историографии Гражданской войны кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета В. В. Журавлев публикует более тридцати архивных документов из фондов хранения Государственного архива Российской Федерации. Основной массив представленных документов составляют так называемые приветственные послания Государственному совещанию в Уфе в сентябре 1918 г. Видовая специфика документов, использованных в публикации, не только позволяет с максимальной полнотой представить определенный вид документов, но и дает возможность увидеть разрозненные коммуникативные акты в качестве единого потока, рассмотреть их как целостный метатекст.

Завершает цикл статей об истории русской революции и Гражданской войны статья аспиранта кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета А. С. Масютина «Секретные сотрудники Охранного отделения в составе организаций социалистов-революционеров Вятской губернии», в которой автор на местном материале раскрывает основные направления работы правоохранителей в борьбе с наиболее «боевой» из подпольных политических партий – социалистами-революционерами. В статье на примере конкретного региона исследован опыт борьбы тайной политической полиции Российской империи с революционным подпольем, вскрыты причины успехов жандармов в борьбе с революционерами, а также факторы, которые в некоторых случаях вели к жандармским просчетам.

Завершает рубрику статья аспиранта кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры Е. В. Болотовой «Формирование образа советской женщины в 20–30-е годы XX века», написанная по материалам журнала «Работница», одного из самых массовых периодических изданий того времени. Автор детально рассматривает гендерные аспекты образов, формировавшихся агитацией и пропагандой. Акцент сделан на генезисе и эволюции образа «настоящей советской женщины».

Рубрику «Проблемы всеобщей истории» открывает статья аспиранта кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета М. В. Бакшаева «Контакты итальянских еврокоммунистов с представителями американской элиты в 1970-е гг.». Интерес к феномену итальянского еврокоммунизма вызван итогами недавних выборов в Италии, где к власти пришло коалиционное правительство, состоящее из двух популистских партий – «Лига» и «Движение 5 звезд», – что, по мнению наблюдателей, можно рассматривать как свидетельство заката итальянского еврокоммунизма – влиятельной политической силы в 70–80-е гг. XX в. Молодой ученый доказывает, что установление в те годы связей между руководством ИКП и представителями политической элиты США было следствием усиления электро-ральных позиций итальянской коммунистической партии. Отмечается, что, несмотря на регулярность контактов с функционерами администрации Дж. Картера, лидеры ИКП не смогли убедить официальный Вашингтон в благонадежности своих намерений и заручиться его поддержкой в вопросе о включении коммунистов в состав итальянского правительства, в то время как американские дипломаты, ученые и политики использовали эти контакты для получения информации об ИКП, что позволило прогнозировать ее поведение.

В 2018 г. Израиль отметил 70-летие. До настоящего времени события, предшествовавшие его созданию, и последовавший за этим один из самых ожесточенных за всю историю межэтнический конфликт неизменно привлекают внимание историков-востоковедов и международных. Традиционно предметом изучения являются позиции великих держав – США, СССР и Великобритании – по этому вопросу. В статье аспиранта кафедры всеобщей истории Тамбовского государственного университета Д. М. Покровской «Проблема раздела Палестины в контексте дипломатической деятельности Лестера Пирсона» предпринята попытка показать роль Канады и канадских дипломатов в решении палестинского вопроса. Особое внимание уделено деятельности знаменитого канадского дипломата Лестера Пирсона и его вкладу в разработку плана раздела Палестины, что, по мнению автора, стало одним из первых «выходов в свет» Канады в качестве самостоятельного актора международных отношений.

Раздел «Проблемы археологии и этнографии» отрывает статья «Крепостные сооружения Псково-Печерского монастыря. Исторический аспект» старшего преподавателя кафедры теологии Псковского государственного университета И. Н. Андрейчука. Представлены результаты изучения материалов о первоначальном облике одного из крупнейших в России фортификационных объектов XVI в. На основе архивных документов, переписных книг и изображений монастыря уточняются периоды строительных работ в крепости вплоть до 1664 г. Определено время возведения отдельных башен, прослежена их эволюция. Особое внимание уделено многоугольной композиции сооружения. Выявлены определяющие факторы разработки плана крепости и расстановки боевых башен. Автор акцентирует внимание на сходстве крепостных стен, проемов боя, форм проездов с крепостными стенами и проездами в башнях Казанского кремля. Подробно описываются характерные черты каждой башни, раскрывается их роль в исследуемом ансамбле. Подчеркивается общегосударственное значение Псково-Печерской крепости. Подводя итоги, автор приходит к выводу об участии в строительстве крепости мастеров, знакомых с приемами фортификационной практики, сложившейся в Москве.

В той же рубрике представлена статья коллектива археологов из Пермского государственного национального исследовательского университета и Пермского краеведческого музея. Предметом исследования ученых стала обувь жителей Кунгура второй половины XVIII–XIX в., описаны результаты проведенной в 2017 г. реставрации кожаной обуви, собранной в ходе раскопок памятника археологии «Кунгур, кремль и посад, поселение». Авторы обосновывают вывод о распространении влияния европейской моды на одежду и обувь горожан второй половины XVIII–XIX в. Собранная коллекция позволяет составить представление о том, какую обувь носили жители уездного города, о ее внешнем виде, материале, способах изготовления.

Раздел «Филологические науки» открывает статья, приуроченная к 70-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Светланы Владимировны Черновой (1948–2016). Авторы, доктор филологических наук, профессор Л. В. Калинина (ВятГУ), и кан-

дидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка, культуры речи и методики обучения Н. Г. Наумова (ВятГУ), обобщают результаты исследований, проведенных за последнее десятилетие представителями научной школы системно-функциональной и интерпретационной лингвистики, работавшей под руководством С. В. Черновой на кафедре русского языка Вятского государственного гуманитарного университета. Авторы проанализировали ряд научных публикаций и систематизировали их таким образом, чтобы показать развитие лингвистических взглядов С. В. Черновой. Основное внимание сосредоточено на обзоре тех исследований (в том числе коллективных), в которых нашла свое воплощение разработанная С. В. Черновой оригинальная концепция лингвистической интерпретации образа человека. Материалы, представленные в данной статье, могут быть полезны для ученых, работающих в области системно-функционального, интерпретационного, когнитивного направлений языкознания, а также занимающихся проблемами лингвистики образа и изучением языка художественной литературы.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения А. Г. Маслова (ВятГУ) обращается к творчеству поэта XVIII в. Е. И. Кострова. Актуальность этого исследования обусловлена возросшим вниманием современной науки к феномену «забытого гения». В статье подчеркивается самобытность дарования Е. И. Кострова, выявляется оригинальная позиция поэта в литературном процессе последней трети XVIII столетия. Автор приходит к выводу, что Кострову свойственно «этикетное смирение» перед классиками, которые оставались для него образцом высокого служения искусству и отечеству, и этим определяется суть его эстетической позиции в литературном процессе последней трети XVIII в.

В разделе, посвященном проблемам культурологии, опубликованы статьи пермских ученых, исследующих грани повседневной жизни Пермского края. Доктор философских наук С. В. Рязанов (Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН) обращается к образу приходского духовенства в представлениях прихожан на примере Прикамского православного сообщества. Автор определил характеристики священнослужителей, которые составили портрет идеального клирика. Было установлено, что отношение к священнику в местном социуме зависит не только от традиционных представлений, но и от уровня эмансипации индивидуального религиозного сознания. Священник предстает как элемент индивидуальной религиозной жизни, служащий нравственным ориентиром, но попадающий в зону критики для большинства мирян.

Статья кандидата философских наук, доцента кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры А. И. Казанкова о топологии провинциальной повседневности в первой половине XX в. продолжает цикл работ этого автора, посвященных базовым структурам провинциальной повседневности Западного Урала в 20–30-х гг. XX в. В основу статьи положены архивно-следственные дела православного духовенства и «церковных людей», хранящиеся в Пермском государственном архиве социально-политических исследований. Применяя уликовую парадигму к материалам «инквизиторской антропологии», автор методично реконструирует среду обитания жителей уральских сел, деревень и заводов.

Завершает рубрику статья аспиранта кафедры культурологии, социологии и философии Вятского государственного университета К. И. Одеговой «Анимационный кинематограф как объект гуманитарного комплексного исследования». Автор объясняет причины популярности анимации, среди которых ее интернациональный характер и особый язык, обладающий высокой степенью условности, делающий анимационные фильмы понятными любому зрителю.

Завершает номер рубрика «Рецензии и научная жизнь». Доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета М. А. Росина анализирует монографию, подготовленную в 2017 г. коллективом Института славяноведения РАН «Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока 1948–1953 гг.». Автор анализирует вошедшие в монографию очерки и приходит к выводу, что советско-югославский конфликт оказал большое влияние на формирование отношений между странами социалистического блока. Он привел к подавлению идеологического инакомыслия и вынудил национальных лидеров к безоговорочному подчинению СССР. Сумев добиться формальных проявлений единства социалистических стран, Москва спровоцировала в них внутреннюю скрытую критику социализма. В конечном итоге в 1950–1960-е гг. это привело к волне антисоветских выступлений в социалистических странах Восточной Европы.

Кандидат исторических наук, доцент Ю. М. Кузьмин делится впечатлениями о монографии ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН И. А. Хормач «СССР в Лиге наций, 1934–1939 гг.». По мнению Ю. М. Кузьмина, монография представляет несомненный интерес в фактологическом и источниковедческом планах, оценки событий, как и общая тональность повествования, отличаются взвешенностью и объективностью. Исследуемый период характеризуется глубокими изменениями в мировой политике, и представленный в монографии анализ деятельности СССР в Лиге наций позволяет глубже понять сложную картину мира в 1930-е гг. Содержательное историческое исследование И. А. Хормач является важным вкладом в изучение внешней политики СССР.

Updating of identity: national traditions and cultural values in modern Russia

V. T. Yungblud

Doctor of historical sciences, professor, President of VyatSU, editor-in-chief of the journal
«Herald of humanitarian education».
ORCID: 0000-0002-2706-3904. E-mail: valerteod@gmail.com

Abstract. The crisis situation in the sphere of spiritual life in Russia, which had arisen at the end of the last century, has not been overcome to the present time. The task of «educating a harmoniously developed and socially responsible person on the basis of spiritual and moral values of the peoples of the Russian Federation, historical and national and cultural traditions» is included in the list of priorities of modern state policy. But there are a number of obstacles in the way of solving this problem. One of them is the fractionality of national consciousness resulting from the failure of the socialist experience and the shock of the reformation conflict at the end of the twentieth century. Situation is exacerbated by the conflict of generations, complicating the work of the mechanisms of vertical transmission of traditions and values inside the mixed-age communities. In itself, the conflict of generations is natural, but regarding the circumstances of its formation in modern Russia, aggravated by the speed of development of technologies that change all spheres of life, it can become a tangible problem.

The development of a common ideological denominator for a multiethnic, multi-confessional and multi-cultural Russia that has already experienced the «temptation of liberalism» is an extremely difficult task. In modern researches it is reasonably stated that traditional values today face threats of different nature. Russia should combine the protection of its own national traditions and values from external threats with the preservation of the ability to perceive all progressive changes and generate new values. Success in solving the challenges facing it in the formation of a consolidating national worldview will largely depend on what kind of content will the humanitarian knowledge that permeates all levels of education be.

Keywords: national traditions, cultural values, humanitarian knowledge, democratic Russia.

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 947(470)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.016

Консервативно-либеральная традиция в России: эволюция идеи и содержания. Карамзин – Чаадаев – Катков

А. В. Лубков

доктор исторических наук, профессор, ректор,
Московский педагогический государственный университет, член-корреспондент РАО. Россия, г. Москва.
E-mail: av.lubkov@mpgu.su

Аннотация. В условиях духовного кризиса и обезличивания культуры, вариативности и трансформации смыслов обращение к истории общественной мысли России, наследию оригинальных русских мыслителей и общественных деятелей, стоящих у истоков главных мировоззренческих течений, представляется автору статьи важным в исследовании проблем социокультурного пространства и времени. От классификационной дихотомии автор обращается к синтезу и пониманию сложного и противоречивого мира личности в нелинейном и непрерывном движении истории.

Вопросы консолидации общества вокруг решения главных национальных задач объединяют столь разных в оценках современников и потомков отечественных мыслителей. Автор усматривает взаимосвязь и преемственность концептуальных положений Н. М. Карамзина, П. Я. Чаадаева, М. Н. Каткова. Предложенная ими идеология, по мнению автора, объединяет различные институты и системы, индивида и народ в единое целое перед вызовами модернизации страны. Известная формула – самодержавие, православие, самобытность (народность) – приобретает глубокое смысловое звучание, обращая к проблемам солидарности и гармонии, к исконной духовной традиции соборности.

Консервативно-либеральная традиция представлена автором в развитии основополагающих ее концептов. В статье осуществлен синтез двух разных идеологий, предпринято их обобщение в конкретном историческом контексте. При этом главное внимание читателей автор обращает на осмысление духовно-нравственных ценностей, собственный выбор поступков и мотивов, определяющих личную и гражданскую позицию человека, природу творчества.

Ключевые слова: личность, социокультурное пространство, национальная культура, идентичность, традиции, самосознание, самопознание.

Оригинальным мыслителям русской общественной мысли Н. М. Карамзину, П. Я. Чаадаеву, М. Н. Каткову удалось привлечь значительные силы русской науки и культуры, консолидировать политических единомышленников и оппонентов вокруг решения главных задач своего времени, которые имели подчас государственное значение. К числу таковых относятся проблемы национальной идентичности и национального самосознания, духовного самопознания России, проблема воспитания национальной идеи. Примечательно, что современники и потомки не раз возвращались к пониманию и оценкам самобытных идейных вдохновителей.

Их творчество – свидетельство необъятной многогранности человеческой личности, богатства и глубины ее внутреннего мира. Удивительным образом во времени и пространстве соединяются личности и идеи, а Россия предстает как живая Вселенная, глубины которой таят в себе еще не разгаданные миры, разные традиции, которые необходимо правильно освоить. В их органичном синтезе и заключены русская симфония, сложность, богатство мира отечественной истории и культуры.

Предложенные мыслителями концепты вряд ли укладываются в привычную классификационную дихотомию либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса. Приверженность целям и принципам имперского сознания, служение народу и Отечеству были тем идеалом и компасом, которые направляли устремления этих тружеников мысли, слова и дела, причисляемых нами к консервативно-либеральной русской традиции.

«Мы стали гражданами мира, перестав при этом быть гражданами России» [7, с. 35], – с сожалением признавал Карамзин в 1811 г. в своей знаменитой «Записке о древней и новой истории России в ее политическом и гражданском отношениях». Это был своего рода меморандум, трактат русского консерватизма, вызванный неприятием преобразовательных планов Сперанского. Карамзин предложил модернизацию страны, но такую, которая бы обеспечивала внутреннюю стабильность и одновременно европейский статус России как современной великой империи [14, с. 129]. Следует иметь в виду, что свою «Записку» Карамзин писал накануне войны с Наполеоном и был озадачен поисками обновленной идеологии самодержавия как ответа на вызов времени.

Вопрос о национальной идентичности и национальном самосознании, особенностях исторического развития России и Запада, патриотизме, истинном и мнимом, с еще большей силой «прогремел» спустя два десятилетия. В мировоззрении русского образованного общества происходили глубокие изменения. П. Я. Чаадаев, по сути, первым среди мыслителей определил содержание эпохи 1830–1850-х гг. как время создания ясного и явного имперского образа России в сознании современников. Еще до нашумевшей публикации в «Телескопе» он писал А. И. Тургеневу: «В настоящую минуту у нас происходит какой-то странный процесс в умах. Вырабатывается какая-то национальность, которая, не имея возможности обосноваться ни на чем, будет, понятно, совершенно искусственным созданием» [22, с. 91–92]. П. Я. Чаадаев выступает предвестником русской гражданской (политической) нации, сторонником и провозвестником которой впоследствии станет Катков.

Именно в этот период наблюдается становление феномена российской интеллигенции, одной из первых осмысливающей и призванной дать ответы на глубокие онтологические, историософские, антропологические вопросы. И уже тогда зарождался раскол русской элиты. С одной стороны, формировалось державное, имперское сознание, а с другой – развивалась традиция секулярного, нигилистического сознания, олицетворяющего борьбу не только за свободу личности, но и против государства, традиций, культурного значения того русского государственного проекта, который сложился в российской истории к XIX в.

Публикация первого «Философического письма» в октябрьском номере журнала «Телескоп» в 1836 г. всколыхнула все общество как ни до того, ни после, «не было дома, в котором не говорили бы про “чаадаевскую статью” и про “чаадаевскую историю”; <...> все соединилось в одном общем вопле проклятия и презрения человеку, дерзнувшему оскорбить Россию» [4, с. 390]. Так, многие оценивали публикацию и ее автора, который был объявлен, по высочайшему повелению, сумасшедшим, «запрещался ему выход из дома и сообщение с человеческим общежитием» [5, с. 471].

Общество бурлило, погружаясь в диалог о самобытности или отсталости, личной свободе и национальных интересах, Родине и ее судьбе. Открыто и резко, как до него это делал Н. М. Карамзин, П. Я. Чаадаев противопоставил пути развития России и Запада. Задача российской цивилизации, ее предназначение, поставленная Чаадаевым в качестве главной задачи национальной мысли, определила все содержание поисков русского самосознания в его различных вариантах: славянофильском, западническом, радикально-демократическом и в консервативно-охранительном.

Продолжая или отвергая «чаадаевское» в русской истории, до сих пор дискутируют, кто же такой Чаадаев – революционер или государственный, западник, русофоб или славянофил, католик или православный, либерал или консерватор [2; 6; 17; 18; 22; 21]. Одни видят в нем человека, навязывающего свои доктрины и «чужеземные идеологизмы» «серой толпе», и противопоставляют Пушкину как представителю «мира русского, человечества русского» [1; 15; 19]. Другие воспринимают имя Чаадаева в качестве знака-символа, идеологической доминанты русского духовного ренессанса: «Чаадаев – есть все нашей мысли» [3]. Действительно, «более чем полуторовековая история «Философического письма» и других произведений Чаадаева доказывает, что «басманный философ» – зеркало, в которое смотрится Россия на переломных этапах своей истории» [3, с. 3].

Понимание сложной диалектики идей и людей выводит за рамки известного угла зрения. Как непримиримые идейные противники, западники и славянофилы признавали общность духовной опоры общества, основы для взращивания ростков народного самосознания, так и сегодня можно увидеть схожие основополагающие константы, выстроить преемственность идей и иерархию ценностей при обращении к ключевым фигурам, определяющим полемику в русском обществе.

Спустя сорок с лишним лет карамзинская декларация нашла свое продолжение. Через призму времени содержащиеся в ней идеи преломились в свете новых реформ либеральной бюрократии. Против нее последовательно выступал сначала Карамзин, а позже борьбу возглавил Катков, черпавший из наследия историка поддержку в своих публицистических баталиях. В своем безапелляционном отношении к идеологическим и политическим противникам, безоговорочном и бескомпромиссном отрицании «отрицателей» Катков снискал славу главного нигилиста в русской журналистике 1860-х гг. [12, с. 704].

О Каткове, идеологе и выразителе определенного идейного направления, сложилась богатая палитра мнений и оценок, подобно чаадаевской. Но все были едины в одном: на Страстном бульваре в Москве появилась своего рода «инспекция всероссийской службы», которую боялись, ненавидели, клеветали на нее. «В Петербурге, и именно во “властных сферах”, боялись Каткова. Чего боялись? Боялись в себе недостойного, малого служения России, боялись в себе эгоизма, “своей корысти”. И – того, что все эти слабости никогда не будут укрыты от Каткова, от его громадного ума, зоркого глаза, разящего слова». «Критерием же и руководящим в критике принципом было то историческое дело, которое Москва сделала для России. Дело это – единство и величие России» [16].

Государственная, державная идеология как необходимое условие формирования национального сознания и обеспечения государственного единства Российской империи объединяет выдающихся представителей отечественной культуры Карамзина – Чаадаева – Каткова. Здесь нами видится главная линия единого потока русской культуры.

Реперными точками в представленных ими концепциях определенно можно считать те принципы, которые будут положены графом С. С. Уваровым в основу классической идеологии. Знаменитая триада – самодержавие, православие, самобытность (народность) – не механическая сумма отдельных ее элементов, но – соединение, симфония, целостность и единство государства, Церкви, веры, истории, культуры, языка, народа и личности, существующей в данном пространстве в союзе и единении с другими, своими ближними. То, что в русской духовной традиции воплотится в понимание *соборности – гармонии целого при свободе всех его составляющих*.

Запад исходил и исходит из другого понимания своего опыта – из противопоставления личной индивидуальной свободы всему остальному. Осознание принципиального различия, заложенного в культурно-историческом коде, матрице двух цивилизаций – западной и восточной, происходило постепенно. В XIX в. в качестве главного фактора развития для первой утвердилась конкуренция, Россия же исходила из идеи общинности, народности и солидарности, что и получило свое официальное закрепление в государственной идеологии при императоре Николае I.

Одним из первых основополагающие концепты известной триады сформулировал Н. М. Карамзин. Принципы легитимизма, имевшие широкую популярность среди европейских консервативных кругов, подвергших ревизии идеи Просвещения, приобрели в трактовке Карамзина определенную систему. Основным в понимании Карамзина является тезис о самобытности России, ее особом пути, сопряженный со значимостью идеи национального достоинства [14, с. 69]. Достоинство нации в конкретном историческом контексте выступает против свободы личности, как закон и порядок отрицают произвол, своеволие и тиранию.

Хотя имперский период русской истории не был написан Карамзиным, но им одним из первых была дана развернутая оценка царствования Петра Великого и последствий его преобразований. Именно в «Записке о древней и новой России» Карамзин попытался непредвзято подойти к личности царя-реформатора, сумевшего обратить развитие России в новое русло.

Карамзин не отрицает исторических заслуг Петра в деле возвышения России и укрепления ее могущества, но обращает внимание на два аспекта. Во-первых, он прослеживает истоки петровских преобразований, подготовленных предшествующей мудрой, терпеливой политикой московских царей в течение двух столетий, и, во-вторых, резко критически оценивает насильственный характер мер, при помощи которых Петр проводил политику «европеизации» страны. «Искореняя древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце», – писал Карамзин. Серьезной ошибкой Петра Карамзин считал принижение значения Православной церкви, уничтожение патриаршества, введение Святейшего Синода, контролируемого светской властью, что, по его мнению, привело к утрате Церковью своего священного назначения [20, с. 243].

Оценки Карамзина важны и интересны в перспективе общего концептуального видения судьбы страны и обоснования необходимости вносить изменения в проводимый правительством курс реформ.

Достоинства нации и народа, как мы понимаем сегодня, не могут попираТЬ личного достоинства человека и гражданина. Одного не существует без другого. Искусственность такого противопоставления, надо полагать, была очевидной и для Карамзина, хотя проблема политической свободы, а также проблема отмены крепостного права в России действительно не рассматривались им как первоочередные. Это реальное противоречие трудно было разрешить исходя из противостояния легитимизма – консерватизма свободе – либерализму. Необходим был синтез идеологий, их обобщение на другом уровне и другом витке истории, что позднее и попытались сделать последователи Карамзина, включая Каткова.

В 1870 г. цензура запретила публиковать «Записку» Карамзина в декабрьском номере «Русского архива». По этому поводу Катков незамедлительно указал, что исторические идеи имеют свою относительную ценность. «Что перед высшими требованиями является ложью и несправедливостью, то было в свое время и истинно, и справедливо, и необходимо». Он подчеркивал *ценность, преемственность и неизменность* своей общей с Карамзиным позиции – поставить на твердом основании и отстоять принцип самодержавия против некоторых окружавших государя людей, желавших ограничить его власть в свою пользу [8, с. 632].

Катков как публицист, развивал идеи противопоставления России и Запада, исходя из собственного анализа и понимания оппозиции «свой – чужой». Он защищал государственные интересы империи в делах как внешнеполитических, так и внутренних, всегда предполагая их самую тесную взаимосвязь. Идея самодержавия – прямой связи государя с народом – будет актуализироваться в творчестве Каткова в качестве органичного и фундаментального принципа Российского государства в его прошлом, настоящем и будущем.

Этот идейный стержень при всей изменчивости конкретно-исторических оценок, включая вопрос о судьбе его родины, оставался неизменным в философских воззрениях Чаадаева. В этой изменчивости, при сохранении общего стержня, нам видится то, что сближало Каткова с Чаадаевым.

Если у Чаадаева и было неприятие власти, то его можно расценивать как традиционную, присущую определенной части русской аристократии, оппозицию духовную и интеллектуальную. Прежде всего, она была направлена против непонимания верховной властью своего истинного призвания – являться выразителем высшей идеи о своем предназначении и служении Отечеству.

П. Я. Чаадаев обращает пристальное внимание на то, что русский народ через деятельность государей ведет само Провидение [22, с. 527]. «Нам позволено, – писал философ, – надеяться на благоденствие еще более широкое, чем то, о котором мечтают самые пылкие служители прогресса... <...> для достижения этих окончательных результатов нам нужен только один властный акт той верховной воли, которая вмещает в себя все воли нации, которая выражает все ее стремления, которая уже не раз открывала ей новые пути...» [22, с. 535–536].

В противопоставлении рационалистического, прогрессистского толкования людьми истории ее мистическому началу, провиденциализму, начертанному свыше священному таинству, к постижению которого призваны русские монархи, угадывается общность взглядов рассматриваемых нами мыслителей на сакральную природу царской власти.

Чаадаев, а затем и Катков видели в религиозно-философском развитии русского народа ещё одну из его особенностей и возможность преодоления европейского рационализма путем утверждения национальных начал в жизни государства и Церкви. Чаадаев был убежден, что без «оживления» веры Россия – страна без будущего.

Как известно, Чаадаев оставался до своей кончины православным человеком, исповедавшимся и причастившись перед смертью. Но в первом и втором «Философических письмах» он дал резкие оценки роли православия в России и в мире. Затем его оценки меняются на противоположные: в шестом «Философическом письме» он выступает как сторонник объединения всех христианских вероисповеданий, которые должны возвратиться к «Церкви-матери», т. е. к католицизму. Буквально такую же идею выдвинул и Катков с той лишь разницей, что объединяющим началом воссоздания единой вселенской Церкви для Каткова являлось православие [9].

Исходя из понимания традиционных ценностей и опыта, заложенного в культурно-историческом коде русского народа, Катков развивал осмысленные им еще в молодости идеи народности (самобытности) и солидарности, духовности, открытости и любви.

Уже в раннем творчестве («Песни русского народа», 1839) Катков вникал в исследование струн русской души – народные песнопения, стремясь найти ключ к разгадке тайн русской души и духа. «Углубляйтесь в поэзию народа для того, чтобы изведать содержание, глубину и мощь его фантазии, чтобы лицом к лицу познакомиться с его духом, проникнуться им и после узнавать его везде, во всех разнообразных проявлениях» [10, с. 66], – наставлял он. «Читатель! Благослови свою родину, благослови народ, из которого ты вышел. Этот мир, на который мы взглянули теперь мельком, – этот мир – дивное создание творческой фантазии» [10, с. 60].

Это чувство родного А. С. Пушкин называл «животворящей святыней», основой «самостоянья человека», «величия его». Без него «наш тесный мир – пустыня», «алтарь без божества». Выступая против разрушения и ниспровержения основ государства, в своем служении на общественном поприще Катков стремился сплотить русское общество могущественной скрепой национального самосознания, уча его критически оценивать и осмысливать происходящее, распознавать разрушающие нигилистические тенденции, быстро укореняющиеся в сознании. Он практически воплощал русскую духовную традицию – идею соборности, гармонии целого. Это то, что сближало Каткова с Чаадаевым и всем последующим движением русской религиозной философии, развивавшим *идею соборного сознания*.

В то же время ключевая для либеральной идеологии *идея личности* также находит свое развитие в творчестве этих ярчайших мыслителей. Чаадаев полагал, что «вытянуть» народ в историю возможно именно через личность «в ее настоящем значении». Мнение же о «безграничной свободе как условии развития умов» он считал «страшным заблуждением». «Личность и свобода, – полагал он, – существуют лишь постольку, поскольку есть различия в умах, нравственных силах и познаниях» [22, с. 391]. Главным творцом истории и культуры является человек. Да, исторический процесс таинственным образом движется Божественным Провидением, но воплощается Провидение в свободных поступках людей. Недаром Чаадаев столь резко возражал против «суеверной идеи повседневного вмешательства Бога» в исторический процесс.

Свое завершение консервативно-либеральный синтез удивительным образом получил в творчестве и деятельности Каткова. Идея личности в устах Каткова будет возвращать внимание российской элиты к решению актуальных проблем государства, показывать высшей бюрократии и всей российской элите ее истинное призвание и предназначение. На страницах возглавляемых им изданий обличались уродливые явления и глубокие проблемы, которыми оборачивались преобразования под руководством безответственных либеральных реформаторов. Своими действиями, а часто бездействием они дискредитировали реформы и наносили непоправимый ущерб национальным интересам страны и ее будущему.

Обобщение двух идеологий показывает сложный, неоднозначно оцениваемый процесс становления национально мыслящей интеллигенции, думающей в первую очередь о русских интересах. Карамзин – Чаадаев – Катков осуществляли имперский проект как один из путей модернизации страны в интересах ее внутренней стабильности и статуса великой империи.

Карамзин, отталкиваясь от консервативных принципов, шел дальше к историческим исследованиям, подтверждая, уточняя или опровергая свои идеологемы, стал не только историографом, но историософом – мыслителем. Обращаясь к осмыслению и разрешению идеологической по своей сути проблемы, он размышлял над историческими особенностями и различиями в судьбах России и Запада. Показательно, что, не вдаваясь в отвлеченные философские рассуждения, он предложил своим соотечественникам задуматься над темой *Бытия и Времени*, выдвинув свой основной довод и материал для последующих размышлений – «Историю государства Российского», открывая, как выразился Пушкин, «подобно Колумбу, русским их собственное прошлое».

Дальнейшее обращение к перу и слову П. Я. Чаадаева и М. Н. Каткова свидетельствует о непреходящем значении «вечных» вопросов, выдерживающих испытание временем. Идею наследие «золотого века» побуждает критически разбираться в природе творчества, выборе поступков и мотивов, определяющих выбор человеком своей личной и гражданской позиции. Когда, казалось бы, высшие духовно-нравственные ценности должны быть общими для всех людей, для каждого человека как разумного и духовного существа в отдельности, в действительности обнаруживается обратное.

Одни от изначально принятой ими схемы, универсальной идеи Просвещения о свободе народов и свободе личности, в противостоянии тирании самодержавной власти пришли на Сенатскую площадь. И, как известно, – «из искры возгорелось пламя...». Горячие патриоты, участники и герои прошедших войн и походов превратились в жестких доктринеров, чтобы в

конец концов встать на путь борцов, революционеров, мучеников, пожертвовавших собой ради идеи... В своих показаниях на следствии декабристы прямо указывали на сочинение Н. М. Карамзина среди других, наиболее повлиявших на их развитие и мировоззрение книг отечественных и зарубежных авторов [13, с. 22].

Отстаивание либеральных ценностей и свобод, столь свойственное русскому человеку, подлинной справедливости и человеческого достоинства привело других к итогу, оказавшемуся столь неожиданным для многих либералов. Они «хотели ледокола, а получилось землетрясение», разрушившее основы государственной власти и устои русского общества. Идеология февразизма не сумела соединить державность и государственность с идеей свободомыслия, самоуправления, гражданского общества. И это стало трагедией для людей, которые по сути своей были очень искренними патриотами. Правда, понимание патриотизма, любви к Родине и к Богу среди либеральной элиты в то время не было распространено.

Историю отечества всякий прочитывал и понимал по-своему. Но вдумчивые и ответственные мыслители и деятели предлагают общественному сознанию иную точку зрения на феномен российской модернизации, предлагая сконцентрировать свое внимание на взаимодействии различных институциональных структур, культурного контекста и индивидуальной активности человеческой личности.

В определенном, концептуальном, смысле дискуссия об отношении «новой» и «древней» России нельзя полагать завершенной и сегодня, 200 лет спустя. В конечном итоге именно от возникающего таким образом эффекта органического национального синтеза, способного ответить вызовам времени, и зависит судьба непрерывной и дискретной российской модернизации.

Список литературы

1. Василенко А. Хищный цветок, или П. Я. Чаадаев в истинном свете // Молодая гвардия. 1993. № 7. С. 195–208.
2. Добровольский В. Ю. П. Я. Чаадаев и его взгляды на судьбы России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 30 с.
3. Ермичев А., Злотопольская А. Петр Яковлевич Чаадаев в русской мысли. Опыт историографии // П. Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1998. С. 7–40.
4. Жихарев М. И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Петр Яковлевич Чаадаев. М. : Рус. мир, 2008. С. 340–401.
5. Из воспоминаний М. А. Дмитриева // Петр Яковлевич Чаадаев. М. : Рус. мир, 2008. С. 469–472.
6. Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры: философско-исторический анализ. М. : РОССПЭН, 2001. 701 с.
7. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении / предисл., подгот. текста и примеч. Ю. С. Пивоварова. М. : Наука, 1991. 127 с.
8. Катков М. Н. Запрещение цензуры «Записки о новой и древней России» Карамзина // Катков М. Н. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. Впервые: Московские ведомости. 1870. 24 дек.
9. Катков М. Н. Возрастание стремления к единой вселенской Церкви // Московские ведомости. 1869. 16 янв.
10. Катков М. Н. Песни русского народа // Отечественные записки. 1839. Т. 4. № 6. С. 1–24; № 7. С. 25–92.
11. Корнилов А. А. Михаил Никифорович Катков (1818–1887) // История русской литературы XIX в. : в 5 т. / под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, при ближайшем участии А. Е. Грузинского и П. Н. Сакулина. Т. 5. М. : Мир, 1911. С. 118–133.
12. Кузнецов Ф. Ф. Круг Д. И. Писарева. М. : Худож. лит., 1990. 926 с.
13. Лубкова Е. Я. Жизнь и судьба князя Федора Петровича Шаховского. М. : Прометей, 2005. 175 с.
14. Минаева Н. В. Век Пушкина. М. : Собрание, 2007. 303 с.
15. Пыпин А. Н. Проявления скептицизма. – Чаадаев // П. Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1998. С. 166–183.
16. Розанов В. В. Суворин и Катков // Колокол. 1916. 11 марта.
17. Рудаков Л. И. Социальная философия П. Я. Чаадаева и русская философская и общественная мысль XIX в. : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2000. 64 с.
18. Русская историософия. Антология. М. : РОССПЭН, 2006. 447 с.
19. Страхов Н. Н. Бедность нашей литературы (отрывок) // П. Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1998. С. 164–165.

20. Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-политической мысли XVIII – начала XIX века. СПб. : Наука, 2004. 277 с.

21. Степун Ф. А. П. Я. Чаадаев // П. Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1998. С. 370–374.

22. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т. М. : Наука, 1991. Т. 1. 768 с. Т. 2. 672 с.

Conservative-liberal tradition in Russia: evolution of idea and content. Karamzin-Chaadaev-Katkov

A. V. Lubkov

Doctor of historical sciences, professor, rector,
Moscow State Pedagogical University, corresponding member of RAE, Russia, Moscow.
E-mail: av.lubkov@mpgu.su

Abstract. In modern conditions of spiritual crisis and depersonalization of culture, variability and transformation of meanings the appeal to history of Russia's social thought, the heritage of the original Russian thinkers and public figures at the sources of the main worldview currents seems to the author of article to be important in the study of problems of sociocultural space and time. From a classification dichotomy the author addresses synthesis and understanding of the difficult and contradictory world of the personality in the nonlinear and continuous movement of history.

Questions of consolidation of society around the solution of the main national tasks unite so different contemporaries and descendants of domestic thinkers in estimates. The author sees interrelation and continuity of conceptual provisions of N.M. Karamzin, P. Ya. Chaadayeve, M. N. Katkov. The ideology offered by them, according to the author, unites various institutes and systems, the individual and the people in a whole before calls of modernization of the country. The known formula – autocracy, Orthodoxy, originality (nationality) – gets deep semantic sounding, turning to problems of solidarity and harmony, to primordial spiritual tradition of conciliarity.

The author in development of fundamental concepts presents the conservative and liberal traditions. In article synthesis of two different ideologies is carried out, their generalization in a concrete historical context is undertaken. At the same time the author draws the main attention of readers to judgment of spiritual and moral values, own choice of the acts and motives defining a personal and civic stand of the person, the creativity nature.

Keywords: personality, sociocultural space, national culture, identity, traditions, self-comprehension, self-knowledge.

References

1. Vasilenko A. *Hishchnyj cvetok, ili P.YA. CHaadaev v istinnom svete* [Predatory flower, Or P. Ya. Chaadaev in the true light] // *Molodaya gvardiya* – Young guard. 1993, No. 7, pp. 195–208.

2. *Dobrovol'skij V.YU. P.YA. CHaadaev i ego vzglyady na sud'by Rossii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Chaadayeve and his views on the fate of Russia: bstr. dis. ... PhD of hist. sciences]. M. 2007. 30 p.

3. Ermichev A., Zlotopol'skaya A. *Petr YAKovlevich CHaadaev v russkoj mysli. Opyt istoriografii* [Peter Yakovlevich Chaadaev In Russian thought. Experience of historiography] // *P.YA. CHaadaev: proetcontra: Lichnost' i tvorchestvo Petra CHaadaeva v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologiya* – P. Ya. Chaadaev: proetcontra: Personality and creativity of Peter Chaadaev in the evaluation of Russian thinkers and researchers. Anthology. SPb. Publishing house of Rus. Christian Humanit. Institute. 1998. Pp. 7–40.

4. ZHiharev M. I. *Dokladnaya zapiska potomstvu o Petre YAKovleviche CHaadaeve* [Memo to posterity about Peter Yakovlevich Chaadaev] // *Petr YAKovlevich CHaadaev* – Petr Yakovlevich Chaadaev. M. Rus. mir. 2008. Pp. 340–401.

5. *Iz vospominanij M. A. Dmitrieva* – From memoirs of M. A. Dmitriev // *Petr YAKovlevich CHaadaev* – Petr Yakovlevich Chaadaev. M. Rus. mir. 2008. Pp. 469–472.

6. Kantor V.K. *Russkij evropec kak yavlenie kul'tury: filosofsko-istoricheskij analiz* [Russian European as a phenomenon of culture: philosophical and historical analysis]. M. ROSSPEN. 2001. 701 p.

7. Karamzin N. M. *Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyah* [Note on ancient and new Russia in its political and civil relations] / Preface, prep. of text and notes by Yu. S. Pivovarov. M. Nauka. 1991. 127 p.

8. Katkov M. N. *Zapreshchenie cenzuroyu «Zapiski o novoj i drevnej Rossii» Karamzina* [The prohibition of censorship «Notes on ancient and new Russia» by Karamzin] // *Katkov M. N. Sbranie sochinenij: v 6 t. T. 1* [Collected works: in 6 vol. Vol. 1]. For the first time: Moscow news. 1870. Dec 24.

9. Katkov M. N. *Vozrastanie stremleniya k edinoj vselenskoj Cerkvi* [The increase in the desire for a single universal church] // *Moskovskie vedomosti* – Moscow news. 1869. 16 Jan.
10. Katkov M. N. *Pesni russkogo naroda* [Songs of the Russian people] // *Otechestvennye zapiski* – Domestic notes. 1839, vol. 4, No. 6, pp. 1–24; No. 7, pp. 25–92.
11. Kornilov A. A. *Mikhail Nikiforovich Katkov (1818–1887)* [Mikhail Nikiforovich Katkov (1818-1887)] // *Istoriya russkoj literatury XIX v.: v 5 t.* – History of Russian literature of the XIX century: in 5 vols / ed. by D. N. Ovsyaniko-Kulikovskii, with the participation of A. E. Gruzinskiy and P. N. Sakulin. Vol.5. M. Mir. 1911. Pp. 118–133.
12. Kuznecov F. F. *Krug D.I. Pisareva* [Social circle of D. I. Pisarev]. M. Khud. lit. 1990. 926 p.
13. Lubkova E. YA. *ZHizn' i sud'ba knyazya Fedora Petrovicha SHahovskogo* [Life and fate of Prince Fyodor Petrovich Shakhovskiy]. M. Prometheus. 2005. 175 p.
14. Minaeva N. V. *Vek Pushkina* [The age of Pushkin]. M. Sobraniye. 2007. 303 p.
15. Pypin A.N. *Proyavleniya skepticizma. – CHaadaev* [Manifestations of skepticism. – Chaadaev] // P. YA. *CHaadaev: proetcontra: Lichnost' i tvorchestvo Petra CHaadaeva v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologiya* – P. Ya. Chaadaev: proetcontra: Personality and creativity of Petr Chaadaev in the assessment of Russian thinkers and researchers: anthology. SPb. Publishing house of Rus. Christian Humanit. Institute. 1998. Pp. 166–183.
16. Rozanov V. V. *Suvorin i Katkov* [Suvorin and Katkov] // *Kolokol* – Bell. 1916, March 11.
17. Rudakov L.I. *Social'naya filosofiya P.YA. CHaadaeva i russkaya filosofskaya i obshchestvennaya mysl' XIXv.: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Social philosophy of P. Ya. Chaadaev and the Russian philosophical and social thought of the XIX century: abstr. dis. ... Dr of philos. sciences]. SPb. 2000. 64 p.
18. *Russkaya istoriosofiya. Antologiya* – Russian historiosophy. Anthology. M. ROSSPEN. 2006. 447 p.
19. Strahov N. N. *Bednost' nashej literatury (otryvok)* [The poverty of our literature (excerpt)] // P. YA. *CHaadaev: proetcontra: Lichnost' i tvorchestvo Petra CHaadaeva v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologiya* – P. Y. Chaadaev: proetcontra: the Person and works of Petr Chaadaev in the evaluation of Russian thinkers and scholars: anthology. SPb. Publishing house of Rus. Christian Humanit. Institute. 1998. Pp. 164–165.
20. Stennik YU. V. *Ideya «drevnej» i «novojoj» Rossii v literature i obshchestvenno-politicheskoj mysli XVIII – nachala XIX veka* – The idea of "ancient" and "new" Russia in the literature and socio-political thought of the XVIII – early XIX century. SPb. Nauka. 2004. 277 p.
21. Stepun F.A. *P.YA. CHaadaev* [P. Ya. Chaadaev] // P.YA. *CHaadaev: proetcontra: Lichnost' i tvorchestvo Petra CHaadaeva v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologiya* – P. Ya. Chaadaev: proetcontra: the Person and works of Petr Chaadaev in the evaluation of Russian thinkers and scholars: anthology. SPb. Publishing house of Rus. Christian Humanit. Institute. 1998. Pp. 370–374.
22. *CHaadaev P. YA. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma: v 2 t.* [Complete works and selected letters: in 2 vols]. M. Nauka. 1991. Vol. 1. 768 p. Vol. 2. 672 p.

Революция 1917 г. в провинции как культурный конфликт

А. В. Бушмаков

кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь.
E-mail: bushmakov@yanex.ru

Аннотация. Статья посвящена восприятию и интерпретациям разворачивающихся в провинции с марта 1917 г. событий второй русской революции. Опираясь на документы из архивных фондов учреждений Временного правительства, действовавших на территории Пермской губернии, газетные тексты и источники личного происхождения, автор демонстрирует конфликты смыслообразующих интерпретаций образованных людей, интеллигенции и народных масс, показывая, что провал попытки создать новое демократическое общество и государство обусловлен разницей в их культурах. Рассогласованность опривыченных моделей поведения (друг с другом и с объективной реальностью) превращала революционный процесс в перманентный культурный шок для большинства современников и провоцировала ситуацию аномии. В статье показывается абсурдность происшедшего как неотъемлемый элемент революции. Акцентируется внимание на иррациональных мотивах поведения современников, которые были обусловлены ранее установками и моделями культуры, уже совершенно не отвечающими новой политической и социальной ситуации.

Ключевые слова: революция 1917 г., Пермская губерния, интеллигенция, Временное правительство, социокультурный конфликт, жизненный мир.

В современной исторической науке сохраняется закрепившийся еще в XIX в. принцип, требующий от ученого рационально объяснить происшедшее – выявить причинно-следственные связи между историческими событиями, показать рационального типа логику в поступках людей и социальных групп, которые действуют исходя из своих осознанных политических и экономических интересов. У историков до сих пор принято рационально обосновывать социальное поведение даже тех людей, которых образованные современники не стеснялись обозначать как «темные массы».

Слабость такого традиционного подхода заключается в искусственной рационализации мотивов, которыми руководствовались индивиды, в игнорировании роли культуры (менталитет и ценности, а также определяемые ими культурные нормы и модели поведения), которая в России начала XX в. была в значительной степени иррациональной, основанной на религии и на предшествующей традиции, зачастую очень архаичной. В результате у историка нередко получается логичная и понятная современному человеку реконструкция событий, которая, однако, совсем не обязательно имела место быть в реальности.

В отечественной историографии второй русской революции последних десятилетий наметился поворот к изучению культурного аспекта исторических событий. Все большим числом российских ученых принимается характерная для западноевропейской исторической антропологии и истории повседневности конца XX в. установка на необходимость реконструкции смыслового контекста, который был характерен для современников и участников исторического процесса. У российских историков утвердилось осознание важности менталитета, ценностных установок и культурных норм, характерных для различных социальных групп в Российской империи начала XX в. Появились и первые успешные значительные работы в данном направлении. Так, важность политической культуры как системы ритуалов и символов, существовавших в рамках определенной традиции и во многом определявших политическое поведение людей, в частности в период революции, убедительно показана в работах Б. И. Колоницкого [2].

В то же время большая часть авторов, изучающих вторую русскую революцию, по-прежнему рассматривают события почти исключительно как борьбу партий, действия или бездействие органов власти, общественных организаций, столкновения партийных позиций, идеологическую борьбу. Важность культуры, роль традиций, менталитета и связанных с ними ценностных установок, символов и моделей поведения декларируется, но они не изучаются

сколько-нибудь систематично и основательно. Историк, формально обозначив необходимость изучения культуры людей прошлого для понимания происходивших в их мире событий, в реальности по-прежнему продолжает ее игнорировать, интерпретируя происходившее сто лет назад в рамках современной ему собственной логики. Цель настоящей статьи – на примере событий 1917 г. в уральской провинции показать необходимость реконструкции особенностей культуры представителей разных социокультурных групп для адекватного понимания мотивов их поведения и интерпретации политической и социальной истории.

События, разворачивавшиеся в России с февраля–марта 1917 г., почти сразу были осмыслены и отражены в печати – как долгожданная революция, освободившая население империи от тиранической власти. Новые смыслы были закреплены новыми словами, символами и ритуалами, ранее присутствовавшими в жизни демократической и революционной интеллигенции. Весной 1917 г. складываются новые модели и ритуалы публичного поведения членов провинциального общества. В начале каждого большого собрания теперь полагалось поминать героев, павших в борьбе с царизмом, и приветствовать вождей революции. Новые модели культуры, ритуалы и символы предполагались порожденными февральским переворотом новыми демократическими институтами, когда бывшие подданные российского императора превратились в свободных граждан, губернаторы и исправники были заменены на комиссаров, полиция была распущена и вместо нее возникла милиция и т. д.

Различные социокультурные группы в городе и селе с разной скоростью и успешностью осваивали новый революционный дискурс. Этому способствовала активная политическая пропаганда, общая высокая политизированность российского общества весны–лета 1917 г. Новые практики – политическая агитация, активное и пассивное участие в разного рода собраниях, митингах и т. д. способствовали тому, чтобы социально и экономически активная часть населения, прежде всего горожане, освоили новые революционные смыслы и сделали их частью своего жизненного мира. Значительная часть так называемого «образованного общества», в первую очередь ставившая целью освобождение народа от гнета самодержавия интеллигенция, уже давно использовала (полуподпольно, неофициально) слова и символы, ставшие с весны 1917 г. идеологически правильной основой публичного дискурса. Февральский переворот привел к тому, что этот неофициальный пласт интеллигентской культуры стал культурой публичной.

В то же время ситуация 1917 г. – это очевидный разрыв повседневности, когда система смыслов, связанная с прежним укладом жизни, существованием в социальной реальности старого режима, оказалась серьезно нарушена и стала быстро заполняться новыми смыслами. Важно отметить, что принятие и освоение этих новых смыслов происходило далеко не сразу, и для разных групп населения протекало с разной скоростью и успехом.

В России второго десятилетия XX в. мы можем говорить о достаточно высокой степени модернизированности культуры значительной части горожан, приводящей к тому, что их здравый смысл и представления о мире предполагали достаточно автономную от власти и печатного дискурса позицию и точку зрения на события. Естественная установка обывателя, интеллигента, рабочего, солдата в условиях, когда привычные смыслы оказались неадекватны новым реалиям, очевидно, могла претерпевать самые причудливые изменения. В то же время часть общества, в силу разных обстоятельств, продолжала существовать в рамках освоенного жизненного мира, осмысливая происходящее и действуя в соответствии с его категориями. Можно предположить, что революция привела к еще большей неоднородности вариаций смыслов и представлений у разных социальных групп и группочек населения страны, существовавших в рамках одного хронотопа и обреченных в силу этого на взаимодействия с носителями другого наличного знания, эталонных образцов и систем релевантностей, то, что в рамках феноменологической социологии А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана называется «межсубъектным жизненным миром».

Рациональное понимание революции, события которой интерпретируются с определенных идеологических позиций у образованных современников, уже весной 1917 г. начинает совмещаться с рефлексиями на тему нелепости и даже абсурдности происходящего. В дневнике москвича Н. П. Окунева, придерживавшегося умеренно-либеральных взглядов, первые подобные рефлексии появляются уже в марте. По поводу опубликованной 23 марта беседы П. Н. Милюкова с журналистами он замечает, что территориальные и другие претензии нового министра иностранных дел выглядят абсурдно на фоне известий о поражении на фронте и явной слабости правительства, по сравнению с Советами депутатов: «...даже не по-

стеснялся брякнуть и о русских правах на Царьград. <...> Сами устраняют себя от власти и дождутся, что Совет рабочих арестует и таких министров-лихачей. И эта нелепая беседа печатается рядом с известиями о нашем поражении на западном фронте...» [3, с. 27]

С весны 1917 г. регулярно возникают ситуации, когда события, практики и институты, имеющие для одних «свободных граждан» высокий или важный смысл, другими воспринимаются как игра, нелепица или издевательство. В документах и мемуарах, освещающих события 1917 г., современники почти не используют слово «абсурд». Участники событий нередко оперируют словами «хаос», «беспорядок», «нелепость» или другими подобными, на наш взгляд, вполне близкими по значению к понятию «абсурда» – бессмыслица, отсутствие нормального понятного порядка, используемые с выраженной негативной коннотацией.

Поскольку рефлексия современников по поводу абсурдности происходящего обычно не приводится в источнике в явном виде, исследователю приходится брать на себя смелость самостоятельно определять ситуацию как абсурдную. Приведем несколько документов с примерами подобных абсурдных ситуаций лета–осени 1917 г. на материале Пермской губернии.

Многочисленные примеры событий, которые не укладываются в привычную логику оказавшихся у власти образованных людей, можно обнаружить в архивном фонде губернского комиссара Временного правительства. Обозначив их словом «беспорядки», власти зачастую испытывали явные затруднения, связанные не столько с принятием административных решений, сколько вообще с пониманием ситуации – об этом свидетельствуют резолюции на документах.

Примером может служить рапорт почтового чиновника 6-го разряда Лебедевой начальнику Пермского почтово-телеграфного отделения от 20 июня 1917 г. о происшедшем с ее мужем и начальником почтового отделения в селе Путино 19 июня инциденте:

«В 3 дня к почтовому отделению подошло несколько солдат (был базарный день), один из них сбил вывеску: “Государственная сберегательная касса” и закричал: “Что за государственная? Разве у нас государь?” Начальник отделения Лебедев, находившийся в то время на территории дома, пытался объяснить ему, что мы изгнали государя, но государство осталось, т. е. государство это – весь народ, а государственная касса – народная касса. На эти слова Лебедева солдат закричал: “А ты за старое стоишь?! Это не государственная касса, а наша, мы хозяйева!”» [5].

Убедившись в невозможности воздействовать на солдат разумными доводами, Лебедев вооружился револьвером и попытался обратиться за помощью в волостное правление. Однако милиции нигде не оказалось – и оставшийся один на один с пьяными солдатами начальник почтового отделения был вынужден отдать им револьвер, после чего был избит, причем его повалили и били ногами. Солдаты не испугались и появившегося наконец милиционера, пытавшегося составить протокол и задержать их. Прогнав его с угрозами физической расправы, они продолжили гулянье с гармошкой и песнями [5].

Показательно здесь не только то, как «свободные граждане» новой демократической России по-разному понимают свою свободу, но и какие разные смыслы вкладываются в одни и те же слова. Абсурдна с точки зрения привычного жизненного мира образованного человека ситуация, когда вмешательство милиционера не только не восстанавливает порядок, но и приводит к новому витку беспорядков. В ноябре 1917 г. в ходе пьяных погромов в Перми подобная абсурдная ситуация будет еще очевиднее – там сами милиционеры будут напиваться и участвовать в разграблении магазинов, а потом, проводя расследование погрома, арестовывать невиновных и избивать их (сами будучи пьяные), требуя признаться в участии в пьяном погроме [4].

Вошедшая во власть интеллигенция летом 1917 г. пыталась осуществить так долго обсуждавшийся проект реформирования народной жизни на началах свободы, демократии и рациональной организации экономической жизни. Растущее сопротивление и непонимание со стороны «народа» – т. е. крестьянских масс – вызывало удивление и шок у образованных людей, считавших, что они делают все возможное для «народного блага».

Показательна телефонограмма начальника Рождественской милиции 1-го участка Потапова Пермскому губернскому комиссару Временного правительства об антиправительственном выступлении крестьян села Кочебахтинского от 15 августа 1917 г.:

«Прибыв 15 сего августа с 4-мя солдатами и милиционерами и начальником 2 уч[астка] в с. Кочебахтинском, где гражданка Татьяна Васильевна Коковина по вызову явиться в пожарный сарай отказались, в дом вооруженных солдат не впускает, запершись кругом, муж же ее, Егор Еремеевич Коковин, также не впускает в дом и кричит, что долой правительство, оно только распускает воров. Приведенная и арестованная Мартемьяна Васильевна Ревхдина за-

явила, что новое правительство не нужно, а нужно нам царя, т. к. при царе были порядки и не было воров. Положение наше критическое. Что прикажете делать? Мужики Коковину не выдают. Прошу Вас выехать или дать распоряжение, как поступить с Коковиной. Применить оружие в деле нет возможности без Вашего разрешения» [9].

Речь в телеграмме об открытом сопротивлении сельскохозяйственной переписи, проводимой по инициативе Временного правительства. Ситуация с точки зрения интеллигента довольно дикая: народ бунтует против своего революционного правительства, состоящего уже к этому времени из социалистов, защищающих народные интересы, и требует вернуть царя, старый порядок – вернуть времена народного горя и несвободы.

Ценность свободы, которая считалась главным достижением революции, оказалась почти сразу поставленной под сомнение в ситуациях, подобной той, что описана ниже. В рапорте Чердынского уездного комиссара Временного правительства Пермскому губернскому комиссару от 11 июня 1917 г. описывается запутанная история с арестом и освобождением священника с. Гайны Ипполита Фофанова:

«Вследствие предложения от 30 мая минувшего года за № 6231 доношу, что в с. Гайны был подвергнут домашнему аресту священник Ипполит Фофанов (а не Русланов), причем из собранных мною лично на месте сведений, а также и из протокола бывшего старшего милиционера Алина усматривается, что означенный арест был применен исключительно с целью охраны Фофанова от населения, крайне возбужденного выступлениями названного священника, человека в высшей степени нервного, распространявшего явно необоснованные сведения о взятии Риги, Петрограда, о восстановлении старого правительства и т. д. Тем не менее, получив от милиционера Алина сообщение об аресте священника Фофанова, я распорядился о немедленном его освобождении и, пользуясь присутствием в Чердыни Соликамского Преосвященного, исплопотал ему, Фофанову, отпуск для поездки в Пермь по личным делам. В настоящее время о[тец] Фофанов выехал из Гайн вместе с семейством и имуществом.

Все действия старшего милиционера Алина, как по этому делу, так и по иным в волости, были направлены исключительно к поддержанию порядка и спокойствия среди населения. К сожалению, г. Алин в настоящее время от должности старшего милиционера отказался» [6].

Арест с целью обеспечения безопасности арестовываемого не был большой редкостью в первые месяцы революции, например в Перми в начале мая в тюрьме оказался один из членов правления потребительского общества железнодорожных служащих, которого обвиняли в порче партии мяса, находившегося на складах общества. Члены правления обратились к губернскому комиссару с просьбой посадить его в тюрьму, хотя обстоятельства дела не были ясны и вина не установлена, потому что опасались расправы со стороны оставшихся без мяса железнодорожников. Тюрьма для некоторых граждан весной–летом 1917 г. неожиданно оказалась самым безопасным местом.

В истории со священником Фофановым характерен также отказ должностного лица выполнять свои обязанности. Новой власти в провинции оказалось непросто находить кандидатов на ответственные должности – серьезные и авторитетные люди в 1917 г. нередко избегали участия во властных институтах, отказываясь возглавить или принять участие в той созидательной работе, о которой они так долго до того читали и рассуждали.

Не менее странно, чем народные массы и интеллигенция, с точки зрения привычной логики ученых-обществоведов, вела себя в условиях разворачивающейся «буржуазно-демократической» революции и провинциальная буржуазия. Характерный пример вполне абсурдной ситуации содержит рапорт Шадринского уездного комиссара Временного правительства Пермскому губернскому комиссару от 9 июня 1917 г. по делу о реквизиции товара у торговца мануфактурой И. В. Смирнова:

«Из представленного на рассмотрение комиссариата Шадринской уездной продовольственной управы дела видно, что 27 апреля с.г. служащими фирмы Ивана Васильевича Смирнова было подано заявление в Шадринское общество взаимопомощи приказчиков с указанием на их тяжелое материальное положение и с просьбой помочь им. В заявлении указывалось, что они получали нищенское жалованье от 55 до 10 рублей, что просьбу о прибавке жалованья хозяин полностью не удовлетворил, а согласился лишь до 5 рублей в месяц и выдал наградные от 10 до 30 рублей. Вследствие этого все служащие попросили расчет. 28 апреля служащие обратились к Смирнову с письмом, в котором предлагали уладить конфликт мирно, соглашаясь возобновить службу в случае, если им будет дано жалование в размере от 20 руб. до 80 руб. Требование это, безусловно, скромное: на 9 человек служащих приходилось в месяц 435 рублей.

В заявлении от 27 апреля служащие Смирнова указали, что за время пребывания его на военной службе они выручили 21 8000 рублей, продав товару, по их подсчету, на 50 000 руб., т. е. доставили хозяину прибыли 168 000 рублей. В письме же от 28 апреля служащие угрожали Смирнову, в случае отказа дать им жалование в размере от 20 руб. до 80 руб., передать дело окончательно О[бществу] Приказчиков «с указанием суммы, вырученной без Вас и определения правильной прибыли», вследствие чего «Вы должны уплатить казне с рубля прибыли 50%, что составит кругленькую сумму 20 000 рублей» [7, л. 32–33].

Поведение Смирнова представляется совершенно нерациональным и абсурдным – наживая тысячи, в погоне за сверхприбылями он отказался повысить жалование своим служащим хотя бы до минимально приемлемого уровня. Жалование 20 рублей в месяц было мало даже в 1914 г. Для 1917 г. это очень мало, учитывая, что к лету почти все работающие по найму, включая дворников и официантов, начали активно бороться за свои права, добиваясь (и вполне успешно) повышения заработной платы. Таким образом, сэкономив несколько сотен рублей, Смирнов в итоге потерял весь свой сверхприбыльный бизнес. По постановлению Пермской губернской продовольственной управы от 17 июня 1917 г. весь мануфактурный товар Смирнова был реквизирован и передан для распределения уездной продовольственной управе. Сам И. М. Смирнов был привлечен к уголовной ответственности. За реквизированный у него товар было решено рассчитаться по твердым, установленным уездной продовольственной управой, ценам.

Пассивность провинциальных городских обывателей на фоне драматичности разворачивающихся событий кажется странной многим рефлексирующим наблюдателям из числа образованных современников. В газете пермских кадетов «Народная свобода» от 6 августа 1917 г. была опубликована статья П. С. Когана «Мысли о провинции», в которой он рефлексирует на эту тему, описывая собрание большевиков в Самаре, которое ему недавно довелось посетить:

«Ораторы и публика разошлись поздно, вполне довольные собою, совершенно не думая о том, чтобы принять какие-нибудь меры к проведению в жизнь своих лозунгов. За стенами темных домов мирно спали их владельцы, и сон их по-видимому не был смущен тем обстоятельством, что сотни озлобленных людей только что постановили отнять у них эти дома. За освещенными окнами ресторанов сидели сытые люди, мало озабоченные тем, что только что решено было эти “притоны буржуев” превратить в дешевые столовые» [1, с. 2].

Автор статьи не знает, чему ему больше удивляться – радикальности требований и предложений «местных Мирабо» или спокойствию, с которым реагируют на них провинциальные буржуа, живущие так, как будто революция – не их дело, она их не касается.

Не менее показательным поведением провинциальных буржуа по отношению к широко и успешно продвигавшемуся Временным правительством «Займу Свободы». Именно на буржуа, наряду с зажиточной частью крестьянства, рассчитывали инициаторы займа, весьма успешно осуществившие его рекламную кампанию. Действительно «Заем Свободы» стал самым массовым российским займом, осуществлявшимся на добровольной основе, он эффективно продвигался в провинции при активном участии большинства общественных организаций. Заем был адресован сознательным гражданам, которые получили возможность помочь родине и революции, одновременно инвестируя свои не особо ценные в условиях войны рубли в гарантированные государством облигации на весьма выгодных условиях. С сугубо рациональной точки зрения для буржуа заем был очень выгодной экономической и политической инвестицией – поддержать новое буржуазно-демократическое государство и одновременно вложить деньги на более выгодных, чем предлагали предыдущие займы, условиях.

Тем не менее буржуазия отказалась принять участие в столь выгодной операции. «...что “Заем Свободы” не сумеет оправдать изначально возлагавшихся на него надежд, Временное правительство ощутило уже в конце апреля, когда вместо ожидавшихся миллиардов народных денег оно получило подписку лишь в 725 миллионов рублей» [8, с. 87.]

В марте–апреле 1917 г. положение Временного правительства было достаточно устойчивым, политическая ситуация еще внушала оптимизм большинству образованных современников. Поэтому недоверчивое отношение российских буржуа к займу было в значительной степени иррациональным, они просто боялись вложить в него свои, в том числе нажитые на спекуляциях военного времени, деньги, потому что привыкли проявлять осторожность.

Конечно, пассивность и аполитичность буржуазии летом 1917 г. можно объяснить ее боязнью конфликтовать со все более радикально настроенными массами или отсутствием сильных организованных буржуазно-демократических партий. Однако, на наш взгляд, харак-

терная для большинства ученых-историков вплоть до настоящего времени установка на поиск только идеологически, политически и экономически обоснованных мотивов деятельности (или бездеятельности) в 1917 г. представителей разных социальных групп приводит к некорректной интерпретации поведения их представителей как полностью рационального, осознанно и последовательно преследующего определенные политические и экономические цели, которые они предполагали достичь в ближайшем будущем.

На наш взгляд, значительную роль в революции 1917 г. играл фактор культурной инерции, когда рациональное, преследующее осознанные конкретные цели социальное действие было менее характерно даже для образованных слоев российского общества, особенно в провинции, чем действия, обусловленные предшествующей культурной традицией. Привыкшая спасать «темный народ» интеллигенция продолжала заниматься этим, несмотря на то что «народ» все более и более проявлял себя и действовал как эгоистично настроенные, сконцентрированные на собственных узких интересах группы, лишенные представлений об общем благе и солидарности, объединяющих хотя бы людей физического труда. Привыкшая быть в тени дворянско-чиновничьего правящего класса буржуазия, как и раньше, пыталась использовать новый революционный кризис для своих маленьких и больших гешефтов, наживать прибыли, пока это возможно, и не думать о том, к чему приведут события той самой буржуазно-демократической революции, которую она в теории должна была бы возглавить.

На наш взгляд, исследователь должен допускать и другой вариант, учитывать, что происходившие события могли быть абсурдны, а мотивы поведения их участников – иррациональны, т. е. обусловлены теми освоенными ранее установками и моделями культуры, которые уже совершенно не отвечали новой политической и социальной ситуации.

Список литературы

1. Коган П. С. Мысли о провинции // Народная свобода. 1917. № 20. С. 2.
2. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьбы за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб. : Лики России, 2012. 320 с.
3. Окунев Н. П. Дневник москвича, 1917–1924: в 2 т. Т. 1. М. : Воениздат, 1997. 320 с.
4. Прощение Д. Е. Гудошикова в комитет лафетного цеха Мотовилихинского пушечного завода о его несправедливом аресте как участника ноябрьского погрома в Перми от 4 декабря 1917 г. // ГАПК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 895. Л. 276–277.
5. Рапорт временно исполняющей обязанности начальника Путинского почтово-телеграфного отделения Лебедевой начальнику Пермского почтово-телеграфного отделения от 20 июня 1917 г. // ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 12. Л. 158–159.
6. Рапорт Чердынского уездного комиссара Временного правительства Пермскому губернскому комиссару Временного правительства об аресте и освобождении священника с. Гайны Ипполита Фофанова от 11 июня 1917 года // ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 16. Л. 83–83 об.
7. Рапорт Шадринского уездного комиссара Временного правительства Пермскому губернскому комиссару по делу о реквизиции товара И. В. Смирнова от 9 июня 1917 г. // ГАПК. Ф. 167. Оп. 1. Д. 34. Л. 32–34.
8. Страхов В. В. Из истории «Займа Свободы» Временного правительства // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2006. № 1 (13). С. 74–89.
9. Телефонграмма участкового начальника милиции Потапова (с. Рождественское) Пермскому губернскому комиссару Временного правительства об антиправительственном выступлении граждан села Кочебахтинского от 15 августа 1917 г. // ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 38. Л. 11.

Revolution of 1917 in the province as a cultural conflict

A. V. Bushmakov

PhD of historical sciences, associate professor of the Department of cultural studies and philosophy,
Perm State Institute of culture. Russia, Perm. E-mail: bushmakov@yanex.ru

Abstract. The article is devoted to the perception and interpretation of the events of the second Russian revolution unfolding in the province since March 1917. Relying on documents from the archival funds of the Provisional Government institutions operating in the Perm province, newspaper texts and sources of personal origin, the author demonstrates conflicts of meaningful interpretations of educated people, intellectuals and the masses, showing that the failure to create a new democratic society and the state is due to the difference in their cultures. Discrepancy between the adopted models of behavior (with each other and with objective reality) turned the revo-

lutionary process into a permanent cultural shock for most contemporaries, and provoked the situation of anomie. The article shows the absurdity of what happened as an integral element of the revolution. Attention is focused on the irrational motives of the behavior of contemporaries, which were due to the previously mastered attitudes and models of culture, which were completely unresponsive to the new political and social situation.

Keywords: revolution of 1917, Perm province, intelligentsia, Provisional Government, cultural conflicts, everyday life world.

References

1. Kogan P. S. *Mysli o provincii* [Thoughts on the province] // *Narodnaya svoboda* – People's freedom. 1917, No. 20, p. 2.
2. Kolonickij B. I. *Simvoly vlasti i bor'by za vlast'. K izucheniyu politicheskoy kul'tury rossijskoj revolyucii 1917 goda* [The symbols of power and the struggle for power. To study the political culture of the Russian revolution of 1917]. SPb. Liki Rossii. 2012. 320 p.
3. Okunev N. P. *Dnevnik moskvicha, 1917–1924: v 2 t. T. 1* [Diary of Muscovite, 1917-1924: in 2 vol. Vol. 1]. M. Military Publishing. 1997. 320 p.
4. Proshenie D. E. *Gudoshchikova v komitet lafetnogo cekha Motovilihinskogo pushechnogo zavoda o ego nespravedlivom areste kak uchastnika noyabr'skogo pogroma v Permi ot 4 dekabrya 1917 g.* – Petition of D. E. Gudoshchikov to the Committee of carriage shop of the Motovilikha cannon factory on his unjust arrest as a participant in the November pogrom in Perm on 4 Dec 1917 // GAPK. F. 142. Inv. 1. File 895. Sh. 276–277.
5. *Raport vremenno ispolnyayushchej obyazannosti nachal'nika Putinskogo pochtovo-telegrafnogo otdeleniya Lebedevoy nachal'niku Permskogo pochtovo-telegrafnogo otdeleniya ot 20iyunya 1917 g.* – The report of the acting as the chief of Putin post and telegraph office Lebedeva to the chief of the Perm post and telegraph office of 20 June 1917 // GAPK. F. 167. Inv. 2. File 12. Sh. 158–159.
6. *Raport Cherdynskogo uezdnogo komissara Vremennogo pravitel'stva Permskomu gubernskomu komissaru Vremennogo pravitel'stva ob areste i osvobozhdenii svyashchennika s. Gajny Ippolita Fofanova ot 11 iyunya 1917 goda* – The report of the Cherdynsky district commissioner of the Provisional government to the Perm provincial commissioner of the Provisional government about arrest and release of the priest of Gayny village Ippolit Fofanov of June 11, 1917 // GAPK. F. 167. Inv. 2. File 16. Sh. 83–83 vol.
7. *Raport SHadrinskogo uezdnogo komissara Vremennogo pravitel'stva Permskomu gubernskomu komissaru po delu o rekvizicii tovara I. V. Smirnova ot 9 iyunya 1917 g.* – The report of the Shadrinsky district commissioner of the Provisional government to the Perm provincial commissioner on the case of requisition of goods of I. V. Smirnov of June 9, 1917 // GAPK. F. 167. Inv. 1. File 34. Sh. 32–34.
8. Strahov V. V. *Iz istorii «Zajma Svobody» Vremennogo pravitel'stva* [From the history of the "freedom loan" of the Provisional government] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina* – Herald of the Ryazan State University n.a. S. A. Yesenin. 2006, № 1 (13), pp. 74–89.
9. *Telefonogramma uchastkovogo nachal'nika milicii Potapova (s. Rozhdestvenskoe) Permskomu gubernskomu komissaru Vremennogo pravitel'stva ob antipravitel'stvennom vystuplenii grazhdan sela Kochebaktinskogo ot 15 avgusta 1917 g.* – The telephone message of district police chief Potapov (Rozhdestvenskoye village) of Perm provincial commissar of the Provisional government about anti-government speech by citizens of the village Cochebaktinskoye from 15 Aug 1917 // GAPK. F. 167. Inv. 2. File 38. Sh. 11.

УДК 947.084.2(571.1/.5)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.018

Боевой путь 3-й Иркутской Сибирской стрелковой дивизии белых войск

П. А. Новиков

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский университет. Россия, г. Иркутск.
E-mail: novikov710@yandex.ru

Аннотация. Опыт военного строительства, накопленный сторонами в условиях Гражданской войны, не может игнорироваться. Эти сюжеты лишь в современной отечественной историографии получили объективную оценку. В статье рассматривается боевой путь 3-й Иркутской Сибирской стрелковой дивизии. Реконструирована картина боевой работы, причем особое внимание уделялось уточнению хронологии и географии.

В ходе вооруженной борьбы июня – августа 1918 г. антибольшевистские силы заняли территорию Восточной Сибири. По мере занятия территории проводился призыв всех офицеров и военных чиновников, а также набор добровольцев в возрасте от 18 лет. С конца августа 1918 г. началась мобилизация лиц, родившихся в 1898–1899 гг. Местного военного производства в Сибири практически не было, а первоначальным источником военных ресурсов для белых являлось наследие царской армии.

Представленные материалы раскрывают специфику действий дивизии в различных сражениях (у станции Мурино на южном Байкале; на Среднем Урале: под городами Красноуфимск, Кунгур, Оса; на правом берегу Камы у устья Вятки; в Западной Сибири в междуречье Тобола и Ишима; под станцией Зима Иркутской губернии; при обороне Читы; под Хабаровском и легендарной Волочаевкой) с августа 1918 г. по октябрь 1922 г. Наглядно показаны мужество и героизм, проявленные сибирскими стрелками. Приведены сведения о структуре и командном составе дивизии.

Ядром белых были офицерство, учащаяся молодежь и часть чиновничества, своим примером увлекшие представителей других социальных групп. Они были побеждены, частью убиты, частью вытеснены за границы России, но не изменили своим убеждениям и однажды сделанному выбору.

Ключевые слова: Гражданская война, Забайкалье, Средний Урал, Прикамье, р. Вятка.

Сегодня в России, вероятно, нет людей, которые бы не считали Гражданскую войну братоубийственным кровопролитием и великой национальной трагедией. Конфликт можно рассматривать как выражение и первого этапа становления тоталитарной власти большевиков, и начального сопротивления различных сил этому процессу. Лишь разгромив организованных и вооруженных противников, большевики смогли беспрепятственно использовать террор для установления контроля над всеми сферами жизни и приступить к осуществлению своих экспериментов. Опыт военного строительства, накопленный противниками в сложнейших условиях Гражданской войны, заслуживает научного и общественного осмысления, реконструкции общего контекста (исторического фона) и непредвзятых оценок ряда альтернатив.

Военные эпизоды 1918–1919 гг. тесно связали историю двух современных областей (Иркутской и Кировской) России, своеобразно объединив в прямую последовательность боевые действия на южном побережье озера Байкал и на берегах Камы, ее притоков Уфы и Вятки. Ранее мы уже рассматривали боевой путь дивизии, имевшей в Иркутске самый восточный пункт формирования из сражавшихся на Урале белых соединений [8; 7, с. 129–140]. За прошедшие полтора десятилетия введены в оборот новые источники и опубликованы исторические исследования А. М. Кручинина, Д. Г. Симонова, М. Г. Ситникова, М. Е. Вебера, содержание которых позволяет значительно уточнить и дополнить описание военных событий, приблизиться к соразмерному освещению их этапов. Таковы мотивы повторного обращения к истории дивизии с максимальной долей иркутян.

Летом 1918 г. все сильнее разрастающаяся на просторах России Гражданская война масштабно затронула Иркутскую губернию, а большевистской политике был брошен вооруженный вызов. Предпосылками к нему стали боевые действия атамана Г. М. Семенова в Восточном Забайкалье, наличие антибольшевистского офицерского подполья в городах Сибири и следование по Транссибу на восток, во Владивосток эшелонов Чехословацкого корпуса. Ир-

кутские большевики (Центросибирь во главе с Н. Н. Яковлевым) опасались, что русский командный состав чешских частей окажет содействие Семенову, против которого со всей Сибири направляли красные отряды.

26 мая 1918 г. большевики на станциях Иркутск, Иннокентьевская и Батарейная попытались разоружить три чешских эшелона, но встретили вооруженный отпор и были вынуждены пропустить их на восток. Находившиеся в Нижнеудинске и западнее (Канск, Мариинск, Новониколаевск, Петропавловск и т. д.) эшелоны Чехословацкого корпуса выступили против большевиков, развернув наступление навстречу друг другу. В Канске чехами командовал подполковник Б. Ф. Ушаков.

В ночь на 29 мая подпольная организация при поддержке чехов взяла под контроль Нижнеудинск. Бывший депутат 4-й Государственной Думы эсер И. Н. Маньков возглавил Нижнеудинский уездный комитет Временного Сибирского правительства. 1–16 июня Центросибирь пыталась разрешить конфликт с чехословаками мирным путем, ведя переговоры и одновременно отзывая войска с Даурского (Забайкальского) фронта и направляя их под Тулун. В Иркутске в ночь на 14 июня офицерское подполье (до 400 чел.) подняло восстание, захватило тюрьму, но к утру частью было рассеяно, частью арестовано.

В занятых чехами городах формировались части белой Сибирской армии во главе с полковником А. Н. Гришиным-Алмазовым. Задачу наступать на восток получил Средне-Сибирский корпус подполковника А. Н. Пепеляева, выдвинув в Нижнеудинск авангард из 500 человек. Отряд из 700 чехословаков возглавил капитан Р. И. Гайда.

Сначала красные теснили небольшие заслоны противника, но 25–26 июня 1918 г. на восточных подступах к Нижнеудинску были опрокинуты. Белые перешли в наступление на восток, заняли 1 июля станцию Зима, 6 июля – Мальту, а в полдень 11 июля Иркутск и продолжили наступление к Байкалу и далее вдоль Транссиба. При этом около 2 400 белых успешно теснили до 6 000 красных, каждая из сторон постоянно подтягивала из тыла на линию соприкосновения подкрепления и стремилась в тылах нарастить свои ряды. Учитывая, что в Восточной Сибири проживало более 3 млн чел., а во время Первой мировой войны было мобилизовано более 300 000 чел., можно констатировать, что большинство жителей предпочли остаться в стороне от первых сражений гражданского противоборства.

По мере занятия Иркутской губернии белые вводили на ее территории правила набора в Сибирскую армию: мобилизацию всех офицеров и военных чиновников, а также набор добровольцев. Добровольцами на шесть месяцев принимались как отставные офицеры, военные врачи, так и все граждане не моложе 18 лет, «незапятнанные нравственно и изъявившие искреннюю готовность преданно служить идее народовластия, осуществляемой Временным Сибирским правительством». Юнкера, закончившие курс обучения и не произведенные в офицеры, приравнивались к офицерам и подлежали мобилизации. Все офицеры, не занимавшие командных должностей, зачислялись в резерв чинов, неся службу в качестве рядовых. На начальном этапе опора преимущественно на офицеров позволяла быстро формировать высоко боеспособные части при дефиците вооружения, не тратя время и ресурсы на политическую агитацию и военное обучение.

В Иркутске 14 июля 1918 г. началось формирование Иркутской стрелковой бригады, через неделю развернутой в дивизию из четырех полков. Костяком личного состава послужили бывшие участники подпольной Иркутской военной организации полковника А. В. Эллерца-Усова. Первыми уже к 17 июля сформированы Иркутский и Байкальский стрелковые полки, которые возглавили полковники П. П. Гривин и Л. Н. Пархомов соответственно. До революции Иркутск (население более 90 000 чел.) был центром самого обширного военного округа, средоточием органов управления, местом расположения четырех военно-учебных заведений, имел крупный гарнизон с многочисленными казармами. По оценке большевиков, город был насыщен контингентом бюрократии и служилой интеллигенции, будучи купеческо-бюрократическим с незначительной пролетарской прослойкой.

27 июля 1918 г. на Тихвинской площади Иркутска состоялись смотр Иркутской дивизии, молебен и освящение знамени. На одной его стороне было изображение святителя Иннокентия, на другой – надпись «С нами Бог». Глава городской думы М. С. Стравинский вручил стяг начальнику дивизии полковнику П. П. Гривину (сначала считался временно исполняющим должность командующего) и высказал надежду, что войска «одолеют внутреннего врага – большевиков, победоносно доведут начатое нашими братьями чехословаками дело победы до конца» [15].

Место первого ввода в бой Иркутской дивизии могло оказать на ход Гражданской войны важное влияние. Упомянем, что с 25 июля А. Н. Гришин-Алмазов, учитывая прежние успехи белого наступления в Иркутской губернии, предписал Р. И. Гайде отправить 2-ю чехословацкую дивизию в Омск для следования на Западный фронт, чтобы затем ее пополненными по пути силами развить успех (в направлении на Пермь и Красноуфимск) от взятия Екатеринбурга или, что менее реалистично, наступать на Казань [17, с. 27, 30]. Такая «красивая» версия принадлежит видному красному военачальнику, впоследствии историку Г. Х. Эйхе, который подчеркивал особую важность победных для большевиков осенних боев 1918 г. на Средней Волге.

В действительности же в районе Иркутска действовали два (6-й Ганатский и 7-й Татранский) неполного состава полка указанной дивизии, тогда как большинство ее сил (еще три полка, артбригада, технические роты) находились в южном Приморье.

Стремясь соединить эти разделенные огромными расстояниями силы, командование белого Восточного фронта не сочло возможным отправить на Урал до половины своих бойцов (3 350 чел.), сославшись на неготовность новых формирований в Иркутске и на мощное контрнаступление 29–31 июля красных войск на Байкале, у разъезда Паныковка и станции Мурино. Также приходилось учитывать враждебное настроение черемховских шахтеров и необходимость охранять военнопленных центральных держав во избежание их вступления в красные отряды. Несколько забегаая вперед, поясним, что Иркутская дивизия и 2-я чехословацкая дивизия на Урале под Екатеринбургом появились в начале сентября и середине октября 1918 г. соответственно. Современный уральский историк А. М. Кручинин подробно анализирует не реализованный белыми шанс задействовать их в августе 1918 г. на Средней Волге под Симбирском и Казанью [6, с. 152–155].

Но вернемся к реальному развитию событий. 28 июля 1918 г. Иркутский полк прибыл на Иркутский вокзал, но отправку отложили. Первая бригада Иркутской дивизии в составе Иркутского и Байкальского полков, легкого артиллерийского дивизиона, инженерной роты и штаба была переброшена под Мурино 1 августа. К этому времени сформированные в Иркутске полки насчитывали: Иркутский – 600 чел., Байкальский – 400, Нижнеудинский – 317, Хамардабанский (позднее переименован в Верхнеудинский) – 38, а всего в дивизии 1 355.

С фронта пришло сообщение: «Иркутский стрелковый полк, получивший первое боевое крещение при взятии станции Мурино 7 августа, шлет привет всем родным, знакомым и гражданам г. Иркутска. Полк уверен, что только своей крепкой верой и верой всех иркутян окончательное торжество начатого правого дела он в исключительно тяжелых условиях одержал над своим жестоким и беспощадным противником блестящий успех с малыми потерями.

Роты Иркутского полка после тяжелого двухдневного перехода по горам, под непрерывным дождем, без горячей пищи и почти без сна, через обстреливаемый артиллерией и пулеметами железнодорожный мост, быстро развивали успех и, заставив при помощи чешских пулеметов отступить “красный” броневой поезд, решительно перешли в наступление и вскоре заняли станцию, причем 2-я рота с частью 1-й роты атаковала цепь мадьяр с криком “Ура” и захватила пулемет. Отдохнувший после пережитых тяжелых дней, Иркутский полк снова рвется в бой с врагами России для освобождения горячо любимой Родины» [16].

Как и под Мурино, Иркутская дивизия отличилась и в последующих боях под Салзаном, Танхоем и Посольской. Потери убитыми и ранеными за две недели боев составили по приблизительным данным до 200 чел., в том числе до 50 убитыми. 20 августа белые заняли г. Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) и соединение здесь активно пополнилось добровольцами.

26 августа 1918 г. дивизии и ее полкам присвоена сквозная нумерация по Сибирской армии. Отныне она стала 3-й Иркутской Сибирской стрелковой дивизией. Командиры стрелковых полков: 9-го Иркутского – подполковник В. Г. Осипов, 10-го Байкальского – полковник Л. Н. Пархомов, с октября капитан С. Д. Гегелашвили, 11-го Нижнеудинского – капитан В. Д. Боярский, 12-го Верхнеудинского – капитан В. А. Ракитин. К концу августа численность дивизии достигла 1 410 бойцов, в том числе 996 офицеров и 414 добровольцев (причем, несмотря на такой отборный состав, более 200 чел. не имели оружия), а к 5 сентября уже 1 612 чел. при 17 пулеметах и двух орудиях. При этом Верхнеудинский полк вырос с 38 чел. до 189 [4, с. 85]. По другим данным, на 1 сентября дивизия насчитывала 946 офицеров, 98 военных чиновников, 117 юнкеров и 829 добровольцев, итого 1 990 чел. [12, с. 240]. Тем временем бои в Забайкалье закончились победой белых войск, установлено прямое сообщение с Маньчжурией и Приморьем.

В конце августа – начале сентября на территории, подвластной антибольшевистскому Временному Сибирскому правительству, был осуществлен призыв лиц, родившихся в 1898–

1899 г. Мобилизация распространялась на старожильческое русское население и переселенцев, прибывших в Сибирь до 1 января 1915 г. В Иркутской губернии призыву подлежали 12 650 чел.

Новобранцы проходили обучение в 3-й Иркутской кадровой бригаде (подполковник С. Чубинский), а затем пополняли 3-ю Иркутскую Сибирскую стрелковую дивизию. К 7 сентября 1918 г. в Иркутской кадровой бригаде числилось 213 офицеров, 26 чиновников, 24 добровольца и 5 630 новобранцев [13, с. 119]. Таким образом, белые начали переходить от офицерско-добровольческого состава войск к массовой мобилизации молодежи.

Из Верхнеудинска Иркутская дивизия за девять дней перебрасывается по железной дороге в Екатеринбург, куда прибыла 8 сентября. Хотя половина личного состава болела гриппом и необходим был отдых, военная обстановка на Красноуфимском направлении потребовала немедленного введения в бой. 10 сентября иркутяне выгрузились на станции Гробо́во (ныне район Дружинино, около 70 км западнее Екатеринбурга) Западно-Уральской железной дороги [5, с. 124]. По воспоминаниям бойцов, из Гробо́во дивизия «прямо с эшелона бросается в бой под станцией Клиновая» [3, л. 145]. На картах 1940-х гг. этот пункт обозначен как разъезд Кленовский (в 66 км западнее Дружинино).

Здесь уместно пояснить, что из центра России через Урал в Сибирь в 1918 г. вели три железные дороги (одна шла через Вятку, Глазов, Пермь в Екатеринбург, вторая – от Казани через Вятские Поляны, Сарапул, Красноуфимск также в Екатеринбург, третья проходила через Симбирск и Самару, затем две ветки последней соединялись на станции Чишмы, откуда путь продолжался на Уфу и Челябинск). Очертания железнодорожной сети во многом определяли направления действий противников в маневренной и динамичной Гражданской войне. Особо подчеркнем, что белым на Восточном фронте и для наступления и для отражения красных контрударов приходилось разделять свои силы не на две, а именно на три группировки. Недаром и штабы 3-й, 2-й и 5-й красных армий в начале 1919 г. располагались в Глазове, Сарапуле и Уфе.

11 сентября 1918 г. штаб Иркутской дивизии разместился в Бисертском заводе, а полки на следующий день заняли ряд деревень западнее и юго-западнее. 13 сентября после напряженного боя иркутские стрелки отбросили части 4-й Уральской стрелковой дивизии красных и захватили волостное село Кленовское, а следующей ночью продвинулись более чем на 20 км, овладели второй позицией красных. Продолжив наступление, Иркутская дивизия совместно с партизанами поручика А. С. Рычагова 17 сентября заняла Красноуфимск – центр одного из уездов Пермской губернии. В приказе по дивизии № 0175 от 18 сентября 1918 г. отмечалось, что «в 6 дней маршами-маневрами после тяжелых боев у Васькино, Кленовское, Бисертское и Ялыма и мелких стычек доблестные войска дивизии отбросили противника на 100 с лишком верст...» [2, с. 179].

27 сентября красные, используя трехкратный перевес в живой силе, в районе Суксунского завода перешли в контрнаступление и, пробиваясь по Кунгурскому тракту, 2 октября выбили белых из Красноуфимска. 29 сентября Гривин поставил частям дивизии задачу оборонять линию Большой и Малый Уткинский – Горбуново – Быковское – Крестовозвиженское. Штаб расположился в Ачитском [12, с. 342–343].

9 октября Гривин получил задачу подготовиться к наступлению в направлении г. Оса, что предвещало перенос действий с западного направления на северо-западное. 13 октября белые вернули Красноуфимск, но 18 октября в очередной раз были выбиты из него. Ветеранам Иркутской дивизии особенно запомнились последующие бои у Песчаной горы, на реке Шаля. Затем последовал временный отход, пополнение дивизии местными партизанскими отрядами (из добровольцев при дивизии сформирована конная сотня, а затем еще и эскадрон) и кадрами мобилизованных иркутян.

Новое наступление белых началось штурмом позиций у Ключей на Кунгурском направлении, иркутянами были заняты Медянский и Тиссовский заводы, захвачена целая артиллерийская бригада. Торжественно вступили в брошенный красными 21 декабря Кунгур. Через три дня соседние соединения сибиряков заняли Пермь.

Иркутяне к 6 января 1919 г. действовали на участке Оса – Барда между 7-й Уральской и Воткинской дивизиями. Подавив Ижевско-Воткинское восстание, красное командование нанесло удар на Кунгур. В свирепую 40-градусную стужу развернулись тяжелые встречные бои. Красные сбили Иркутскую дивизию с позиций, заняв 17 января деревни Подъельник, Городище, Комарово, Кузничиха, Чекаиха и Верхняя Турка. На помощь иркутянам прибыла

4-я Степная Сибирская стрелковая дивизия полковника Г. А. Вержбицкого и 22 января после десятичасового боя взяла д. Андреевка. Адъютант командира 9-го Иркутского полка, прапорщик Н. Н. Первушин, писал: «Все время находились под угрозой красных, теперь подошло подкрепление, вчера началось наступление, заняли несколько деревень. Сегодня будем развивать успех» [9, с. 51]. 9 февраля Иркутская дивизия продвинулась к д. Шипа, а с 19 февраля завязала бои на северо-восточных подступах к г. Оса.

В ходе упорных боев 24 февраля 1919 г. иркутские стрелки заняли деревни Горы и Ермаково, с. Богомяково и завязали бои на окраинах Осы. 25 февраля они захватили д. Кочешаево [14, с. 24]. Иркутяне отбили многочисленные контратаки красных, сжимая кольцо вокруг Осы. Белые заняли город 8 марта, после чего Иркутская дивизия была отведена для пополнения в с. Воскресенское. Затем в начале апреля она «предприняла жестокий штурм Бикбардинских позиций, где ее части захватили бронепоезда, конвоировавшие народного комиссара по военным и морским делам Л. Д. Троцкого. Последний ускользнул, несмотря на разобранный путь, который был восстановлен сопровождавшими его саперами» [3, л. 145].

Весной 1919 г. Иркутской дивизией командовал полковник В. Г. Осипов, а полками: 9-м – подполковник Каупин, 10-м – полковник Кухарев, 12-м – капитан И. И. Попов (впоследствии начальник штаба дивизии); артиллерийскими дивизионом – штабс-капитан Д. П. Смолянинов. Иркутские стрелки наступали на правобережье Камы.

В начале мая белые вышли на рубеж р. Кильмезь и достигли нижнего течения р. Вятки. Части Иркутской дивизии расположились от с. Сосновка (чуть восточнее Вятских Полян) до Мамадыша. Противоположный правый берег на более широком фронте занимала 7-я стрелковая дивизия (начдив А. В. Соболев, бывший генерал-майор) Красной армии, севернее оборонялась 21-я (Г. И. Овчинников), южнее – 28-я (В. М. Азин), в резерве находилась 5-я (И. Ф. Лепик). Севернее позиций иркутян, у с. Гоньба, в ночь на 14 мая 15-й Курганский и 16-й Ишимский Сибирские стрелковые полки (бригада А. Г. Метелева) на лодках форсировали Вятку, заняли плацдарм на 20 км в глубину и 25 км по фронту, создав условия для продвижения по тракту на Казань. Моста навести не удалось. Уже 15 мая контрудар частей 21-й дивизии остановил белых, а в последующие дни и отсек их от реки. Метелев 26 мая организовал прорыв на левый берег Вятки у д. Дмитровка (Дмитриевка), который стоил огромных потерь. Соседние белые части к этому времени были уже полностью втянуты в оборонительные бои.

Утром 25 мая красные передовыми подразделениями форсировали Вятку в районе Донаурово и высадили десант из сил 28-й дивизии на правый берег Камы, выше устья Вятки. Так началась Сарапульско-Воткинская операция – наступление Северной группы войск Восточного фронта красных. Если расширение плацдарма у Донаурово белые пресекли, то продвижение красных вдоль Камы остановить не смогли. 26 мая 3-я Иркутская дивизия оставила Елабугу, 1 июня – станцию Агрыз, а на следующий день командир 40-го стрелкового полка красных В. И. Чуйков, будущий герой Сталинграда, доложил Азину, что занял Сарапул, потрепав Иркутский и Верхнеудинский полки. 7 июня части корпуса Гривина оставили Ижевск (бои на окраинах продолжались еще два суток), а 11 июня – Воткинск.

Уже упоминавшийся Первушин писал 2 июля: «Опять после 6-месячного похода до р. Вятки мы пришли в Быково, то есть почти к началу нашей работы на Западном фронте». 6 июля – позиция под Ялымом: «Занимаем те же самые окопы, вырытые нами в первое наступление». 13 июля: «Что делается? Мы уходим и уходим без боев? За полтора месяца очистили более тысячи верст. Сегодня в Екатеринбурге переночуем, а рано утром дальше на Тюмень. Говорят, что Челябинск за красными. Нас, кажется, отводят в групповой резерв. За последние бои полк крепко потрепали, за два дня боев выбыло 378 солдат и 16 офицеров... Когда начали отступать, в полку было более тысячи штыков, сейчас... 230» [9, с. 52].

Утром 9 июля Азин доложил командующему 2-й армией Шорину о захвате 42 пленных 9-го Иркутского полка под д. Васькино, что 30 верстами южнее Бисерта. Бисертский завод занят красными 9 июля.

Белая Сибирская армия 22 июля была разделена на две армии: 1-ю генерал-лейтенанта Пепеляева и 2-ю генерал-лейтенанта Лохвицкого. 3-я Иркутская дивизия вошла в состав 2-й армии и действовала южнее железной дороги Тюмень – Омск. Сражение в междуречье Тобола и Ишима проходило с 20 августа по 4 ноября. По данным разведки красных, к 6 сентября Иркутская дивизия насчитывала до 2 000 чел. и находилась в резерве [10, л. 2 об.], где готовилась к участию в последовавшем в октябре контрнаступлении под Тобольском. Иркутяне взаимодействовали с Обь-Иртышской военной флотилией, а части дивизии посетил Верховный правитель А. В. Колчак.

Между двумя генералами, вступившим 4 ноября в командование 2-й армией С. Н. Войцеховским и командиром 4-го корпуса П. П. Гривиним, на станции Татарская произошел «крупный разговор». Гривин сказал, что оставшаяся у него горсть людей измоталась настолько, что не может сдерживать врага, а потому он, Гривин, снимает свои части с фронта и, согласно старому приказу командования, следует в глубокий тыл на пополнение. В итоге за неисполнение приказа об обороне Новониколаевска Гривин был собственноручно застрелен Войцеховским.

При исходе антибольшевистских армий от Омска до Читы тысячи военных и беженцев пешком совершили «Великий Сибирский поход». По имени главнокомандующего, генерал-лейтенанта В. О. Каппеля, они названы «каппелевцами». Он умер в походе 26 января на разъезде Утай под Нижнеудинском, его сменил генерал-майор С. Н. Войцеховский. По разным данным, каппелевцев отходило от 16 000 до 25 000 чел., из которых в разное время от трети до половины переносили сыпной тиф.

Иркутская дивизия входила в Тобольскую группу генерал-майора А. В. Бордзиловского вместе с 15-й Воткинской и остатками 7-й Тобольской дивизии. За время похода во 2-й армии «вошло в обычай – выполнение наиболее ответственных боевых задач возлагать на Тобольскую группу, а в ней на 3-ю Иркутскую дивизию (полковник Ракитин)» [1, с. 22]. Группа отходила по Московскому тракту.

Под станцией Зима 30 января 1920 г. 3-я Иркутская Сибирская стрелковая дивизия разгромила западную группу красных А. Г. Нестерова, выдвинутую навстречу каппелевцам из Иркутска. Ранее мы подробно рассматривали данный бой [7, с. 194–197].

В Забайкалье Иркутская дивизия (генерал-майор Ракитин, начальник штаба – полковник Кириченко) вышла одной из самых многочисленных белых частей и была включена во 2-й стрелковый корпус генерал-майора И. С. Смолина. Бойцы дивизии приняли участие в боях под Читой, по иронии судьбы, против иркутских же красных партизан Н. А. Бурлова, затем действовали на Амурской железной дороге и южнее Нерчинска в районе Унды. По данным разведки красных, на 13 августа дивизия в 350 штыков при 15 пулеметах стояла на станции Оловянная. Начальник хозчасти – подполковник Маньковский, командиры батальонов – полковники Худяков и Золотарев [11, л. 18].

После оставления Забайкалья белыми войсками многие чины дивизии, не желая удаляться от родных мест, влились в Конно-Азиатскую дивизию барона Р. Ф. Унгерна, ушедшую для продолжения борьбы в Монголию. Основные силы иркутян переброшены в Приморье, где свернуты в 3-й Иркутский стрелковый полк полковника Золотарева. Численность полка, по одним данным, – 150 чел., по другим – 400. Последнее наступление антибольшевистских сил, взятие Хабаровска 22 декабря 1921 г., жестокие бои под легендарной Волочаевкой, у сопки Июнь-Корань в феврале 1922 г. и отход 25 октября в Китай.

В эмиграции ветераны Иркутской дивизии долго сохраняли спайку. Так, в середине 1930-х гг. в Шанхае в день перенесения мощей св. князя Александра Невского ее бывшие чины регулярно отмечали свой праздник и были «готовы по первому зову Родины собраться под свои родные знамена, некоторые из которых дивизия унаследовала от славной 7-й Сибирской стрелковой дивизии» императорской армии [3, л. 145].

Таким образом, за годы Гражданской войны Иркутская дивизия прошла путь от Байкала до Вятки и от Вятки до Приморья. Она провела многочисленные бои, причем преимущественно встречного характера, в том числе особенно напряженные на Среднем Урале в ноябре 1918 г. – марте 1919 г. Сохраняющиеся лакуны оставляют пространство для дальнейшего исследовательского поиска.

Список литературы

1. Антонович В. Бой у г. Зима, 30 января 1920 г. // Переход через Байкал 12–13 февраля 1920 г. Б. м., 1928. С. 22–26.
2. Вебер М. И. Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны (1918–1919) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014. 310 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 8.
4. Каревский А. А. Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства: 4-й Восточно-Сибирский армейский корпус летом–осенью 1918 г. // Белая гвардия. 2001. № 5. С. 84–88.
5. Кручинин А. М. Новые работы по истории Гражданской войны на востоке России // Белая армия. Белое дело. 2006. № 15. С. 123–124.

6. Кручинин А. М. Падение красного Екатеринбурга. Военно-исторический очерк о событиях на Среднем Урале и Зауралье с 13 июля по 12 августа 1918 года. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2005. 200 с.
7. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005. 415 с.
8. Новиков П. А. 3-я Иркутская Сибирская стрелковая дивизия // Белая армия. Белое дело. 2002. № 10. С. 9–25.
9. Революционные события и Гражданская война в Сибири глазами очевидцев (Письма Н. И. Первушина) // Краеведческие записки. Иркутск, 1998. Вып. 5. С. 46–61.
10. Российский государственный Военный архив. Ф. 185. Оп. 3. Д. 317.
11. Российский государственный Военный архив. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 75.
12. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году : монография. Новосибирск, 2010. 612 с.
13. Симонов Д. Г. Из истории 4-го Восточно-Сибирского корпуса белой Сибирской армии (1918 г.) // Вопросы социально-политической истории Сибири: Бахрушинские чтения 1997 г. : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск, 1999. С. 116–131.
14. Ситников М. Г. Полковник Н. Н. Казагранди и боевые колонны // Белая армия. Белое дело. 2009. № 17. С. 5–48.
15. Свободный край (Иркутск). 1918 г. 30 июня.
16. Свободный край (Иркутск). 1918 г. 17 августа.
17. Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М. : Воениздат, 1966. 384 с.

Battle way of the 3rd Irkutsk Siberian rifle division of the white troops

P. A. Novikov

Doctor of historical sciences, professor, head of the Department of history and philosophy,
Irkutsk National Research University. Russia, Irkutsk.
E-mail: novikov710@yandex.ru

Abstract. The experience of especially military construction accumulated by the sides in the conditions of the Civil war can not be ignored. These actions only in modern Russian historiography were objectively evaluated. This article describes the battle route of 3th Siberian rifle division. Author reconstructs the combat performance of military units and stressed the attention to the chronology and geography.

During the June – August, 1918 struggle anti-Bolshevik force occupied East Siberia territory. The mobilisation of the population in the region was carried out on the same principles, as in other territories controlled by the Provisional Siberian government. As the territory was occupied, all officers and military officials were called up, and the volunteers were also enlisted. Since the end of August, 1918 the mobilisation of persons, born in 1898–1899, began. There was practically no local military manufacture in Siberia, and an initial source of military resources was the heritage of the Tsarist army.

Moreover, the presented materials allow us to clarify the peculiarities of the fighting of division in various battles (at the station Murino in the southern Baikal; in the middle Urals: under the cities of Krasnoufimsk, Kungur, Osa; on the right bank of the Kama river at the mouth of the river Vyatka; in Western Siberia, between the rivers Tobol and Ishim; under the station Zima, Irkutsk province; in the defense of Chita; near Khabarovsk and legendary Volochayevka) from August 1918 to October 1922. There are described some examples of courage and heroism of the Siberian soldiers. There are the information about structure and commanders of the armed forces of the sides.

A nucleus of the Whites was the officers, the studying youth and a part of bureaucrats and administrators, whose example carried away the representatives of other social groups. They were defeated, partly killed, partly driven out of Russia, but did not change their beliefs and once made choice.

Keywords: Civil war, Transbaikal area, middle Urals, Kama area, Vyatka river.

References

1. Antonovich V. *Boj u g. Zima, 30 yanvarya 1920 g.* [Battle near town Zima, 30 Jan 1920] // *Perekhod cherez Bajkal 12–13 fevralya 1920 g.* – Crossing the Baikal lake on the 12–13 February, 1920. В. М. 1928. Pp. 22–26.
2. Weber M. I. *Antibol'shevistskoe povstanchestvo na Urale v gody Grazhdanskoj vojny (1918–1919): dis. ... kand. hist. nauk* [Anti-Bolshevik insurgency in the Urals during the Civil war (1918–1919): dis. ... PhD of hist. sciences]. Ekaterinburg, 2014. 310 p.
3. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj federacii* – State archive of the Russian Federation. F. 5873. Inv. 1. File 8.
4. Karevskij A. A. *Iz istorii vooruzhennyh sil Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva: 4-j Vostochno-Sibirskij armejskij korpus letom–osen'yu 1918 g.* [From the history of the armed forces of the Provisional Siberian government: 4 East Siberian army corps in the summer-autumn 1918] // *Belaya gvardiya* – White guard. 2001, No. 5, pp. 84–88.

5. Kruchinin A. M. *Novye raboty po istorii Grazhdanskoj vojny na vostoке Rossii* [New works on the history of the Civil war in the East of Russia] // *Belaya armiya. Beloe delo – White army. White case.* 2006, No. 15, pp. 123–124.
6. Kruchinin A. M. *Padenie krasnogo Ekaterinburga. Voенно-istoricheskij oчерk o sobytiah na Srednem Urale i Zaural'e s 13 iyulya po 12 avgusta 1918 goda* [Fall of the red Ekaterinburg. Military-historical essay on the events in the Middle Urals and the Urals from July 13 to August 12, 1918]. Ekaterinburg. Publishing house of the Teaching-Methodical Center of UPI. 2005. 200 p.
7. Novikov P. A. *Grazhdanskaya vojna v Vostochnoj Sibiri* [The Civil war in Eastern Siberia]. M. Tsentrpoligraf. 2005. 415 p.
8. Novikov P. A. *3-ya Irkutskaya Sibirskaya strelkovaya diviziya* [The 3rd Irkutsk Siberian rifle division] // *Belaya armiya. Beloe delo – White army. White case.* 2002, No. 10, pp. 9–25.
9. *Revolucionnyye sobytiya i Grazhdanskaya vojna v Sibiri glazami ochevidcev (Pis'ma N.I. Pervushina) – Revolutionary events and the civil war in Siberia through the eyes of witnesses (Letters of N. I. Pervushin)* // *Kraevedcheskie zapiski – Local history notes.* Irkutsk. 1998. Vol. 5. Pp. 46–61.
10. *Rossijskij gosudarstvennyj Voennyj arhiv – Russian State military archive.* F. 185. Inv. 3. File 317.
11. *Rossijskij gosudarstvennyj Voennyj arhiv – Russian State military archive.* 39532. Inv. 1. File 75.
12. Simonov D. G. *Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu: monografiya* [White Siberian army in 1918: monograph]. Novosibirsk. 2010. 612 p.
13. Simonov D. G. *Iz istorii 4-go Vostochno-Sibirskogo korpusa beloj Sibirskoj armii (1918 g.)* [From the history of the 4th East Siberian corps of the White Siberian army (1918)] // *Voprosy social'no-politicheskoi istorii Sibiri: Bahrushinskie chteniya 1997 g.: mezhvuz. sb. nauch. tr. – Questions of socio-political history of Siberia: Bakhrushin readings 1997: interuniversity coll. of scient. works / edited by V. I. Shishkin.* Novosibirsk. 1999. Pp. 116–131.
14. Sitnikov M. G. *Polkovnik N.N. Kazagrandi i boevye kolonny* [Colonel N. N. Kazagrandi and battle columns] // *Belaya armiya. Beloe delo – White army. White case.* 2009, No. 17, pp. 5–48.
15. *Svobodnyj kraj (Irkutsk) – Free region (Irkutsk).* 1918. June 30.
16. *Svobodnyj kraj (Irkutsk) – Free region (Irkutsk).* 1918. August 17.
17. EHjhep G. H. *Oprokinutyjtyl* [Overturned rearward]. M. Voenizdat. 1966. 384 p.

УДК 94(57)"1917/1922"

doi: 10.25730/VSU.2070.18.019

Приветственные послания Государственному совещанию в Уфе в сентябре 1918 г.: к истории политической коммуникации в условиях Гражданской войны

В. В. Журавлев

кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН,
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.
Россия, г. Новосибирск. E-mail: vvzh@mail.ru

Аннотация. Важным источником для реконструкции политического дискурса, практик диалога власти и общества, политического давления и лоббирования являются приветственные послания, направлявшиеся как населением, так и различными внешними политическими агентами в адрес тех или иных органов власти. В ходе событий Гражданской войны на востоке страны особое значение имело Государственное совещание в Уфе, на котором было сформировано первое общероссийское антибольшевистское правительство – Временное Всероссийское правительство под председательством Н. Д. Авксентьева. Данная публикация впервые вводит в исследовательский оборот полные тексты всех 34 приветственных посланий, поступивших в адрес данного форума и отложившихся в делах канцелярии Государственного совещания.

Ключевые слова: Гражданская война на востоке России, антибольшевистское движение, интервенция, Всероссийское учредительное собрание, Директория, политические практики, идеология, политическая коммуникация, легитимность.

После Октябрьской революции и начала полномасштабной Гражданской войны противники большевиков оказались раздроблены, объединившись вокруг множества различных по политической окраске и реальной силе политических центров. Проблема отсутствия единого руководящего центра антибольшевистского движения приобрела огромную остроту. Задачу оформления такого центра было призвано решить Государственное совещание, созвать которое было решено по итогам переговоров между двумя крупнейшими антибольшевистскими правительствами востока России – Комитетом членов Учредительного собрания и Временным Сибирским правительством.

Работы совещания открылись в городе Уфе 8 сентября 1918 г. и завершились 23 сентября 1918 г. формированием Временного Всероссийского правительства (так называемой Директории) из пяти лиц, представлявших различные политические течения антибольшевистского лагеря.

Работа Государственного совещания концентрировалась на четырех ключевых вопросах: статусе создаваемого органа временной власти, статусе избранного в 1917 г. Всероссийского учредительного собрания, взаимоотношениях этих органов, персональном составе будущего правительства. Работа совещания сопровождалась напряженной политической борьбой, столкновениями и закулисными интригами. Такие события в политических центрах Западной Сибири, как отставка командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта А. Н. Гришина-Алмазова, «мятеж» Сибирской областной думы и убийство политического деятеля А. Е. Новоселова были тесно связаны с работой Государственного совещания.

Государственное совещание вызвало значительный общественный интерес. Пресса востока России, особенно Поволжья, Урала и Западной Сибири, уделяла его работе много внимания. Неудивительно, что созыв и работа совещания вызвали составление достаточно многочисленных приветственных посланий в его адрес.

Приветственные послания – особый жанр политической эпистолярной литературы, к его анализу исследователи истории революции и Гражданской войны неоднократно обращались [1–5]. Однако, как правило, рассмотрение происходит в рамках изучения фигуры политического вождя и феномена вождизма. Рассмотрение приветственных посланий в адрес демократического коллегиального политического форума позволяет высветить новые черты в политической культуре эпохи Гражданской войны. Видовая форма публикации не только

позволяет с максимальной полнотой представить вниманию читателя определенную разновидность документов, но и дает возможность увидеть разрозненные коммуникативные акты в качестве единого потока, рассмотреть их как в некотором смысле целостный метатекст.

Структура публикации предусматривает хронологическое расположение документов. Опубликованные документы имеют сплошную нумерацию, каждый из них сопровождается научным заглавием, содержит указание на место, дату и время его создания. В случае отсутствия сведений о дате в самом документе они устанавливались составителем и приводятся в квадратных скобках. Поскольку различия в использовании прописных и строчных букв могут обладать существенным информационным потенциалом, в тексте публикации везде сохранено написание источника.

* * *

№ 1. От Всесибирского и Томского объединения трудового крестьянства
г. Томск

29 августа 1918 г.

УФА[,] ПРЕЗИДИУМУ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ.

ПРИВЕТСТВУЯ СОЗДАНИЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ[,] НАСТАИВАЕМ [НА] ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЕЕ ПЕРЕД НАЛИЧНЫМ СОСТАВОМ ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ НАСТОЯЩЕГО СОЗЫВА[.]

ВСЕСИБИРСКОЕ И ТОМСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА.

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 8. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «3847» с датой и временем отправления «29-го», «10 ч. 48 м.». Рукописная дата получения «5/9-го 1918 г.». Штемпель: «В УФЕ», круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «12» с рукописной датой «6/IX 1918». Внизу бланка рукописная подчеркнутая помета: «К делу».

№ 2. От Оренбургской городской думы

г. Оренбург

1 сентября 1918 г.

[В] УФУ, [В] ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ.

В ДЕН[Ь] СВОЕГО ПЕРВОГО ЗАСЕДАНИЯ 1 СЕНТЯБРЯ 1918 ГОДА ОРЕНБУРГСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА ВМЕСТЕ СО ВСЕЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РОССИЕЙ НАПРЯЖЕННО ЖДЕТ ОТ СОБРАВШИХСЯ В УФЕ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ РЕШАЮЩЕГО СЛОВА ПО ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ[,] БЕЗ КОТОРОЙ НЕМЫСЛИМА СИЛЬНАЯ[,] МОЩНАЯ И СВОБОДНАЯ РОССИЯ[,] КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА ОРЕНБУРГА ГОРОДСКАЯ ДУМА СЧИТАЕТ СЕБЯ ОБЯЗАННОЙ ПОДНЯТ[Ь] СВОЙ ГОЛОС И ПОДЧЕРКНУТ[Ь,] ЧТО ТВЕРДОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТЬЮ[,] НЕУКЛОННО И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ВЕДУЩЕЙ СТРАНУ ПО ПУТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ[,] МОЖЕТ БЫТ[Ь] ТОЛЬКО ВЛАСТ[Ь] ИСХОДЯЩАЯ ОТ ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ[,] ДЕЙСТВУЮЩАЯ ЕГО ИМЕНЕМ И ОТВЕТСТВЕННАЯ ПЕРЕД НИМ[,] ГОРОДСКАЯ ДУМА ПРИЗЫВАЕТ ОРГАНИЗОВАННУЮ ДЕМОКРАТИЮ ДАТ[Ь] РЕШИТЕЛЬНЫЙ ОТПОР ВСЕМ ТЕМ СИЛАМ[,] КОТОРЫЕ ПОСЯГНУТ НА ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО И[,] ПРИКРЫВАЯСЬ НЕОБХОДИМОСТЬЮ ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ[,] ПЫТАЮТСЯ СОЗДАТ[Ь] ВОЕННУЮ ДИКТАТУРУ И ТЕМ ВНОВ[Ь] РАЗЖЕЧ[Ь] ПЛАМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ[,] ЖЕЛАЯ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СОВЕЩАНИЮ УСПЕШНОЙ И ПЛОДОТВОРНОЙ РАБОТЫ[,] ГОРОДСКАЯ ДУМА ШЛЕТ ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ КОМИТЕТУ ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ[,] БРАТЬЯМ[-]ЧЕХОСЛОВАКАМ И ДОБЛЕСТНОЙ НАРОДНОЙ АРМИИ[,] СРАЖАЮЩИМСЯ ЗА ЕДИНУЮ РОССИЙСКУЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ РЕСПУБЛИКУ.

ОРЕНБУРГСКИЙ ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА КОРЧАГИН

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 11–12. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «1161», дата и время отправления «8/9», «9 ч. 5 м.». Штемпель: «В УФЕ», круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «8/IX».

№ 3. От редакционной коллегии газеты «Народная мысль»
г. Бузулук
2 сентября 1918 г.

УФА[,] ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ.

К ВАМ[,] СТРОИТЕЛЯМ НОВОЙ РОССИИ[,] ОБРАЩЕНЫ СЕЙЧАС ВЗОРЫ ВСЕХ ГРАЖДАН[,] БОЛЕЮЩИХ ДУШОЙ ЗА НАШУ РОДИНУ[. МЫ,] РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ [ГАЗЕТЫ] «НАРОДНАЯ МЫСЛЬ» В ГОРОДЕ БУЗУЛУКЕ[,] ПРИВЕТСТВУЕМ В ВАШЕМ ЛИЦЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ И ОТ ДУШИ ЖЕЛАЕМ ДОСТИГНУТ[Ь] РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПО ВОССОЗДАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ[,] МЫ ВЕРИМ[,] ЧТО ВЫ ДАДИТЕ ВОЗРОЖДАЮЩЕЙСЯ РОДИНЕ ЕДИНУЮ АВТОРИТЕТНУЮ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНУЮ ВЛАСТЬ.

ЧЛЕН УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ [Я.А.] БОГОСЛОВОВ[,]
РЕДАКТОР МЛИНИК[,]
СЕКРЕТАРЬ КОПЫТИН

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 9. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «33» с датой и временем отправления «2-го», «2 ч. 12 м.». Рукописная дата получения «2/IX 1918 г.». Штемпель: «В УФЕ», круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «6» с рукописной датой «4/IX 1918». Рукописная подчеркнутая помета: «К делу».

№ 4. От I Всесибирского съезда городов и земств
г. Томск
4 сентября 1918 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ[,] УФА[.]

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ¹ СЪЕЗД ГОРОДОВ [И] ЗЕМСТВ ГОРЯЧО ПРИВЕТСТВУЕТ СОВЕЩАНИЕ. СЪЕЗД НАДЕЕТСЯ [НА] СОЗДАНИЕ ЕДИНОЙ АВТОРИТЕТНОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ ПУТЕМ ОБЩЕГО СОГЛАШЕНИЯ НА НАЧАЛАХ ДЕЛОВОЙ КОАЛИЦИИ ВСЕХ ЖИВЫХ СИЛ СТРАНЫ[,] СТОЯЩИХ [НА] ПЛАТФОРМЕ НЕПРИЗНАНИЯ БРЕСТСКОГО ДОГОВОРА И ВОССТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСОЮЗНОГО ФРОНТА. СЪЕЗД ОЖИДАЕТ СРОЧНОГО СОЗЫВА СУЩЕСТВУЮЩЕГО ВСЕУЧСОБ²[,] КОТОРОЕ ДОЛЖНО ДЕЙСТВОВАТ[Ь] КАК ВРЕМЕННЫЙ ВЫСШИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОРГАН СТРАНЫ И БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНО ОРГАНИЗОВАТЬ ПЕРЕВЫБОРЫ ВСЕУЧСОБ[.]

ПРЕДСЕДАТЕЛ[Ь] СЪЕЗДА УЛЬЯНИН

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 24. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «0581» с датой и временем отправления «4-го», «12 ч. 15 м.», и телеграфной служебной отметкой «П[О]Л[У]Ч[Е]НО П[О]ЧТ[О]Й В САМАРЕ [ИЗ] ОМСКА 10/9». Круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «10». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «81» с рукописной датой «10/IX 1918». Рукописная подчеркнутая помета: «В газеты».

№ 5. От президиума III Всесибирского кооперативного съезда
г. Омск
5 сентября 1918 г.

Уфа[,] Государственному совещанию[.]

Приветствуя государственное совещание[,] которое должно положить конец анархии и междоусобице внутри страны и заложить прочные основы для восстановления государственного единства[,] независимости и силы[,] объединенная сибирская кооперация обращается к этому совещанию с горячим призывом сплотиться в едином порыве и дружным усилием создать власть[,] постоянно опирающуюся на закономерное выражение всенародной власти[,] суровую к ее ослушникам[,] грозную для внешнего врага и крепко спаянную с нашими друзьями вне страны [-] власть[,] спасительную для России. Пусть перед глазами участников неизменно стоит страдальческий образ униженной и поруганной родины нашей[,] пусть безмерной горечи ее страданий будут равны ясность их государственной мысли[,] их проникновение едиными общенародными чувствами и могучее напряжение их воли к спасению отчизны.

Президиум съезда

¹ Ошибка. Правильно: «ВСЕСИБИРСКИЙ».

² Имеется в виду Всероссийское учредительное собрание.

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 21–22. Телеграфные бланки, рукопись, автограф телеграфиста Иванова. Рукописный номер «10645», дата и время отправления «5/9», «9 ч. 38 м.». Штемпели: «В УФЕ», круглый почтовый штампель: «УФА». Рукописная помета: «Пол[учена] почт[ой] в Уфе 9/9». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «67» с рукописной датой «9 сентября».

№ 6. От Самарского съезда представителей акционерных коммерческих банков
г. Самара
8 сентября 1918 г.

СРОЧНАЯ

УФА[.] ГОСУДАРСТВЕННОМУ [СОВЕЩАНИЮ.]
СОБРАВШИЕСЯ В ЦЕЛЯХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ КРЕДИТНО[-]ДЕНЕЖНОГО АППАРАТА
СЪЕЗД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АКЦИОНЕРНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ ИСКРЕННО ПРИВЕТ-
СТВУЕТ ВЫСОКОЕ СОБРАНИЕ В ТВЕРДОЙ УВЕРЕННОСТИ[.] ЧТО РАБОТЫ СОБРАНИЯ ПОСЛУ-
ЖАТ ПРОЧНЫМ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ТВЕРДОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ ДЛЯ
СКОРЕЙШЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЩИ И НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА
ДОРОГОЙ ВСЕМ НАМ РОДИНЫ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЪЕЗДА РОШКОВСКИЙ[.]
СЕКРЕТАР[Ь] БЕЗРУКОВ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 16. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «1235», дата и время отправления «8-го», «16 ч. 10 м.». Почтовый штампель: «УФА». Рукописная дата получения «8/9-го 1918». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «60» с рукописной датой «8/IX 1918».

№ 7. От Союза увечных воинов Уфимской губернии
[Не позднее 8 сентября 1918 г.]
В ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ.
ПРИВЕТСТВИЕ.

Правление Союза Увечных Воинов Уфимской губернии, отображая настроение своих членов, шлет горячий привет Представителям ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ.

Мы, пострадавшие на полях битв, верим, что соль Земли Русской – члены ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ, сговорившись, установят твердую ВЛАСТЬ и, предоставив широкое поле деятельности частной и общественной инициативы, выведут РОССИЮ из исторического тупика.

Да здравствует Великая, Обильная, ЕДИНАЯ МАТУШКА-РУСЬ.

Председатель Губернского Союза Увечных Воинов Я. Денисов[.]
И. О. Секретаря Павлов

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 10. Машинописный подлинник. Угловая шапка-штампель с датой и исходящим номером: «УПРАВЛЕНИЕ Уфимского Союза инвалидов, раненых и больных воинов [не читаемая дата] сентября 1918 г. № 2160. УФА». Подписи-автографы, заверены круглой печатью с надписью «Уфимский Союз Инвалидов, ранен[ых] и больн[ых] воинов». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «52» с рукописной датой «8/IX 1918».

№ 8. От Стерлитамакского временного мусульманского народного комитета
г. Стерлитамак
8 сентября 1918 г.

ДВА АДРЕСА[:.] УФА[.] ПРЕЗИДИУМУ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ[.] КОПИЯ ГАЗЕ-
ТЕ [«]ГОЛОС РАБОЧЕГО[».]

СТЕРЛИТАМАКСКИЙ ВРЕМЕННЫЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ НАРОДНЫЙ КОМИТЕТ ПРИВЕТ-
СТВУЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ И ВЕРИТ[.] ЧТО НА НЕМ БУДЕТ СОЗДАНА ЕДИНАЯ
ВЛАСТЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ[.] СПОСОБНАЯ ВОССОЗДАТЬ
СИЛЬНУЮ САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ РОССИЮ И УДОВЛЕТВОРЯЮЩАЯ ТРЕБОВАНИЯМ НАРОДОВ
РОССИИ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КАРАМЫШЕВ[.]
СЕКРЕТАРЬ ХАБИРОВ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 17. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «240» с датой отправления «8/9» и временем «17 ч. 49 м.». Почтовый штемпель: «УФА». Рукописная дата получения «8/IX». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «59» с рукописной датой «8/IX 1918».

№ 9. От Самарской городской думы
г. Самара
8 сентября 1918 г.

СРОЧНО

УФА[,] ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ.

ВНОВ[Ъ] ИЗБРАННАЯ САМАРСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА[,] СОБРАВШИЕСЬ НА ПЕРВОЕ СВОЕ ЗАСЕДАНИЕ В ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕНЬ ОТКРЫТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ[,] ПРИВЕТСТВУЕТ СОВЕЩАНИЕ И ВЫРАЖАЕТ УВЕРЕННОСТЬ В ТОМ[,] ЧТО НА ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕЩАНИИ БУДЕТ СОЗДАНА ВПРЕДЬ ДО СОЗЫВА ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ЕДИНАЯ ТВЕРДАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ[,] ОТВЕТСТВЕННАЯ ПЕРЕД СЪЕЗДОМ ЧЛЕНОВ ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ДУМЫ АЛЕКСЕЙ КАБЦАН[,]
СЕКРЕТАРЬ АЛЕКСАНДР ВИНОГРАДОВ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 18. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «11277» с датой и временем отправления «8-го», «19 ч. 1 м.». Почтовый штемпель: «УФА». Рукописная дата получения «8/9». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «61» с рукописной датой «8/IX 1918».

№ 10. От Златоустовской уездной земской управы
г. Златоуст
9 сентября 1918 г.

Уфа[,] председателю Государственного совещания[.]

Златоустовское земство приветствует собравшееся [в] Уфе Государственное совещание[,] крепко желает благоприятных результатов по сконструированию всероссийской власти[,] которая только одна может собрать распыленную Россию[,] довести страну до нового Учредительного собрания[,] уладить все конфликты между правительствами[,] образованными после изгнания большевиков[,] которые своими распоряжениями препятствуют введению нормального земского устройства[,] как[,] например[,] Башкирское правительство[,] узурпирующее [в] свою пользу всех земских сборов и недоимок от населения башкирских волостей.

Последнее просим обсудить на совещании и результаты сообщить[.]

За Председателя управы Абдулкадыров

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 13–15. Телеграфные бланки, рукопись, автограф телеграфиста Авадовского. Рукописные дата и время отправления «9/IX», «8 ч. 2 м.». Штемпели: «В УФЕ», почтовый штемпель: «УФА». Рукописная дата получения «9/IX 1918 г.». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «62» с рукописной датой «9/IX 1918».

№ 11. От Самарской уездной земской управы
г. Самара
9 сентября 1918 г.

УФА[,] ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ.

[В] МОМЕНТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ[,] КОГДА РЕШАЮТСЯ СУДЬБЫ ВЕЛИКОГО РУССКОГО НАРОДА И ВСЕГО СЛАВЯНСТВА[,] САМАРСКАЯ УЕЗДНАЯ ЗЕМСКАЯ УПРАВА[,] ПРИВЕТСТВУЯ СЪЕЗД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОСВОБОЖДЕННОЙ РОССИИ[,] ТВЕРДО ВЕРИТ[,] ЧТО ПОБУЖДАЕМЫЕ ПОРЫВОМ ГРАЖДАНСКОГО САМООТВЕРЖЕНИЯ И РУКОВОДСТВУЯС[Ъ] ГОСУДАРСТВЕННОЙ МУДРОСТЬЮ[,] ВЫ[,] ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАРОДА[,] СОЗДАДИТЕ ВСЕНАРОДНУЮ ТВЕРДУЮ ВЛАСТЬ[,] ПОКОЮЩУЮСЯ НА АВТОРИТЕТЕ ЕДИНСТВЕННО ПРАВОМОЧНОГО ОРГАНА СТРАНЫ [-] УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ[,] А ДО НАЧАЛА РАБОТ ТАКОВОГО [- НА] ОТВЕТСТВЕННОСТ[И] ПЕРЕД СЪЕЗДОМ ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ[,] УЕЗДНОЕ ЗЕМСТВО НАДЕЕТСЯ[,] ЧТО В ТОТ ДЕН[Ь] КОГДА ВЫЯВИТСЯ ВСЕНАРОДНАЯ ВЛАСТ[Ь] БУДЕТ ПОЛОЖЕНО НАЧАЛО СОБИРАНИЮ ЕДИНОЙ

НЕРАЗДЕЛЬНОЙ РОССИИ[.] МОГУЧЕЙ БРАТСКИМ ЕДИНЕНИЕМ НАСЕЛЯЮЩИХ ЕЕ НАРОДОВ[.]
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЕДИНАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ САМАРСКОЙ УЕЗДНОЙ ЗЕМСКОЙ
УПРАВЫ НОВИКОВ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 19. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «0303» с датой и временем отправления «9-го», «13 ч. 48 м.». Круглый почтовый штемпель: «УФА». Рукописная дата получения «9/9-го 1918 г.». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «71» с рукописной датой «9/IX 1918». Рукописная помета: «В газету [далее нечитаемо]».

№ 12. От Оренбургского епархиального собрания духовенства и мирян
г. Оренбург
9 сентября 1918 г.

ГОСУДАРСТВЕННОМУ СОВЕЩАНИЮ[.] УФА.

ОРЕНБУРГСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН В ДЕН[Ь] СВОЕГО
ТОРЖЕСТВЕННОГО ОТКРЫТИЯ ПРИВЕТСТВУЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ[.] ЖЕЛАЕТ
ЕМУ ПОЛНОГО УСПЕХА В СОЗДАНИИ ЕДИНОЙ ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ КАК ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ЦЕЛИ НАРОДНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОБРАНИЯ АРХИЕПИСКОП МЕФОДИЙ[.]
ОРЕНБУРГСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 20. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «1336» с датой и временем отправления «9-го», «11 ч. 32 м.». Штемпель: «В УФЕ», круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «9/IX-го 1918 г.». Рукописная подчеркнутая помета: «В газеты». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «70» с рукописной датой «9/IX 1918».

№ 13. От Ставропольского уездного крестьянского съезда Самарской губернии
г. Мелекес
9 сентября 1918 г.

г[.] УФА[.] ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ[.]

СТАВРОПОЛЬСКИЙ УЕЗДНЫЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ СЪЕЗД САМАРСКОЙ ГУБ[ЕРНИИ В]
ЧИСЛЕ 150 ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОРЯЧО ПРИВЕТСТВУЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ[.]
ЖЕЛАЕТ ЕМУ УСПЕХА [В] ВЕЛИКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ДЕЛЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ[.] СЧИТАЕТ[.]
ЧТО ТОЛЬКО ВЛАСТ[Ь,] СТОЯЩАЯ [НА] ПЛАТФОРМЕ НАРОДОВЛАСТИЯ[.] ПОЛЬЗУЮЩАЯСЯ
ДОВЕРИЕМ И ПОДДЕРЖКОЙ ВСЕЙ ДЕМОКРАТИИ И ОТВЕТСТВЕННАЯ ПЕРЕД СОБРАНИЕМ
ЧЛЕНУЧСОБА[.] СПОСОБНА ДОВЕСТИ СТРАНУ ДО ПОЛНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КАЛИНИЧЕВ[.]
СЕКРЕТАРЬ ПОЛЮКОВ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 23. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «140» с датой и временем отправления «9-го», «18 ч. 55 м.» и телеграфной служебной отметкой «ЗАМЕД [ЛЕННО В СВЯЗИ С] ЗАНЯТ[ИЕМ] ЛИНИИ». Штемпель: «В УФЕ», круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «10/IX-го 1918 г.». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «79» с рукописной датой «10/IX 1918». Рукописная подчеркнутая помета: «В газеты».

№ 14. От Уфимского епархиального собрания.

г. Уфа
10 сентября 1918 г.

В ПРЕЗИДИУМ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ В ГОРОДЕ УФЕ.

Не считая возможным отнимать у Государственного Совещания в высшей степени ценное для него в переживаемый исторический момент время на прием особой депутации для оглашения приветствия от Уфимского Епархиального Собрания, имею честь представить это приветствие Президиуму Государственного Совещания для надлежащего направления.

Андрей, Епископ Уфимский
26 Августа/10 Сентября 1918 года. № 3334

Приветствие Уфимского Епархиального Собрания Уфимскому Государственному Совету.

Епархиальное Собрание Духовенства и Мирян – представителей православного населения Уфимского Края – приветствует Собрание Государственных и Общественных деятелей освобожденной части России в их стремлении создать Единое Всероссийское Правительство для спасения и восстановления единого Русского Государства, Представители православного населения Уфимской Епархии выражают надежду, что сознание великой ответственности за судьбу пострадавшей и гибнущей Родины и любовь к ней подскажут участникам Государственного Собрания такое мудрое решение вопроса о Всероссийской Власти, которое объединит все слои населения в одном могучем порыве всем пожертвовать для спасения Родины от немецко-большевистского ига. Единая Всероссийская Власть, призванная спасти Россию, по глубокому убеждению представителей православного народа, должна состоять из людей зрелого государственного ума и опыта, людей дела и энергии, преданных Родине, способных во имя государственных и общенародных интересов пожертвовать классовыми и партийными интересами. Эта власть должна быть авторитетной, сильной и твердой и по исключительности современных условий должна обладать исключительными полномочиями. Епархиальное Собрание выражает твердую уверенность, что не будут более повторяться ошибки прошлого, что Государственное Собрание и новая власть не оставят без внимания высшие духовные ценности народа и призовут к участию в строительстве великой России испытанную историческую силу русского народа – Православную Церковь. Православная Церковь и создала Русское Государство и неоднократно спасала его в самые тяжкие времена исторической жизни. И в настоящий трагический момент жизни России православный народ Уфимского Края в лице своих представителей заявляет, что он отдаст все свои силы на великое дело освобождения Родины, создание дисциплинированной Народной Армии и восстановления Единого Русского Государства.

Уфимское Епархиальное Собрание молит Бога да ниспошлет Он Свое благословение на труды Государственного Собрания и да увенчает их успехом на благо воскресающей Родины.

Председатель Уфимского Епархиального
Собрания *Андрей, Епископ Уфимский*[.]
Товарищ Председателя священник *Николай Концевич*[.]
Секретарь *Василий Добров*

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 25–26об. Машинописный подлинник. На первом листе: подпись – автограф еп. Андрея (Ухтомского), рукописный номер, угловой типографский бланк «ЕПИСКОП УФИМСКИЙ». На обороте второго листа подписи – автографы еп. Андрея (Ухтомского), о. Николая (Концевича), В. Доброва. Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «83» с рукописной датой «11/IX 1918» и рукописной пометой: «вместе с прив[етственными] телегр[аммами] к докладу в засед[ании]».

№ 15. От Златоустовского уездного учительского съезда

г. Златоуст

11 сентября 1918

Уфа[.] Государственное Собрание[.]

Златоустовский Уездный Учительский Съезд[.] учитывая величайшую ответственность участников Государственного Собрания перед Россией[.] шлет горячее пожелание успешного разрешения вопроса о воссоздании единой России и центральной власти.

Председатель Протопопов

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 27. Телеграфные бланки, рукопись, автограф телеграфиста. Рукописный номер «401», дата и время отправления «11», «11 ч. 39 м.». Круглый почтовый штампель: «УФА». Рукописная дата получения «11/9 1918 г.». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «86» с рукописной датой «11/IX 1918». Рукописная помета: «Доложить И. А. Жуку».

№ 16. От Самарского союза увечных воинов

Г. Самара

12 сентября 1918 г.

УФА[,] ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ[,] ВОЛЬСКОМУ.

САМАРСКИЙ СОЮЗ УВЕЧНЫХ ВОИНОВ ПРИВЕТСТВУЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ[,] ВЕРИТ[,] ЧТО БУДУЩАЯ ЕДИНАЯ РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ НЕ ЗАБУДЕТ ЗАЩИТНИКОВ РОДИНЫ.

ПРЕДСЕДАТЕЛ[Ь] БОГДАНОВ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 28. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «01824» с датой и временем отправления «12-го», «23 ч. 25 м.». Круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «12/IX 1918 г.». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «95» с рукописной датой «12/IX 1918». Рукописная подчеркнутая помета: «[Н.Д.] Авксентьеву».

№ 17. От Союза ветеринарных врачей Самарской губернии

г. Самара

12 сентября 1918 г.

УФА[,] ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ[,] КОМИТЕТУ ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ.

УПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ВЕТЕРИНАРНЫХ ВРАЧЕЙ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПРИВЕТСТВУЕТ ВАС – ИЗБРАННИКОВ НАРОДА И ВЫРАЗИТЕЛЕЙ ЕГО ВОЛИ – ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ[,] ГОРЯЧО ЖЕЛАЕТ ВОССОЗДАНИЯ ЕДИНОЙ РОССИИ С ЕДИНЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ[,] ТОРЖЕСТВА ПРОВОДИМЫХ ВАМИ ИДЕЙ НАРОДОВЛАСТИЯ[.]

ПРЕДСЕДАТЕЛ[Ь] СОБРАНИЯ ГУЛЯЕВ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 29. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «01797» с датой и временем отправления «12-го», «9 ч. 9 м.». Круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «12/9 1918 г.». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «96» с рукописной датой «12/IX 1918».

№ 18. От Всесибирского комитета эстонцев

г. Томск

12 сентября 1918 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ[,] УФА[.]

ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ЭСТОНЦЕВ[.]

ВСЕСИБИРСКИЙ КОМИТЕТ ЭСТОНЦЕВ ПРИВЕТСТВУЕТ СОВЕЩАНИЕ И ВАС И ПОРУЧАЕТ ВАМ НА СОВЕЩАНИИ ЗАЩИТУ ИНТЕРЕСОВ СВОБОДНОЙ ЭСТОНИИ И СИБИРСКИХ ЭСТОНЦЕВ. КОМИТЕТ ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ [К] МЫСЛИ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЭСТОНЦЕВ И ВЫШЛЕТ ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ ДЕЛЕГАТА [В] САМАРУ[,] О ДНЕ ВОЗМОЖНОГО СОВЕЩАНИЯ [В] САМАРЕ СРОЧНО ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ [В] ТОМСК[.] ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК 104[.]

ПРЕДСЕДАТЕЛ[Ь] В.М.] СЫЭРД

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 30. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «1294» с датой и временем отправления «12-го», «17 ч. 6 м.». Круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «13/9 1918 г.». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «99» с рукописной датой «13/IX 1918».

№ 19. От Польского верховного военного комитета

г. Уфа

12 сентября 1918 г.

УФА[,] Президиуму Уфимского Государственного Совещания.

Польский Верховный Военный Комитет приветствует ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ[,] желает успешной работы для создания единой всероссийской демократической власти[,] необходимой для совместной борьбы за свободу славянских народов[.]

ПРЕЗИДИУМ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 31. Телеграфный бланк, машинопись, отпуск, машинописная помета: «С подл[инным] верно Л. АПОЛЛОНОВА». Машинописный телеграфный номер «А/643» с датой и временем отправления «12/9», «16 ч. 15 м.». Штемпель: «В УФЕ», круглый почтовый штемпель «УФА». Машинописная дата получения «12/9 1918 г.». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «97» с рукописной датой «12/IX 1918».

№ 20. От Екатеринбургского уездного земского собрания
г. Екатеринбург
12 сентября 1918 г.

[В] УФУ[,] ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ[.]

ЕКАТЕРИНБУРГСКОЕ УЕЗДНОЕ ЗЕМСКОЕ СОБРАНИЕ 39 ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЕССИИ ПРИВЕТСТВУЕТ УЧАСТНИКОВ СОВЕЩАНИЯ И ВЫРАЖАЕТ НАДЕЖДУ НА УСПЕШНОЕ И СКОРЕЙШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ РАБОТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ.

ПРЕДСЕДАТЕЛ[Ь] ЗЕМСКОГО СОБРАНИЯ ЕРОШКИН.
СЕКРЕТАР[Ь] ВОНГРОДСКИЙ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 32. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «0109» с датой и временем отправления «12-го», «11 ч. 40 м.». Штемпель: «В УФЕ», круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «12/9». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «98» с рукописной датой «12/IX 1918».

№ 21. От российского посла в Риме
г. Рим

[13 сентября 1918 г.]

Господину [Н.Д.] Авксентьеву, Председателю Государственного Совещания, Уфа.

Глубоко взволнованный открытием Государственного Совещания, считаю своим священным долгом, в качестве старейшего из русских послов, обратиться к чувству патриотизма всех моих сограждан и всех политических партий, умоляя их напрячь все усилия, чтобы прийти к полному соглашению, дабы не затруднить или не сделать совершенно невыполнимой задачу наших союзников, несущих нам дружескую помощь в нашей борьбе с немцами и большевиками. Единственное стремление наших союзников, это – восстановление России в ее пределах, противодействие германскому захвату и гарантируя [так в тексте. – В. Ж.] народам России разрешение их внутренних вопросов и воссоздание правительства. Чтобы спасти наше отечество, необходимо во что бы то ни стало преодолеть всякие внутренние трения и осложнения. В интересах самого существования Великой и Сильной России необходимо возрождение ее государственности теперь же, еще во время войны, и ее новое выступление в рядах борцов против нашего исконного неприятеля. Мы должны помнить, что уже ясно очерчивается конечная победа наших союзников на западе.

[М.Н.] Гирс, русский посол в Риме

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 49об. Машинопись, отпуск. Датировано по бланку телеграммы с французским текстом.

№ 22. От Временной Сибирской областной думы
г. Томск

13 сентября 1918 г.

УФА[,] ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ.

СИБИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДУМА ШЛЕТ БРАТСКИЙ ПРИВЕТ И ПОЖЕЛАНИЕ УСПЕШНОГО ЗАВЕРШЕНИЯ ВЕЛИКОГО ДЕЛА СТРОИТЕЛЬСТВА ЕДИНОЙ МОГУЧЕЙ ВСЕРОССИИ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ. ДУМА УВЕРЕНА[,] ЧТО НЕСМОТРЯ НА ВСЕ ПРЕПЯТСТВИЯ[,] ЭТА ВЛАСТ[Ь] ВОЗРОЖДАЮЩЕЙСЯ РОССИИ БУДЕТ СОЗДАНА[,] ЧТО ОНА ОБЪЕДИНИТ РАЗБИТЫЕ ГОСУДАРСТВЕННО РАЗОБЩЕННЫЕ ЧАСТИ И ОБЛАСТИ РОССИИ, СПАСЕТ РОССИЮ ОТ НЕМЕЦКОГО ПОРАБОЩЕНИЯ, УКРЕПИТ В НЕЙ ОСНОВЫ НАРОДОВЛАСТИЯ И ПРАВА ДЕМОКРАТИИ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ДУМЫ [И.А.] ЯКУШЕВ[,] 79

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 35. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «А/16» с датой и временем отправления «13», «7 ч. 20 м.». Круглый почтовый

штемпель «УФА». Рукописная дата получения «13/9». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «103» с рукописной датой «14/IX 1918».

№ 23. От собрания мастеровых, рабочих и служащих Уфимских железнодорожных мастерских

г. Уфа

[Не позднее 14 сентября 1918 г.]

Мы, рабочие и служащие железнодорожных мастерских, приветствуем участвующих в ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕЩАНИИ представителей Комитета членов Учредительного Собрания и других представителей демократии. Мы, рабочие, верим Вам как истинным выразителям воли трудового народа и как старым борцам за его освобождение. Поэтому в настоящий исторический момент, накануне ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ, на котором Вам предстоит напрячь все силы и проявить всю политическую мудрость для воссоздания единой демократической власти ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ, мы считаем долгом сделать Вам следующий наказ: если Вы действительно представители революционной демократии, то, при обсуждении вопроса о власти, Вы должны твердо стоять, не колеблясь и ни на шаг не отступая от завоеваний революции; Вы должны твердо сказать, что, кроме власти демократической в лице Учредительного Собрания, никакой другой власти быть не может, ибо этого требует народ. Идя по такому твердому пути, Вы вполне можете рассчитывать, без малейшего сомнения, на поддержку железнодорожных мастеровых, рабочих и служащих.

За время периода Европейской войны, затеянной Империалистами Западно-Европейских Государств, мы, рабочие, довольно много пережили всяких невзгод и бедствий; поэтому мы никоим образом не можем допустить, чтобы была какая-нибудь другая власть, которая опять поработила бы русский народ. Предупреждаем Вас: будьте тверды и спокойно ведите свою работу во имя спасения пострадавшей России, ибо мы, рабочие, есть опора той власти, которая пойдет навстречу пожеланиям широких трудовых масс и которая соблюдает и проводит в жизнь социалистические лозунги: БРАТСТВО, РАВЕНСТВО и СВОБОДА.

Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание, да здравствуют представители демократии в Государственном Совещании; да здравствует демократическая республика!

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 29–29об. Машинописная копия, заверенная начальником канцелярии Комитета членов Всероссийского учредительного собрания. Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «100» с рукописной датой «14/IX 1918».

№ 24. От представителей мусульманской общины г. Екатеринбурга

г. Екатеринбург

14 сентября 1918 г.

2 АДРЕСА: КОПИЯ [В] МУСУЛЬМАНСКАЮ ФРАКЦИЮ[.]

УФА[.] ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ[.]

ЕКАТЕРИНБУРЖЦЫ[-]МУСУЛЬМАНЕ ГОРЯЧО ПРИВЕТСТВУЮТ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ[.] А ТАКЖЕ ЖЕЛАЮТ ВСЯКИХ БЛАГ И УСПЕХОВ [В] ВАШЕЙ СТОЛЬ ВЫСОКОЙ И ОТВЕТСТВЕННОЙ РАБОТЕ[.] НАДЕЕМСЯ[.] ЧТО СОВЕЩАНИЕ УСТАНОВИТ В РОССИИ ВЛАСТЬ[.] КОТОРАЯ БУДЕТ ОТВЕТСТВЕННОЙ ПЕРЕД СЪЕЗДОМ ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ.

ЕКАТЕРИНБУРЖЦЫ[-]МУСУЛЬМАНЕ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 34. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «1355/Б» с датой и временем отправления «14/9», «11 ч. 8 м.». Штемпель: «В УФЕ», круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «14/9». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «102» с рукописной датой «14/IX 1918».

№ 25. От Екатеринбургской городской думы

г. Екатеринбург

14 сентября 1918 г.

УФА[.] ДВА АДРЕСА[:.] ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ[.]

КОПИЯ ЧЛЕНУ СОБРАНИЯ КРОЛЮ[.]

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА, В НАСТОЯЩИЙ ВЕЛИЧАЙШИЙ В ИСТОРИИ РОССИИ МОМЕНТ, КОГДА РЕШАЕТСЯ ВОПРОС ГОСУДАРСТВЕННОГО БЫТИЯ НАШЕЙ РОДИНЫ,

СОБРАВШИЕСЯ В ЗАСЕДАНИИ СВОЕМ 13 СЕГО СЕНТЯБРЯ, ЕДИНОГЛАСНО ПОСТАНОВИЛА ГОРЯЧО ПРИВЕТСТВОВАТЬ СОБРАВШИХСЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ В УФЕ И ИСХОДЯ ИЗ УБЕЖДЕНИЯ, ЧТО КАЖДАЯ МИНУТА ПРОМЕДЛЕНИЯ В ДЕЛЕ СОЗДАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ ГРОЗИТ ВСЕМ НАРОДАМ РОССИИ НЕИЗБЫВНО ТЯЖКИМИ БЕДСТВИЯМИ, ВЫРАЖАЕТ ТВЕРДУЮ УВЕРЕННОСТЬ, ЧТО УЧАСТНИКИ СОВЕЩАНИЯ, В СОЗНАНИИ ОГРОМНЕЙШЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАЖДОГО ИЗ НИХ ПРЕД РОДИНОЙ, НАЙДУТ ПУТИ К ЕДИНОДУШНОМУ РЕШЕНИЮ И СОЗДАДУТ ТВЕРДУЮ ВСЕРОССИЙСКУЮ ВЛАСТ[Ь], СТАВЯЩУЮ ВО ГЛАВУ СВОЕЙ РАБОТЫ ВОССОЗДАНИЕ ЕДИНОЙ РОССИИ И ЗАЩИТУ ИДЕИ НАРОДОВЛАСТИЯ, ЧЕМ И ОПРАВДАЮТ ВСЕНАРОДНЫЕ ЧАЯНИЯ И НАДЕЖДЫ[.] 5460.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ДУМЫ [П.А.] КРОНЕНБЕРГ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 36. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «1304/Б» с датой отправления «14/9». Штемпель: «В УФЕ», круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «14/IX». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «105» с рукописной датой «14/IX 1918».

№ 26. От собрания граждан Кусинского завода
Кусинский Завод
15 сентября 1918 г.

Уфа, Государственному Совещанию[.]

От общего собрания граждан Кусинского завода приветствуем и просим создать единую всероссийскую власть, которая закрепит завоевания февральской революции.

Председатель Собрания Е. Авдеев[.]

Секретарь А. Рябинин

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 37. Телеграфный бланк, рукопись, автограф телеграфиста. Рукописный телеграфный номер «25» с датой и временем отправления «15», «14». Штемпель: «В УФЕ», круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «15/9». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «108» с рукописной датой «15/IX 1918».

№ 27. От собрания уполномоченных Союза степных кооперативов
г. Карталы
16 сентября 1918 г.

СОБРАНИЕ УПОЛНОМОЧЕННЫХ СОЮЗА СТЕПНЫХ КООПЕРАТИВОВ ПРИВЕТСТВУЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ В ЕГО РАБОТАХ ПО СОЗДАНИЮ ЕДИНОЙ ВЛАСТИ И СКОРЕЙШЕГО РАЗРЕШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ В ИНТЕРЕСАХ НАРОДОВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛ[Ь] СОБРАНИЯ МАЛАХАНОВ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 38. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «22» с датой и временем отправления «16», «8 ч. 20 м.». Круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «16/9». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «110» с рукописной датой «17/IX 1918».

№ 28. От начальника Великобританской военной миссии
г. Владивосток
18 сентября 1918 г.

УФА[.] ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА ГОСПОДИНУ АВКСЕНТЬЕВУ.

Я[.] НАЧАЛЬНИК ВЕЛИКОБРИТАНСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ[.] ПРИНИМАЮ И БЛАГОДАРСТВУЮ ВАШИ ТЕПЛЫЕ СЛОВА И ПРОШУ ВАС ПЕРЕДАТ[Ь] МОЮ БЛАГОДАРНОСТ[Ь] РАЗНЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ВАШЕГО СОВЕЩАНИЯ ЗА ДРУЖЕСКИЕ ПРИВЕТСТВИЯ[.] ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ПРОИЗВЕЛИ НА МЕНЯ ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИМЕНА[.] ВКЛЮЧАЮЩИЕ В СЕБЯ ШЕСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ БРАТЬЕВ [-] КАЗАКОВ[.] ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТДЕЛЬНЫХ НАРОДОВ [-] БАШКИРОВ[.] ТАТАР И ЭСТОНЦЕВ[.] ДЕПУТАЦИЯ ДАЛЕКОЙ ОКРАИНЫ ТУРКЕСТАНА[.] УРАЛА[.] ПОВОЛЖЬЯ И ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ[.] ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВСЕХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ[.] НЕКОТОРЫЕ ИЗ ЭТИХ ИМЕН КРАСНОРЕЧИВО ГОВОРИЛИ О ВЕЛИКОМ ПРОШЛОМ РОССИИ[.] ОДНО ИЗ НИХ[.] ИМЯ ГЕНЕРАЛА [В.Г.] БОЛДЫРЕВА[.]

КОТОРЫЙ[,] КАК Я ПОНЯЛ[,] БЫЛ ОДНИМ ИЗ ВАЖНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОВЕЩАНИЯ[,] НАПОМИЛО МНЕ О ЗАВЯЗАВШЕЙСЯ У МЕНЯ ДРУЖБЕ С РУССКИМИ ОФИЦЕРАМИ[,] ДРУЖБЕ[,] РОЖДЕННОЙ ПОД НЕПРИЯТЕЛЬСКИМ ОГНЕМ В ТЕЧЕНИЕ ТРЕХ ЛЕТ[,] ПРОВЕДЕННЫХ МНОЮ НА ГЕРОИЧЕСКОМ ФРОНТЕ[,] ПРОСТИРАВШЕМСЯ ТОГДА ОТ ЧЕРНОГО ДО БАЛТИЙСКОГО МОРЯ И КОТОРЫЙ С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ МЫ СНОВА ВОССТАНОВИМ[,] ИМЕНА ДРУГИХ ГОВОРЯТ О ТОМ[,] ЧТО РОССИЯ ВСТУПИЛА НА ТОТ ШИРОКИЙ ПУТЬ, КОТОРЫЙ В СКОРОМ ВРЕМЕНИ ПРИВЕДЕТ РУССКИЙ НАРОД К ВЕЛИКОМУ БУДУЩЕМУ[,] БОЛЕЕ ВЕЛИКОМУ[,] ЧЕМ ЕГО ПРОШЛОЕ[,] ВЫ ПРАВЫ[,] УКАЗЫВАЯ НА ТО[,] ЧТО МЫ ПРИШЛИ СЮДА НЕ ДЛЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННЮЮ ЖИЗНЬ РОССИИ И НЕ ДЛЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ КАКИХ[-]ЛИБО ЛИЧНЫХ ВЫГОД[,] ЗЕМЕЛЬНЫХ ИЛИ ДРУГИХ[,] ЗА ПОСЛЕДНИЕ ЧЕТЫРЕ ГОДА МЫ[,] НЕ ЖАЛЕЯ[,] ПРОЛИВАЛИ СВОЮ КРОВЬ И ОТДАВАЛИ СВОЕ ПОСЛЕДНЕЕ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЯ НА ЗАПАДЕ[,] ЗДЕСЬ[,] НА ВОСТОКЕ[,] МЫ БУДЕМ ДЕЛАТЬ ТО ЖЕ САМОЕ[,] НИ ЗДЕСЬ[,] НИ ТАМ МЫ НЕ ЖДЕМ СЕБЕ НАГРАДЫ. ПОСЛЕДНИЙ ОСТАВИШИЙСЯ ДЕСПОТ – ГЕРМАНИЯ[,] И МЫ БУДЕМ ПРОДОЛЖАТЬ ВОЙНУ НА ЗАПАДЕ [И] ВОСТОКЕ, ПОКА КУМИР ДЕСПОТИЗМА[,] БОЛЬШЕВИКИ И НЕМЦЫ[,] НЕ БУДУТ ПРОГНАНЫ С РУССКОЙ ЗЕМЛИ. ВОТ ТА ЗАДАЧА[,] КОТОРУЮ МЫ НА СЕБЯ ПРИНЯЛИ. РАЗ ЭТО СВЕРШИТСЯ[,] ВСЕ НАРОДЫ[,] НАСЕЛЯЮЩИЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО[,] МОГУТ САМИ[,] БЕЗ НАШЕГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА[,] ИЗБРАТЬ СЕБЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО[,] КОТОРОЕ НАИБОЛЕЕ БУДЕТ СООТВЕТСТВОВАТЬ ОБЩЕМУ ЖЕЛАНИЮ.

НАЧАЛЬНИК ВЕЛИКОБРИТАНСКОЙ ВОЕННОЙ
МИССИИ ГЕНЕРАЛ [АЛЬФРЕД] НОКС

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 43. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «1511» с датой и временем отправления «18», «10 ч. 36 м.» и пометой «ХАРБ[ИН]». Штемпель: «В УФЕ», круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «19/IX 1918 г.». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «139» с рукописной датой «19/IX 1918».

№ 29. От Челябинского уездного земского собрания
г. Челябинск
19 сентября 1918 г.

[В] УФУ[,] ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ[,]
ЧЕЛЯБИНСКОЕ УЕЗДНОЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ НАРОДНОЕ ЗЕМСКОЕ СОБРАНИЕ ПРИВЕТСТВУЕТ УФИМСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ[,] НАХОДЯСЬ В ПОЛНОЙ УВЕРЕННОСТИ[,] ЧТО СОВЕЩАНИЕ СУМЕЕТ СОЗДАТЬ НА ОСНОВЕ ВЗАИМНОГО СОГЛАШЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКУЮ, ЕДИНУЮ, ВЛАСТ[Ь,] КОТОРАЯ ВОЗРОДИТ ЕДИНСТВО РАЗРОЗНЕННОЙ НЫНЕ РОССИИ[,] СИЛЬНОЙ ВНУТРИ И МОГУЧЕЙ ВОВНЕ.

ПРЕДСЕДАТЕЛ[Ь] СОБРАНИЯ ИНФАНТЬЕВ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 39. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «3049» с датой и временем отправления «17», «19 ч. 41 м.». Круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «17/IX». Рукописная дата Канцелярии Государственного совещания «17/IX 1918».

№ 30. От исполняющего должность уполномоченного британского правительства в Сибири
г. Владивосток
19 сентября 1918 г.

ЧЕРЕЗ ХАРБИН АВКСЕНТЬЕВУ[,] УФА.
ИСПОЛНЯЮЩИЙ ДОЛЖНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ВЕЛИКОБРИТАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СИБИРИ ПОЛУЧИЛ СООБЩЕНИЕ ИЗ ЛОНДОНА ОБ ОБРАЩЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕЩАНИЯ К СОЮЗНЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВАМ И СПЕШИТ ВЫРАЗИТЬ СОВЕЩАНИЮ СВОИ СЕРДЕЧНЫЕ ПРИВЕТСТВИЯ И НАДЕЖДЫ, ЧТО ТРУДЫ СОВЕЩАНИЯ ПРИВЕДУТ К СКОРОМУ ОСНОВАНИЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА, КОТОРОЕ ВОЗВРАТИТ РОССИИ ЕДИНЕНИЕ И СИЛЫ.
БРИТАНСКАЯ НАЦИЯ С ЧУВСТВОМ ИСКРЕННЕЙ И ГЛУБОКОЙ ДРУЖБЫ СМОТРИТ НА ВЕРНОГО СОЮЗНИКА, ТОЛЬКО БЛАГОДАря ИНТРИГАМ ВРАГА И НИЗКОМУ ПРЕДАТЕЛЬСТВУ ЧАСТИ СВОЕГО НАРОДА ВРЕМЕННО СОШЕДШЕГО С ПОЛЯ БИТВЫ, ГДЕ ВЕДЕТСЯ БОРЬБА ЗА СВОБОДУ ВСЕГО МИРА. БРИТАНСКИЙ НАРОД С ОБЛЕГЧЕНИЕМ ВИДИТ, ЧТО РОССИЯ, НЕ ОБМАНУВШАЯ ДОВЕРИЕ, КОТОРОЕ СОЮЗНИКИ ВОЗЛАГАЛИ НА НЕЕ, ТЕПЕРЬ СНОВА

ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА ПОЛЕ БИТВЫ, И ОН РАДОСТНО ПРОТЯГИВАЕТ ЕЙ РУКУ ПОМОЩИ. ДА ПОЛОЖИТ СОВЕЩАНИЕ В УФЕ ОСНОВАНИЕ НОВОЙ РОССИИ, СВОБОДНОЙ И СИЛЬНОЙ, ПОДДЕРЖИВАЕМОЙ ЕДИНОДУШНОЙ ПРЕДАННОСТЬЮ ЕЕ СЫНОВ.

[БЕЙЛБИ] ОЛЬСТОН

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 48–49. Телеграфные бланки, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «1735» с датой и временем отправления «19/9», «16 ч. 27 м.». Круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «22/IX 1918».

№ 31. От VI Самарского губернского крестьянского съезда
г. Самара
20 сентября 1918 г.

УФА[,] ГОСУДАРСТВЕННОМУ СОВЕЩАНИЮ.

ШЕСТОЙ ГУБЕРНСКИЙ САМАРСКИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ СЪЕЗД ШЛЕТ ПРИВЕТ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СОВЕЩАНИЮ[,] СЪЕЗД НАДЕЕТСЯ[,] ЧТО СОВЕЩАНИЕ ВЫДЕЛИТ ВСЕРОССИЙСКУЮ ВЛАСТ[Ь] ОТВЕТСТВЕННУЮ ПЕРЕД УЧРЕДИТЕЛЬНЫМ СОБРАНИЕМ[,] СЪЕЗД ПОЛАГАЕТ[,] ЧТО ЭТО ПРАВИТЕЛЬСТВО ДОЛЖНО ДРУЖНЫМИ УСИЛИЯМИ РУССКОГО НАРОДА ПРИ СОДЕЙСТВИИ СОЮЗНИКОВ И ДОБЛЕСТНЫХ ЧЕХОСЛОВАК ВОЗРОДИТ[Ь] ЕДИНУЮ НЕЗАВИСИМУЮ СВОБОДНУЮ РОССИЮ В [лакуна] ПРАВИТЕЛЬСТВО ДОЛЖНО УСТАНОВИТЬ В РОССИИ ФЕДЕРАТИВНУЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ РЕСПУБЛИКУ С СОХРАНЕНИЕМ ПРЯМОГО РАВНОГО ТАЙНОГО ВСЕОБЩЕГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА И ВСЕХ ЗАВОЕВАНИЙ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ[,] В ВОПРОСЕ О ЗЕМЛЕ СЪЕЗД СЧИТАЕТ НЕВОЗМОЖНЫМ ИЗМЕНИТЬ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ[,] ПРИНЯТЫХ УЧРЕДИТЕЛЬНЫМ СОБРАНИЕМ В СВОЕМ ЗАСЕДАНИИ ПЯТОГО ЯНВАРЯ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ВОСЕМНАДЦАТОГО ГОДА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЪЕЗДА СЕРГЕЙ БУНТАР

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 39. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «3589» с датой и временем отправления «20/9», «9 ч. 35 м.». Круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «17/IX». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «144» с рукописной датой «20/IX 1918».

№ 32. От французского генерального консула в Омске
г. Иркутск
21 сентября 1918 г.

Господину [Н.Д.] Авксентьеву, Председателю Государственного Совещания, Уфа.

Г. Пишон, Министр Иностранных Дел Французской Республики[,] поручил мне передать Вам следующую телеграмму: [«]Французское правительство с удовольствием принимает декларацию Государственного Совещания, собравшегося в Уфе, и просит передать всем его членам, без различия партий, уверение, что Французское Правительство готово оказать России полную поддержку для водворения порядка и изгнания, с помощью самих русских, германцев, которые захватили значительную часть страны. Франция обращается с горячим призывом к согласию и единению всех русских для возрождения государства, установления Правительства и победы над общим врагом. Пишон.[»]

[Гастон] Буржуа

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 42об. Машинопись, отпуск.

№ 33. От Войскового круга Оренбургского казачьего войска
г. Оренбург
21 сентября 1918 г.

УФА[,] ЧЛЕНАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ.

КРУГ БЛАГОДАРИТ ЗА ПРИВЕТСТВИЕ И ПОЖЕЛАНИЯ[,] ТВЕРДО НАДЕЕТСЯ[,] ЧТО МУДРЫМ РЕШЕНИЕМ ВАШИМ БУДЕТ УСТАНОВЛЕНА ТА ВЛАСТ[Ь] В ОЖИДАНИИ КОТОРОЙ ИССТРАДАЛАСЬ РОССИЯ И РУССКИЙ НАРОД.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КРУГА [М.А.] АРЗАМАСЦЕВ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 55. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «3716» с датой и временем отправления «21», «11 ч.». Штемпель: «В УФЕ», круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «22/IX 1918 г.». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «144».

№ 34. От Ишимского уездного союза увечных воинов
г. Ишим
24 сентября 1918 г.

ИШИМСКИЙ УЕЗДНЫЙ СЪЕЗД УВЕЧНЫХ ВОИНОВ ПРИВЕТСТВУЕТ УФИМСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ ОТ СВОЕГО ИМЕНИ С ПОЖЕЛАНИЕМ СКОРЕЙШЕГО РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О СОЗДАНИИ ВСЕРОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ДЛЯ ВОДВОРЕНИЯ ПОРЯДКА И СПРАВЕДЛИВОСТИ МЕЖДУ ВРАЖДУЮЩИМИ НАРОДАМИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА[.] МЫ ВЕРИМ[.] ЧТО ДАННОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ НАЙДЕТ ОБЩИЙ ЯЗЫК И СОЗДАСТ ДЛЯ НАРОДА ПРАВИЛЬНУЮ ВЛАСТ[Ь,] КОТОРАЯ ДОВЕДЕТ ДО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ И ПОДНИМЕТ ЗНАМЯ БОРЬБЫ [И] НА ЭТОТ РАЗ НЕ ВЫПУСТИТ ЕГО ДО ТЕХ ПОР[.] ПОКА НЕ ОСВОБОДИТ НАС И ВСЕХ ДРУГИХ СЛАВЯН ОТ ЯРМА ГИНДЕНБУРГСКОЙ ДИНАСТИИ³ [.]

ИШИМСКИЙ УЕЗДНЫЙ СЪЕЗД ВОИНОВ БУДЕТ ВСЕМЕРНО ПОДДЕРЖИВАТЬ ТАКУЮ ВЛАСТЬ[.] НАДЕЯСЬ[.] ЧТО ПРИ ВВЕДЕНИИ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА[.] УВЕЧНЫЕ[.] КАК ПРОЛИВ[ШИЕ] КРОВ[Ь] НА ПОЛЕ БРАНИ[.] БУДУТ ОБЕСПЕЧЕНЫ. ИС[ХОДЯЩИЙ] Н[ОМЕ]Р 1657[.]
ПРЕДСЕДАТЕЛ[Ь] ПАРЫГИН[.]
ТОВАРИЩ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КУТЫРЕВ[.]
СЕКРЕТАР[Ь] ШТАКОВ

ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 8. Л. 55. Телеграфный бланк, телеграфная лента. На ленте телеграфный номер «802» с датой и временем отправления «24», «19 ч. 10 м.». Круглый почтовый штемпель «УФА». Рукописная дата получения «19/IX 1918 г.». Рукописный входящий номер Канцелярии Государственного совещания «154» с рукописной датой «24/IX 1918».

Список литературы

1. Гришакова Л. В. Письма советских граждан В. И. Ленину (1917–1920) как исторический источник // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (12). С. 107–111.
2. Журавлев В. В. Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения на востоке России: Опыт анализа приветственных посланий А. В. Колчаку // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Вып. 2 : сб. науч. ст. Новосибирск : Параллель, 2013. С. 108–127.
3. Журавлев В. В. Политическая адаптация в гражданской войне: опыт сравнительного анализа приветственных посланий населения Сибири председателю Совнаркома В. И. Ульянову-Ленину и Верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века : сб. науч. ст. Новосибирск : Параллель, 2015. С. 121–144.
4. Познанский В. С. Сибиряки – В. И. Ленину // История СССР. 1965. № 2. С. 96–107.
5. Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А. В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 гг. / сост. и науч. ред. В. В. Журавлев. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 560 с.

Welcoming messages to the State meeting in Ufa in September 1918: to the history of political communication in the conditions of the Civil War

V. V. Zhuravlev

PhD of historical sciences, researcher, Institute of History RAS,
Novosibirsk National Research State University, Russia, Novosibirsk. E-mail: vvzh@mail.ru

Abstract. Complimentary addresses sent both by the population and by various external political agents to government authorities represent an important source for reconstruction of political discourse, practice of dialogue between power and society, political pressure, and lobbying. During the civil war in the Russian East,

³ Генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург в это время являлся начальником Генерального штаба германской армии.

the Ufa Government Meeting was of particular significance, where the first all-Russian anti-Bolshevik government was formed – Russian Provisional Government chaired by N.D. Avksentiev. This publication introduces the full texts of all 34 complimentary addresses submitted to this forum and kept in the files of the Government Meeting's clerical office.

Keywords: Civil war, Russian East, anti-Bolshevik movement, intervention, All-Russian Constituent Assembly, Directory, political practices, ideology, political communication, legitimacy.

References

1. Grishakova L. V. *Pis'ma sovetskikh grazhdan V. I. Leninu (1917-1920) kak istoricheskij istochnik* [Letters of Soviet citizens to V. I. Lenin (1917-1920) as a historical source] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of the Orenburg State Pedagogical University. 2014, № 4 (12), pp. 107-111.

2. Zhuravlev V. V. *Vozhdizm v ideologicheskoy praktike kontrrevolyucionnogo dvizheniya na vostoke Rossii: Opyt analiza privetstvennykh poslanij A. V. Kolchaku* [Chieftaincy in the ideological practice of the counter-revolutionary movement in the East of Russia: the experience of the analysis of the greetings to Kolchak] // *Politicheskie sistemy i rezhimy na vostoke Rossii v period revolyucii i grazhdanskoj vojny. Vyp. 2 : sb. nauch. st.* – Political systems and regimes in the East of Russia in the period of the Revolution and Civil war. Vol. 2: coll. of scient. articles. Novosibirsk. Parallel. 2013. Pp. 108-127.

3. Zhuravlev V. V. *Politicheskaya adaptaciya v grazhdanskoj vojne: opyt sravnitel'nogo analiza privetstvennykh poslanij naseleniya Sibiri predsedatelyu Sovnarkoma V. I. Ul'yanovu-Leninu i Verhovnomu pravitelyu admiralu A. V. Kolchaku* [Political adaptation in civil war: experience of comparative analysis of welcome messages of the population of Siberia to the Chairman of the Council of people's Commissars V. I. Ulyanov-Lenin and the Supreme ruler of the Admiral V. Kolchak] // *Politicheskaya adaptaciya naseleniya Sibiri v pervoj treti XX veka : sb. nauch. st.* – Political adaptation of the population of Siberia in the first third of the XX century. Novosibirsk. Parallel. 2015. Pp. 121-144.

4. Poznanskij V. S. *Sibiryaki – V. I. Leninu* – [Siberians – to V. I. Lenin] // *Istoriya SSSR* – History of the Soviet Union. 1965, No. 2, pp. 96-107.

5. *Privetstvennyye poslaniya Verhovnomu Pravitelyu i Verhovnomu glavnokomanduyushchemu admiralu A. V. Kolchaku. Noyabr' 1918 – noyabr' 1919 gg.* – Greetings to the Supreme Ruler and commander-in-chief Admiral Kolchak. November 1918-November 1919 / comp. and scient. ed. V. V. Zhuravlev. SPb. Publishing house of Europe University in St. Petersburg. 2012. 560 p.

УДК 947(470.342)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.020

Секретные сотрудники Охранного отделения в составе организаций социалистов-революционеров Вятской губернии в начале XX в.

А. С. Масютин

соискатель ученой степени, учитель истории и обществознания, МБОУ «Лингвистическая гимназия».
Россия, г. Киров. E-mail: maskvabad2020@mail.ru

Аннотация. В начале XXI в., как и в начале XX в., остается насущной проблема терроризма – и соответственно борьбы органов правопорядка с террористическими организациями, а также агентурная работа среди оппозиционно настроенных лиц, содействующих словом и делом террористам. В свете этого было бы весьма любопытно рассмотреть работу служб безопасности столетней давности. Целью настоящей статьи будет показ направлений работы местных вятских правоохранителей в борьбе с наиболее «боевой» из подпольных политических партий – социалистами-революционерами – на конкретных успешных примерах. Предметом статьи будут формы и методы деятельности сотрудников Охранного отделения, работающих в среде подпольщиков и помогающих как пресекать террористические акты, так приостанавливать и разваливать иные направления работы революционеров. Результатом этой успешной работы секретных сотрудников в 1907–1913 гг. стало почти полное «окопение» деятельности организаций социалистов-революционеров в Вятской губернии, а также профанация революционной борьбы в рабочей и интеллигентской среде. Вдумчивый читатель может извлечь уроки из опыта борьбы тайной политической полиции Российской империи с революционным подпольем, проанализировать причины успехов жандармов в борьбе с революционерами, а также факторы, которые в некоторых случаях вели к жандармским просчетам. Областью применения результатов данной статьи могут стать более широкие обобщения, охватывающие борьбу Охранных отделений с революционными партиями и группами в пределах Уральского региона, а также и всей империи. Результаты данной статьи можно также экстраполировать и на более поздние периоды борьбы советских и российских спецслужб с организациями инакомыслящих вплоть до дней нынешних.

Ключевые слова: Партия социалистов-революционеров, эсеры, Охранное отделение, секретные сотрудники, Вятская губерния.

В борьбе с революционным движением начала XX в. Отделение по охранению общественной безопасности и порядка (далее «охранка», жандармы. – А. М.) использовало различные формы работы. Одним из наиболее действенных приемов не столько ликвидации последствий выпадов радикалов в адрес правительства, сколько предупреждений подобных выпадов было насыщение подпольных организаций секретными сотрудниками. Агентурный метод был четко отработан в борьбе с народовольческим движением 1880-х гг. и принес неплохие результаты. 20 лет спустя, в 1900-е гг., этот метод по-прежнему являлся одним из ведущих методов по выкорчевыванию «крамолы». В наибольшей степени важна была работа секретных сотрудников в среде социалистов-революционеров (далее эсеров. – А. М.) как силы, представлявшей определенную угрозу существовавшему строю.

До центрального печатного органа эсеров – газеты «Знамя труда», издававшейся в Швейцарии, – время от времени доходили вятские вести, денежные отчеты Вятского губернского комитета партии социалистов-революционеров (далее ПСР. – А. М.). Деграция реакционного периода после поражения революции 1905–1907 гг. наиболее наглядно выразилась в уменьшении сумм, находившихся на руках революционеров. Бюджет Вятского комитета ПСР за май 1907 г. составил: приход – 364,12 руб., расход – 320,08 руб. [18, с. 16], за август 1907 г. приход комитета составил лишь 136 руб. [19, с. 16], за апрель 1909 г. приход комитета составил 35,45 руб. [21, с. 20], за декабрь 1909 г. приход комитета составил 24,31 руб. [22, с. 28]. Последний из известных кассовых отчетов Вятского губернского комитета ПСР датирован февралем 1910 г. Сумма прихода составила 22,85 руб. [16, л. 55].

Эти небольшие суммы, которыми располагал Вятский комитет эсеров, в основном составлялись из отчислений интеллигентных работников и учащихся. Бюджет вятских жандармов, за которыми стояла финансовая мощь Российской империи, был совершенно несопо-

ставим с бюджетом подпольщиков. Например, на октябрь 1908 г. на расходы Вятского губернского жандармского управления (далее ВГЖУ. – А. М.) Департамент полиции ассигновал 1044,11 руб., из которых 522 руб. должно было идти на вознаграждение секретных сотрудников [8, л. 21].

При помощи осведомителей вятские жандармы одним только летом 1907 г. провели ряд успешных мероприятий, обескровивших ряды местных организаций эсеров.

Еще в феврале 1907 г. в ВГЖУ из столицы поступили сведения о представителе вятских эсеров «Дяде Володе», выезжавшем на II съезд ПСР в Таммерфорс, Финляндия, 12–15 февраля 1907 г. Внешнее описание «Дяди Володи» вкуче с данными агентов позволило быстро опознать в «Дяде Володе» В. Н. Макушина – главу Вятского комитета ПСР [15, лл. 17–18]. Арестовать В. Н. Макушина получилось 12 июня 1907 г. – Макушин был схвачен в Вятке на Спенчинской улице при выходе из квартиры Е. И. Дерендяевой (матери братьев-эсеров: А. И., Н. И., М. И. Дерендяевых) [7, лл. 5, 24].

С подачи агентов в Вятке были предотвращены две попытки покушений Летучего боевого отряда ПСР Уральской области на губернатора князя С. Д. Горчакова. 14 июля 1907 г. полиция и жандармы Вятки произвели задержание бывшей учительницы В. Н. Скорняковой, разыскиваемой с марта 1907 г. за пропаганду на Ижевском заводе. Вместе со Скорняковой был задержан ижевский рабочий Ф. А. Евдокимов. При обыске у Евдокимова были изъяты браунинг и накладные пасмы волос для грима. Но главное – в вещах Скорняковой были найдены химические вещества, что указывало на попытку соорудить бомбу [2, лл. 33–33 об., 57 об.-58].

6 августа 1907 г. вятскому полицеймейстеру М. А. Вернееву стало известно, что в доме Пенкиной по Гласисной улице укрываются эсеры-террористы. Расторопно была собрана команда из 54 полицейских и стражников, и в 2 часа ночи на 7 августа под непосредственным руководством Вернеева дом Пенкиной был оцеплен. Находившимся в доме лицам было предложено открыть двери, те в ответ открыли стрельбу. В перестрелке были ранены чиновник особых поручений Ширяев и городской Симушин (смертельно). Бомба, брошенная осажденными в полицейский наряд, не разорвалась. Вслед за тем команда Вернеева начала залповый огонь по дому, после чего осажденные сдались. Задержанных оказалось шестеро, однако одному из них удалось, пользуясь мглой, бежать со двора, это был В. В. Маевский. [4, лл. 5–5 об.]. В комнатах нашлись несколько браунингов, маузер, боеприпасы, металлические оболочки для бомб, химические реактивы – все определенно указывало на верность предположений о подготовке к ликвидации губернатора [11, с. 47].

18 августа 1907 г. по сведениям секретных сотрудников о подпольной эсеровской типографии был предпринят обыск в доме Роготневой в Сарапуле. Полицейские задержали Ф. Т. Мотошкова и И. Ф. Машковцева, еще в мае 1907 г. высланных губернатором из Вятской губернии. Мотошков и Машковцев были застигнуты прямо за печатным станком при издании № 13 эсеровской газеты «Девятый вал». Печатня была отменно снабжена всеми принадлежностями – одного шрифта полиция изъяла более трех пудов. Помимо газеты обнаружены были в большом количестве и другие издания сарапульских эсеров [6, лл. 7–8, 20 об.].

В ночь на 14 мая 1909 г. в Ижевске прошли широкие аресты лиц, причастных к сообществу социалистов-революционеров. Эта ликвидация объяснялась желанием непременно захватить В. И. Бузанова, бывшего рабочего Ижевского завода, являвшегося разъездным агентом ЦК ПСР и задавшегося целью любой ценой поставить вновь типографию, ибо к весне 1909 г. в пределах Уральской области (Вятская, Пермская и Уфимская губернии) у эсеров не оставалось ни одной действующей типографии [17, лл. 25, 37]. Среди прочих лиц 14 мая 1909 г. в Ижевске был арестован и письмоводитель на частной оружейной фабрике Евдокимова А. М. Русинов, 20 лет. 15 августа 1909 г. Русинов был освобожден из Сарапульской уездной тюрьмы [3, л. 81]. С сентября 1909 г. Русинов состоял на жалованье у ВГЖУ под кличкой «Рублев». «Рублев» был исключительно ценным сотрудником. Исправно достал он «охранке» сведения не только по Ижевской организации эсеров, но и отчасти по Воткинской, Сарапульской, Вятской, а также при случае и по организациям местных социал-демократов. Благодаря «Рублеву» любое мало-мальски дельное начинание ижевских эсеров, выходившее за рамки праздной болтовни, тотчас терпело провал. Схема жандармов была отработана четко: краткосрочный арест группы «заговорщиков», высылка за пределы губернии одного-двух «коноводов», оставление прочих «на развод» до следующего ареста. С годами подобное заведение порождало среди самих эсеров неверие в возможность создания крепкой организации, а среди рабочей массы – разочарование в немощных «политиках», которых и полиция не считает за

опасных врагов государственного строя. Относится данное наблюдение в полной мере и к прочим эсеровским кружкам Вятской губернии, точно так же начиненных жандармскими агентами.

«Рублев» сносился лишь с заместителем начальника ВГЖУ в Сарапульском, Елабужском и Малмыжском уездах, не был известен местной полиции, отчего держался на плаву вплоть до 1917 г. Более того, «Рублев» даже краткосрочно арестовывался при ликвидации попытки возродить деятельность Ижевского комитета эсеров, что никак не выделяло его из среды товарищей. Стоили услуги агента «Рублева» недорого. 30 руб. – в 1909 г., 30 руб. – в январе 1912 г., 30 руб. – в январе 1917 г. Вероятно, неизменная цифра оплаты 30 должна была определенно указывать на небезызвестные 30 сребреников [11, л. 29 об.; 13, л. 7; 14, л. 12 об.].

4 октября 1909 г. Комиссия ижевской организации ПСР вынесла на своем заседании следующее безнадежное решение: «Ввиду неполучения никаких указаний от Уральского областного комитета, неприбытия до сего времени члена областного комитета для устройства дел, полного отсутствия материальных средств и выхода многих членов из партии ликвидировать дела организации». Указаний от Уральского областного комитета, однако, ждать не приходилось, ибо в том же октябре 1909 г. он был распущен «до лучших времен».

«Рублев», пользовавшийся несомненным доверием однопартийцев, взял на себя трудоемкую задачу уничтожения части вещей бывшей боевой группы при бывшем Ижевском комитете эсеров. «Рублев» 28 ноября 1909 г. доставил жандармскому ротмистру А. И. Будагоскому девять комплектов полицейской формы. Оружие же, остававшееся от боевого отряда ижевских эсеров, было отчасти продано эсерами через третьи руки, отчасти уничтожено [17, лл. 56, 62–63].

Услуги секретных сотрудников как ВГЖУ, так и агентов полиции давали точные и своевременные сведения по революционным кругам, позволяя «держаться под колпаком» не только эсеровское и социал-демократическое подполье, но и находившиеся в упадке после 1905 г. профессиональные организации, также связанные с оппозиционными партиями. Насыщение революционных организаций агентами позволило избежать полиции и жандармам досадных ошибок, вызванных недостатком сведений о «специализации» революционеров. Венцом этих просчетов, по собственной оценке «охранки», был арест в Воткинске 28 декабря 1906 г. В. В. Маевского. Маевского, жившего под своим именем, задержали как эсеровского пропагандиста и, продержав несколько месяцев в тюрьме Сарапула, переправили в тюрьму Орлова, далее определив Маевского к высылке на поселение в Сибирь. 4 июня 1907 г. Маевский бежал с сибирского этапа [15, л. 35]. А несколько месяцев спустя выяснилось, что Маевский матерый «бомбист», принимавший участие в покушениях на чинов полиции и вятского губернатора [5, лл. 2, 9].

Ранее августа 1906 г. не выявлено ни одного постоянного осведомителя по вятским организациям ПСР. Обнаруживаются лишь отдельные агенты-«штучники», время от времени доставлявшие не самые ценные сведения о делах эсеров. Так, в 1906 г. жандармы и полиция оплатили подачу данных 11 такими «штучниками» из среды служащих, учащихся и рабочих города Вятки [9, лл. 39–41]. Но все это были лица, не входившие непосредственно в состав эсеровской организации, оттого и сведения их не представляли большой важности и были сообщениями задним числом о тех или иных событиях. Весьма ценным приобретением стал агент «Сотников» в Вятке, завербованный в августе 1906 г. и в ноябре 1907 г. проходивший в ведомостях жандармов как «глава местной организации социалистов-революционеров». «Сотников» действительно был крупной местной величиной, ибо его работа оплачивалась сопоставимо с другими жандармскими сотрудниками весьма высоко: 45 руб. в месяц в 1907 г. и 55 руб. в месяц в 1908 г. Всего на ноябрь 1907 г. ВГЖУ располагало четырьмя сотрудниками в стане эсеров: «Сотников» – Вятка, «Кузнецов» – Ижевск, «Оса» – Сарапул, «Орлов» – ученическая организация эсеров в Вятке. По социал-демократам работали три человека, и один наблюдал настроения в железнодорожном союзе. Никто из прочих агентов, помимо «Сотникова», не получал жалования свыше 20 руб. в месяц [15, л. 103]. Псевдонимы четырех указанных секретных сотрудников до сих пор остаются нераскрытыми.

В конце 1907 г. в осведомители по партии эсеров был завербован старшеклассник реального училища в Вятке А. М. Кошкарев, получивший агентурную кличку «Викторов». В 1908 г. Кошкарев поступил в Московский коммерческий институт и попал в ведение московских жандармов. Кошкарев одновременно доставлял до 1910 г. данные и по деятельности вятской организации эсеров, выполняя партийные поручения, связывавшие Москву с Вяткой [12, лл. 67–67 об.]. К началу 1917 г. Кошкарев был самым высокооплачиваемым сотрудником

московского Охранного отделения с жалованием 400 руб. в месяц. Он занимал должность секретаря Московского областного военно-промышленного комитета, считаясь негласным связным между различными профсоюзами и либеральной профессурой, а также посредником в сношениях профсоюзов с центральными комитетами революционных партий [24, с. 67].

Всеобъемлющее насыщение революционных организаций, в первую очередь эсеровских, соглядатаями последовало по рассылке на места циркуляра Департамента полиции «Об усилении агентурного освещения партии социалистов-революционеров» от 21 июля 1908 г., где, в частности, говорилось: «Учреждения и лица, ведающие агентурой, обязаны теперь же употребить все усилия к приобретению новых сотрудников в той же среде местных организаций названной партии, которая выделяется своим крайним направлением» [23, с. 298–299]. Во исполнение предписания начальства жандармами Вятской губернии к октябрю 1908 г. было зачислено 44 агента. Из них лишь у восьми указывалась принадлежность к партийным организациям, пять эсеров: «Сотников», «Орлов», «Яранцев» – Вятка, «Зверева» и «Хутор» – Сарапульский уезд, три агента входили в группы социал-демократов. О партийности прочих сотрудников начальник ВГЖУ полковник Н. С. Милюков обещал сообщить дополнительно. Судя по скудости жалования большинства новоприобретенных сотрудников (6–8 руб. в месяц), каких-либо ощутимых услуг от них и не предполагалось [8, лл. 2–3; 9, лл. 8–8 об.].

Довольно быстро жандармы отсеяли зерна от плевел, оставив на содержании лишь действительно необходимых агентов. К январю 1912 г. в распоряжении начальника ВГЖУ обрелись три сотрудника по организации эсеров: «Яранцев», «Техник», «Земец», – все они проходили по городу Вятке. В распоряжении помощника начальника ВГЖУ по Сарапульскому, Елабужскому и Малмыжскому уездам находилось три «эсера»: «Рублев» – Ижевск, «Степанов» – Воткинск, «Григоренко» – Елабуга и Малмыж. В том же 1912 г. были завербованы еще три сотрудника по эсерам: «Конторский» – Орлов, «Икс» – Вятка, «Путевой» – Вятка [10, лл. 5, 41].

В первый год империалистической войны организацию эсеров освещали шесть сотрудников ВГЖУ: «Кузнецов», «Рублев» и «Писемский» – Ижевск, «Степанов» и «Вотский» – Воткинск, «Григоренко» – Елабуга. В Вятке единственный жандармский агент по эсерам «Икс» был мобилизован в армию в июле 1914 г. [11, лл. 29 об., 124 об.].

Ценные сведения по деятельности ижевских эсеров доставлял и числившийся по организации социал-демократов агент «Иванов». Более того, «Иванов» исполнял и весьма щепетильные поручения жандармов, наподобие помощи в вылавливании последнего скрывшегося от полицейских облав из числа «лесных братьев» Урала эсера М. К. Лопаткина в Ижевском заводе (1912 г.) [12, л. 87 об.].

Всего же, по данным архивов, в период с 1906 г. по февраль 1917 г. выявлено 25 секретных сотрудников, числившихся в ВГЖУ по работе в местных организациях эсеров. При этом, если отдельные из них поставляли данные и долго, и плодотворно, то иные, как отмеченные в 1909 г. агенты «Вольный», «Кучер», «Никольский» – Вятка, «Вострецов» – Ижевск, «Гущин» – Елабуга, работали на «охранку» не более года. Большая часть агентов остается анонимами: к настоящему времени известны подлинные имена лишь 10 сотрудников.

Как справедливо пишет Ю. А. Балыбердин, «секретные сотрудники, внедренные в революционные организации, информировали руководство обо всех готовящихся политических и террористических акциях и предотвращали их осуществление, что стало одной из причин слабости революционного движения в Вятской губернии» [1, с. 40].

Список литературы

1. Балыбердин Ю. А. Использование секретных сотрудников в борьбе с революционным движением в Вятской губернии в начале XX века // Из истории вятских спецслужб и полиции (вторая половина XIX – первая половина XX вв.): материалы докл. и док. науч.-практ. конф., Киров, 25 мая 1996 г. / отв. ред. В. Е. Мусихин. Киров : Триада-С, 1997. С. 35–41.
2. Государственный архив Кировской области (далее ГАКО). Ф. 33. Оп. 2. Д. 1280.
3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 183. Д. 37.
4. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 567.
5. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 613.
6. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 623.
7. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 694.
8. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 993.
9. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 998.
10. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1347.

11. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1487.
12. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1564.
13. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1709.
14. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1753.
15. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 102. ДП ОО. 1907. Оп. 237. Д. 9. Ч. 12.
16. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1909. Оп. 239. Д. 9. Ч. 12.
17. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1909. Оп. 239. Д. 9. Ч. 12. Лит. А.
18. Знамя труда. 1907. 30 авг. (№ 4).
19. Знамя труда. 1907. 27 окт. (№ 7).
20. Знамя труда. 1910. Янв. (№ 25).
21. Знамя труда. 1910. Февр. (№ 26).
22. Мусихин В. Е. Вятский губернатор Сергей Дмитриевич Горчаков // Из истории Вятского края: К пятилетию кафедры краеведения ВГПУ : сб. науч. ст. / науч. ред. В. С. Данюшенков. Киров : Изд-во Вят. ГПУ, 1997. С. 37–52.
23. Циркуляр Департамента Полиции начальникам Районных Охранных Отделений, Охранных Отделений и Губернских Жандармских Управлений об усилении агентурного освещения партии социалистов-революционеров // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 255. Лл. 99–100. Опубл.: Политическая полиция и политический терроризм в России : (Вторая половина XIX – нач. XX вв.) : сб. док. / отв. ред. Е. И. Щербатова. М. : АИРО-XX, 2001. С. 298–300.
24. Членов С. Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. По данным Комиссии по обеспечению нового строя. М. : Отдел печати Московского совета Р[абочих] и К[рестьянских] Д[епутатов], 1919. 92 с.

Secret employees of the Security Department as part of the socialist revolutionary organizations in Vyatka province in the early twentieth century

A. S. Masyutin

degree applicant, teacher of history and social science, MBEE «Linguistic gymnasium». Russia, Kirov.
E-mail: maskvabad2020@mail.ru

Abstract. At the beginning of the XXI century and in the beginning of XX century remains a pressing problem of terrorism, respectively, the struggle of law enforcement against terrorist organizations and undercover work among the opposition-minded persons assisting by word and deed the terrorists. In light of this, it would be interesting to consider the work of the security services a century ago. The purpose of this article is to show the directions of Vyatka's local law enforcement in the fight against the most «military» of the underground political parties – the socialist-revolutionaries on concrete success stories. The subject of the article would be the forms and methods of activity of staffers of the Security Department, what was worked in the environment of underground and help how to prevent terrorist acts, and to slow down and ruin other areas of work of the revolutionaries. The result of this successful work of classified staffers in 1907–1913 was almost a full «rigor» of the activities of the organizations of socialist revolutionaries in Vyatka province, and also a profanation of the revolutionary struggle in the working and intellectual circles. The profound reader can learn from the experience of the struggle of the secret political police of the Russian Empire with the revolutionary underground, to analyze the reasons of success of gendarmes in their fight against the revolutionaries, and those factors which in some cases led to miscalculations of the gendarmerie. The scope of the results of this article can become more broad generalizations, covering the struggle of the Security Department with the revolutionary parties and groups within the Ural region, but also throughout the Empire. The results of this article can also be extrapolated to later periods of the struggle of the Soviet and Russian special services with dissident organizations up to the present days.

Keywords: the Socialist Revolutionary Party, the SRs, the Security Department, undercover staffers, Vyatka province.

References

1. Balyberdin YU. A. *Ispol'zovanie sekretnykh sotrudnikov v bor'be s revolyucionnym dvizheniem v Vyatskoj gubernii v nachale XX veka* [The use of secret agents in the fight against the revolutionary movement in the Vyatka province in the early XX century] // *Iz istorii vyatskikh specsluzhb i policii (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX vv.): materialy dokl. i dok. nauch.-prakt. konf., Kirov, 25 maya 1996 g.* – From the history of the Vyatka secret services and the police (second half of XIX – first half XX centuries): proceedings of the proc. and doc. of scientific- pract. conf., Kirov, 25 May 1996 / resp. ed. V. E. Musikhin. Kirov. Triada-S. 1997. Pp. 35–41.

2. Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti – The State archive of the Kirov region (further GAKO). F. 33. Inv. 2. File 1280.
3. GAKO. F. 582. Inv. 183. File 37.
4. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 567.
5. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 613.
6. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 623.
7. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 694.
8. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 993.
9. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 998.
10. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 1347.
11. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 1487.
12. GAKO. F. 714. Inv. 1. File 1564.
13. GAKO. F. 714. Op. 1. File 1709.
14. GAKO. F. 714. Op. 1. File 1753.
15. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii – State archive of the Russian Federation (hereinafter GARF). F. 102. DP OO. 1907. Inv. 237. File 9. Part 12.
16. GARF. F. 102. DP OO. 1909. Inv. 239. File 9. Part 12.
17. GARF. F. 102. DP OO. 1909. Inv. 239. File 9. Part 12. Lit. A.
18. *Znamya truda* – Banner of labor. 1907. 30 Aug. (No. 4).
19. *Znamya truda* – Banner of labor. 1907. 27 Oct. (No. 7).
20. *Znamya truda* – Banner of labor. 1910. Jan. (No. 25).
21. *Znamya truda* – Banner of labor. 1910. Feb. (No. 26).
22. Musihin V. E. *Vyatskij gubernator Sergej Dmitrievich Gorchakov* [Vyatka Governor Sergey Dmitrievich Gorchakov] // *Iz istorii Vyatskogo kraja: K pyatiletyu kafedry kraevedeniya VGPU : sb. nauch. st.* – From the history of the Vyatka region: the fifth anniversary of the Department of local history of VSPU: coll. of scient. articles / scientific ed. V. S. Denysenko. Kirov. Publishing house of VyatSPU. 1997. Pp. 37–52.
23. *Cirkulyar Departamenta Policii nachal'nikam Rajonnyh Ohrannyh Otdelenij, Ohrannyh Otdelenij i Gubernskih ZHandarmskih Upravlenij ob usilenii agenturnogo osveshcheniya partii socialistov-revolucionerov* – Circular of the Police Department to the heads of District Security Departments, Security Departments and Provincial Gendarmerie Departments on strengthening the agent coverage of the party of socialist revolutionaries // GARF. F. 102. Inv. 260. File 255. Sh. 99–100. Publ.: *Politicheskaya policiya i politicheskij terrorism v Rossii: (Vtoraya polovina XIX – nach. XX vv.): sb. dok.* – Political police and political terrorism in Russia: (Second half of XIX – early XX centuries): coll. / resp. ed. E. I. Scherbakova. M. AIRO-XX. 2001. Pp. 298–300.
24. *Chlenov S. B. Moskovskaya ohranka i ee sekretnye sotrudniki. Po dannym Komissii po obespecheniyu novogo stroya* [Members of the Moscow guard and its secret employees. According to The Commission to ensure the new system]. M. Publishing department of the Moscow Soviet of L[abor] and P[asant] D[elegates]. 1919. 92 p.

Формирование образа советской женщины в 20–30-е гг. XX в. (по материалам публикаций журнала «Работница»)

Е. В. Болотова

аспирант кафедры культурологии и философии, Пермский государственный институт культуры.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-5506-7892. E-mail: pineapples.in.champagne@gmail.com

Аннотация. В статье используется гендерный подход к изучению нового «советского человека». Речь идет о властной модели советской женщины в отечественной журналистике 1920–1930-х гг. Основоположниками гендерного подхода являются Роберт Столлер и Симона де Бовуар. В современной российской действительности среди авторов, работавших в области гендерных исследований, особое место занимают труды Е. Р. Ярской-Смирновой и Н. Л. Пушкаревой. Концептуальные подходы данных авторов стали методологической основой исследования. Автор посвящает свою работу детальному рассмотрению гендерных аспектов идеологических образов, формировавшихся агитацией и пропагандой в 20–30-е гг. XX в. В частности, акцент сделан на генезисе и эволюции образа «настоящей советской женщины» в журнальных публикациях. Историческими источниками для исследования послужили статьи в подшивках журнала «Работница» за период с 1925 по 1935 г., одного из самых массовых периодических журналов того времени. В этом издании подробно рассматривались темы, связанные с жизнью женщин в послереволюционное время, когда складывались основные элементы сталинской авторитарной системы, когда вырабатывались культурные и стилистические особенности советского образа жизни. Интерпретация журнального дискурса показывает, что советская женщина – это прежде всего публичная женщина в хорошем смысле этого слова: делегатка, работница, посетительница собраний и библиотек, член партийной ячейки, т. е. активный социальный индивид, освобожденный от угнетения и предрассудков прошлого. Она трудится на благо людей, которые помогли ей почувствовать себя «человеком» и важной частью коллектива. Таким образом, власть, через журнальные публикации, стремилась сконструировать культурную норму, следование которой устанавливало новый гендерный порядок в рамках существующего политического режима.

Ключевые слова: советская история, гендер, властная модель, женщина-работница, агитационная литература.

Представленная статья посвящена генезису и развитию образа «советской женщины», реализованному в 20–30 гг. XX в. Именно в этот период наряду с такими понятиями, как «пятилетний план», «перестройка» и «рабочий класс», в дискурс власти входит еще одно, ранее не востребованное и обойденное вниманием, – «советская женщина». Уточним, что само слово было запущено в оборот в конце 20-х гг. Власть рассматривала «советскую женщину» как полезный ресурс, подлежащий утилизации в ходе социалистической реконструкции. Образ женщины стал рельефно прорабатываться в пропагандистских изданиях, из которых наиболее релевантным по отношению к целям нашего исследования является журнал «Работница», издаваемый ЦК ВКП(б).

В подшивках журнала «Работница» 20-х гг. XX вв. немало характерных для своего времени текстов и изображений, формировавших поэтизированный образ советской женщины. Однако начать бы хотелось именно с этих строк:

*На плечах из черной кожи куртка,
голова повязана платком...
Женщина решила не на шутку
старый быт перевернуть вверх дном.
И в семье, на фабрике все резче
пробивает новые пути:
Перед мужем в страхе не трепещет,
не несет попу свои грехи...
Не стоит в тоске без дум у печи,
не скорбит, как прежде, за станком.
Знает – нет того, что гнуло плечи
под хозяйским криком и кнутом... [26, с. 3]*

Незамысловатая прозрачность стихотворения отчетливо демонстрирует то, как именно в 20–30-х гг. XX в. в советской России конструировался образ новой советской женщины. Он строился как отрицание и преодоление темной, забитой, бесправной «кухонной рабыни». Их оппозиция непримирима – каждая женщина либо реализовывала шанс стать «советской» и «передовой», либо именовалась «отсталой», если не хотела изменений и продолжала жить, как прежде.

Черта, отделяющая «отсталых» от «передовых», была обозначена весьма конкретно: женщина, желающая изменить свою жизнь, должна была пойти работать на производство. Именно начало трудовой деятельности подразумевало переход от состояния угнетения к «освобождению». Однако, прежде чем анализировать пропагандистский образ «советской женщины», нам необходимо выяснить истоки его появления. Прежде всего, следует обратиться к тому, как образ работающей женщины трактовался в дореволюционной российской культуре.

Женщина и работа по найму в традиционной российской культуре

Обобщая выводы, сделанные в современной литературе по данному вопросу, можно утверждать следующее: в дореволюционной России традиционная роль женщины ограничивалась стенами ее собственного дома, где она была женой и матерью. Несколько иначе обстояло дело с обитательницами городов. «В широких слоях городского населения работающая женщина вплоть до 1917 г. продолжалась считаться явлением ненормальным... Несмотря на то что работающих по найму женщин в провинциальных городах в начале XX в. было довольно много, такой труд воспринимался как вынужденная крайность» [7, с. 43]. Если женщина работала, то, как правило, это подразумевало предельную бедность ее семьи – она выходила работать по найму, чтобы обеспечить себе кусок хлеба. Иногда домашней работницей (кухаркой, стряпухой, горничной) становилась супруга мужчины, который уже прислуживал в доме. Подобные семейные пары занимали невысокое положение в обществе, имели низкий уровень доходов, часто работая за кров и еду. Так или иначе, образ работающей женщины в городской среде приравнивался к образу несчастной женщины.

Однако были примеры, когда отдельные представительницы образованного класса сами стремились посвятить себя труду выбирая, например, профессию учителя. Подобный выбор тоже воспринимался как девиантное поведение. В общественном сознании учительница – это унылая старая дева, не способная реализовать себя «как положено» – в браке.

Так или иначе, вплоть до 1917 г. *работа* для женщины подразумевала лишь понижение статуса. Кроме того, в традиционной российской культуре бытовало убеждение, что «женщина, в одиночку вышедшая в общественное, публичное пространство и самостоятельно действующая в нем, – это публичная женщина, на которую может претендовать каждый» [7, с. 44]. Одним словом, дореволюционная эпоха наделяла образ трудящейся женщины негативными коннотациями. В послереволюционную эпоху, под влиянием дискурса власти, происходит трансформация женских образов в культуре. Попытаемся установить, почему и как это было сделано.

Образ работницы 20-х гг. XX в.

В начале очередного цикла индустриализации (во второй половине 1920-х гг.) одной из принципиальных государственных задач становится мобилизация всех трудовых ресурсов, в том числе – привлечение женщин в промышленность. Следствием этого стало качественное преобразование всего ценностно-нормативного порядка, кардинально изменившее роль женщины в обществе, ее поведение, повседневные практики и даже внешний облик. Главным маркером произошедших изменений стало утверждение женщины в публичном пространстве, позитивно оцениваемое общественным мнением. И прежде всего было необходимо переломить негативное отношение к работающей женщине, наделять её образ положительными характеристиками.

Советская агитационная литература избрала принцип контраста «До и после изменений», который был способен максимально просто и понятно донести до «малообразованного народа» необходимость перемен. Прежде всего, создавался обобщенный образ несчастной женщины дореволюционного периода, который бы нашел эмоциональный отклик в душе каждой, и, во-вторых, на смену ему был предложен новый, «усовершенствованный» вариант – «труженицы», «общественницы». В популярном журнале «Работница», одном из первых гендерных журналов советского времени, формировались канонические представления о советской женщине в культуре.

«Жила как скотина»: исходный образ женщины в советской печати

В подшивке журнала «Работница» за 1930 г. есть следующее характерное признание: *«Жилось мне плохо, всем я была чужая. Я даже не знала, для чего существует советская власть и как выполняется пятилетний план. Словом, жила, как скотина, не понимала, для чего и сама живу на свете»* [4, с. 12]. Автором этих слов была женщина, только что вступившая в партию и ставшая советской активисткой. Вполне вероятно, что текст подвергся значительной редакторской правке.

Это «скотское» состояние редакторы журнала объясняют целым комплексом бытовых, трудовых и социальных «отсталостей», не пускающих женщин к «светлому будущему». Попытаемся рассмотреть эти факторы социальной депривации.

Прежде всего, женщину угнетает безграмотность. Это постыдная характеристика для советской женщины, которой создали все условия для саморазвития и спасли от унижающей работы. Например, вот одна из тысячи подобных историй: *«Я родилась в деревне. С десяти лет ушла в город на заработки. Жила в прислугах. Учиться не могла. Так и жила слепой до 53-х лет»* [25, с. 16]. Если раньше такой путь был единственно возможным для простой девочки из бедной семьи, то в условиях советской власти не воспользоваться возможностью обучения приравнивается к тому, чтобы добровольно лишиться себя радостей новой жизни.

Редакция журнала постоянно напоминала в своих статьях, что необразованность преграждает женщинам путь в ряды квалифицированных рабочих и закрывает перед ним все двери дальнейшего профессионального роста. Вот один из ярких примеров, опубликованных на страницах журнала: *«Выдвинули одну работницу на более квалифицированную работу в ситцевый отдел тверской “Пролетарки”. Пришлось ей записывать выработку, а она неграмотная. Что делать? Опять в уборщицы идти?»* [19, с. 16].

Следующий угнетающий фактор для женщины – это *ее семья*, как бы странно это ни звучало сегодня. Фактор был комплексный, он включал три основных момента: «бытовое закрепощение» (выраженное в обилии домашних обязанностей женщины), господствующая роль мужчины в доме («мужнин произвол»), а также обслуживание детей.

Рассмотрим образ мужчины, собранный на основе писем читательниц. Прежде всего, в них подчеркивается его превосходство над женщиной – он всегда остается свободным и независимым, в то время как воля всех остальных членов семьи (жены и детей) полностью в его власти. Как утверждают сами женщины, *«корни прошлого глубоко сидят в нашем быту, зачастую муж проявляет себя жестоким “господином” в семье, пренебрежительно смотрит на жену»* [21, с. 12].

Особую окраску образу мужчины в семье придает его «неотесанность», необразованность и некая дикость. Это находило свое выражение в рутинном домашнем насилии, вызывавшем постоянный страх и чувство зависимости: *«Я терпела пять лет побои и издевательства. Но развода боялась: нехорошо, зазорно жить детям без отца, а жене без мужа... К тому же страшила нужда»* [21, с. 12]. И еще раз: *«Старый домашний быт еще крепко держит их в плену, а материальная зависимость от мужей во многих случаях лишает самостоятельности»* [21, с. 12]. Мужчины имеют возможность ходить на собрания и участвовать в общественной жизни, а женщина вынуждена оставаться дома, потому что обед за нее никто не сварит.

Но главной причиной угнетения для женщины являлись *ее собственные дети*: *«Пока детей не было, жили мы с мужем хорошо, интересно, ходили вместе на собрания, в театр. Но теперь у нас двое ребят, с ними уж никуда не пойдешь, поэтому я, кроме рогаца и корыта, ничего не знаю»* [10, с. 12].

К уже названным факторам депривации добавлялась *укорененная религиозность*. В первую очередь церковь отнимала у женщины слишком много времени на исполнение религиозных ритуалов – воскресное утро, проведенное в церкви, передовая ткачиха могла бы потратить на производстве (в условиях непрерывной пятидневной рабочей недели выходной не совпадал с воскресеньем). К тому же, как утверждают редакторы советской агитационной печати, всякий престольный и двунадесятые праздники сопровождалась повальным пьянством – в рабочих слободах так же, как в деревне: *«Стоном стонет пьяная деревня во все религиозные праздники: брань, похабные песни с вечера до утренней зари раздаются над селом. Пропивают последние гроши, тащат последний хлеб»* [5, с. 5].

Такая атмосфера является угнетающим фактором для женщины, стремящейся стать достойным членом социалистического общества. Неискореняемая религиозность являлась постоянной темой журнальных рубрик «Всемирно напоказ» как в прозе, так и в стихах: *«Здесь шах-*

тер на женработу попросту махнул рукой, и шахтерки по субботам в церковь шествуют гурьбой, и плодятся богомолки вместо красных-то творцов. И смеется втихомолку шайка черная "отцов"!» [10, с. 26].

Все это усугублялось образом бытовой **грязи и неряшества**. В письмах читательниц, лишенных благ новой жизни, периодически встречаются следующие упоминания: «В коммуне женщине живетсЯ гораздо лучше... и дети там воспитываются в чистоте, в опрятности, а не как наши – в грязи да навозе» [6, с. 5]. Те, кому удалось вырваться из удушающих тисков прошлого, с содроганием вспоминают свою жизнь до советской власти: «Переехала я в новую квартиру (пишет ударница, получившая повышение по службе и новое жилье. – Е. Б.) Все так чисто, непривычно. Кажется, что я в больнице и скоро придется уходить опять в казарму, в грязь и темноту... Казарма осталась в памяти мрачным и жутким застенком, как и вся наша жизнь до революции...» [8, с. 12].

Но все же основная «грязь», порочащая жизнь советской женщины, вовсе не в быту и гигиене – грязь **в старом устройстве общества**, в котором они «задыха[лись] в темноте и невежестве» [6, с. 5]. Главным фактором депривации выступает отсутствие смысла жизни и непонимание цели своего существования. Но благодаря советской власти каждая женщина может почувствовать себя важным членом общества: «Долго я ничего этого не понимала. Жила и все о своих личных делах думала. И скучно мне жилось...» [22, с. 23]. Женщина жила «как скотина», потому что была отчуждена от трудового коллектива и социалистического строительства и, как следствие, «лишена того света культурной жизни, с которым соприкасается работница, ярко переживая события вместе со своим производством» [24, с. 23].

Помочь всем необразованным женщинам стать достойными гражданами своей страны был призван журнал «Работница», который «выращивает из среды отсталых женских масс активных участников нашей стройки, подготавливая их для большой государственной работы» [2, с. 23]. Благодаря ему происходил процесс искоренения невежества и выход женщин из «темноты». Вот что рассказывают читательницы журнала: «Выписала для выкровок, а стала читать статьи, и глаза у меня раскрылись» [22, с. 23]. В дальнейшем каждая «выращенная» из отсталой среды гражданка считала своим долгом помочь и другим женщинам начать новую правильную жизнь: «Работницы и домохозяйки, читайте и укрепляйте журнал "Работница". Он поможет вашему культурному и политическому росту» [22, с. 23].

Таким образом, журнал «Работница» представляет нам нечто вроде самоотчета женщин, еще не воспользовавшихся «завоеваниям Октября». Выглядит такая женщина удручающе: одинокая, угнетаемая мужем, церковью и детьми, не видящая выхода из окружающей ее грязи, лжи и пьянства. Ей скучно – и одновременно вздохнуть некогда. Она стремится к свету – но не находит его – если, конечно, подруга не сунет в руки «Работницу». Мы видим историю Золушки в той ее части, где ее еще не навестила фея-крестная. Но в руках у нашей героини – как залог грядущей новой жизни – советский журнал.

Начало «новой жизни»

Переход женщины к новой жизни, то есть изменение культурной нормы, описывалось в агитационной печати как перевоплощение и чуть ли не перерождение. «Сейчас моя жизнь совсем не похожа на прежнюю, живу я как в родной семье, – все мне стали близкими, и я не чувствую себя чужой» [4, с. 12]. В некоторых случаях окончательный отказ от прошлого угнетенного состояния сопровождался дополнительными ритуалами. «В Дубровском Делегатском пункте старые делегатки показали, что они работали не зря. На одном из собраний три делегатки сняли свои чепцы, порвали их и зачесали волосы по-современному. Эти чепцы являются старинным обрядом женщины нашего района. Передовые делегатки сбрасывают их как символ гнета. Тут же, на собрании, четыре делегатки подали заявления о приеме в партию» [15, с. 17]. В этом примере с особым пафосом представлен переход женщины из «темноты и невежества» к радостям свободной и осмысленной жизни. Сбрасывание чепца и изменение прически можно соотнести с традиционными русскими обрядами, сопровождающими переход женщины из одного статуса в другой. Так, например, изменение прически и головного убора было обязательным элементом для перехода невесты из состояния девичества к статусу замужней женщины, зависимой от своих новых обязанностей. Как отмечают антропологи, «именно эту зависимость должен отражать центральный момент обряда – перемена головного убора, – он оформляется, как плач по девичьей воле» [12]. В случае с делегатками мы видим своеобразную инверсию ритуала, когда, освободившись от головного убора и традиционно принятой прически, девушки возвращают себе волю.

В одном из писем в редакцию читательница рассказывает о том, что для нее значил этот переход. *«Теперь моя жизнь очень изменилась. Я второй год работаю на производстве. Узнала о новой жизни. Хожу на собрания, кончила ликбез, научилась читать и писать. Выбрали меня делегаткой, работаю в секции РКИ и в других комиссиях участвую. Как могу помогаю советской власти. Подписываюсь на все займы»* [4, с. 12].

Но как бы красочен ни был пропагандируемый образ передовой работницы, чтобы его достичь, нужно было совершить серьезный шаг как в прямом, так и в переносном смысле. Во-первых, для принятия нового образа нужно было отказаться от всех своих прежних представлений о роли и месте женщины в обществе, а во-вторых, выйти из домашнего круга и отправиться на производство.

Даже для того чтобы пропаганда (к примеру – журнал «Работница») оказала свое влияние на «закрепощенную» женщину, необходим был посредник, который бы смог рассказать и объяснить ей, на своем примере, что к чему. Да просто дать ей журнал в руки, в конце концов. Ведь сложно представить ситуацию, когда одним прекрасным утром женщина вдруг оставляет свои домашние заботы, веками сформированные обязанности, выходит из дома и отправляется на строительство новой жизни.

Несмотря на значимость выхода из домашнего пространства в публичное, этот этап практически не представлен в исследовательской литературе. В большинстве своем авторы подразумевают его как само собой разумеющееся следствие общей действующей пропаганды и не акцентируют на нем особого внимания.

Однако давайте попробуем подробнее рассмотреть этот сюжет. Невзирая на то, что как таковой путь перехода к новой норме в рамках идеологической политики не предусмотрен, в агитационных текстах все же присутствуют сюжеты, подсказывающие советским гражданам, кто ответственен за их приобщение к новой культуре.

Драйверы

В различных источниках можно обнаружить несколько вариантов того, как осуществлялся данный переход. В материалах журнала «Работница» чаще всего в роли таких посредников (которых можно назвать *драйверами*¹) упоминаются женщины-общественницы, которые уже успели ступить на путь освобождения и строительства новой жизни. *«Не только самим делегаткам нужно ликвидировать свою неграмотность, перевоспитать себя, сделаться грамотной, культурно развитой, но и научить окружающих»* [3, с. 16]. Но этим общественникам, в свою очередь, тоже нужен был свой драйвер.

Агитационная литература на эту роль назначала прежде всего мужа женщины. В «отобранных редакцией» письмах есть текст от товарища А. Анилова следующего содержания: *«Я выписал журнал “Работница” для отсталой и малограмотной жены. Мне хотелось, чтобы она знакомилась с текущей политикой партии, чтобы журнал подтолкнул ее на ликвидацию малограмотности, сделал из нее полезного участника в строительстве нового быта. Упорной работой по перевоспитанию жены, искоренению обычаев и привычек староверческой семьи, сохранившихся у нее, я добился заметных результатов. Жена начинает усваивать новое, даже иконы перенесла в кухню, обещает скоро снести их на чердак»* [1, с. 18]. Подобные практики широко поощрялись в статьях журнала под лозунгами «Рабочим надо помочь своим женам» [23, с. 17].

Посредничество мужа в эмансипации женщины представлено и в художественной литературе периода 30-х гг. В повести Д. Донской, опубликованной в журнале, в финале главный герой говорит своей растерянной и запутавшейся жене: *«Я научу тебя понимать... Только захоти... я тебе все растолкую, и когда станет нам жить намного легче, поведу тебя в клуб, на собрание, и ты все поймешь, ты увидишь, что нам, рабочим, нужно там бывать и все знать, чтобы строить будущее... Тогда будешь ходить на делегатские собрания в женотдел. Только бы ты перестала грызть меня и тянуть за душу, только бы ты захотела понять нашу настоящую правду... Он обнял ее и заглянул ей в глаза, в которых трепетала и светилась новая жизнь. И с буйной радостью почувствовал, понял, прочитав в ее взгляде, что она хочет этого крепко и твердо»* [16, с. 19]. В этом примере особое внимание стоит уделить и появлению нового образа мужа – образованного, понимающего, стремящегося «вытащить» свою женщину из тьмы прошлого и открыть ей новый путь. Это своеобразный идеал мужчины для «советской женщины» – порядочный и ответственный работник, который не удерживает свою жену в избе, не проявляет себя как домашний тиран и диктатор.

¹ *Om to drive* (англ.) – доводить, приводить.

Однако возникает вопрос, ради чего мужчине жертвовать традиционным домашним укладом, при котором женщина всегда находилась в семье, вела хозяйство и посвящала себя заботе о близких? Советская агитационная литература утверждала, что вопреки патриархальной традиции мужчина сам должен был быть заинтересован в том, чтобы его жена вышла за пределы семьи. Со страниц «Работницы» неоднократно озвучивался тезис о том, что не подобает передовику производства иметь «темную» жену. Как отмечают исследователи, именно мужчина-работник должен был стать основным рычагом воздействия на свою «отсталую» семью. «...в семье именно он осуществляет цивилизаторскую и модернизаторскую функцию. В силу своей большей грамотности (образование мужчин в предреволюционной России было выше, чем у женщин) и преданности делу революции именно он должен просвещать “темную” женщину» [13, с. 257].

Третьим предположительным драйвером-посредником между женщиной и «новой жизнью» могли выступать ее дети. Со второй половины 20-х гг. государство ведет довольно сложную и драматичную борьбу с детской беспризорностью и за освобождение ребенка из-под родительской власти. Овладевая грамотностью в рамках школьной программы, дети могли пристыдить мать за ее «темноту и невежество» и подтолкнуть к обучению. Яркой иллюстрацией к этому процессу является известный плакат Елизаветы Кругликовой 1923 г. «Женщина! Учись грамоте!», посвященный ликвидации неграмотности.

Он изображает традиционный быт, посреди комнаты находится женщина, поза которой говорит о растерянности и беспомощности, а перед ней – фигура девочки с книгой, ниже текст: «Эх, маманя! Была бы ты грамотной, помогла бы мне!» Дело в том, что набожная и безграмотная мать являлась недостойным родителем для своих образованных детей, вступивших в пионерскую организацию и активно подхвативших лозунги Советского государства.

И тем не менее, допуская все описанные варианты, остается вопрос: каким образом это могло так кардинально повлиять на вековой уклад жизни русской женщины? Остается только предположить, что новыми работницами большей частью становились юные девушки, проходившие социализацию в условиях советского времени и еще не обремененные домашним бытом. Ведь как утверждали лозунги Страны Советов, Советское государство – это молодое государство, это «молодым у нас везде дорога»², а следовательно, и строительством этого государства должны заниматься молодые, здоровые и сильные люди, не отравленные жизнью царской России. Такое предположение кажется довольно убедительным, если учесть что только после 30-го г. женщины стали значительной частью рабочей силы на производстве. По прошествии этого времени новые лозунги и практики вполне могли подхватить девушки, прошедшие социализацию в первые годы советской власти.

² Строчка из «Песни о Родине», написанной композитором Исааком Дунаевским для кинофильма «Цирк» (1936 г.).

«Жить стало веселей»: работа как освобождение и обретение статуса

Завершающим звеном пропаганды была задача создать на контрасте с описанным образом угнетения образ «новой женщины». Обретение нового статуса сопровождалось целым рядом формальных и реальных изменений в жизни женщин. Давайте теперь подробнее рассмотрим, что именно подразумевали упомянутые «освобождения» и перемены в жизни советской женщины.

Первое из них – **освобождение от «тьмы»,** то есть **безграмотности.** Вот одно из множества подобных писем в редакцию журнала: *«В два месяца научилась читать и писать. Жить стало веселей. Читаю газеты и журналы. Хотела бы, чтобы все неграмотные женщины пошли по моим следам»* [25, с. 16]. Образ советской гражданки обязательно подразумевал образованность, которая была способна поднять женщину на более высокую ступень развития и дать ей новые возможности (даже если эта образованность выражалась в умении держать карандаш и писать свое имя и выработку).

Дело в том, что грамотность являлась необходимым условием для того, чтобы женщина получила работу на производстве и имела возможность повышения. Редакцией журнала периодически публиковались истории о женщинах, твердо решивших изменить свое положение и отстоять полученное рабочее место на производстве *« – Запиши, – говорит, – в школу, хочу учиться. – Тебе учиться, что корове седло одевать, с ума сошла на старости лет. Не смутила воркотня старухи. Научилась работница выработку записывать»* [19, с. 16].

Вторая причина, мотивирующая женщин окончить курсы ликбеза, – это престижность посещения собраний, подписок на журналы и участия в общественной жизни. Все перечисленные выше явления, наряду с изменившимся внешним видом («сняли чепцы»), являлись зримыми атрибутами причастности женщины к «новой жизни».

Кроме того, грамотность и минимальный уровень образования должны были объяснить работницам несостоятельность института церкви. Обобщая содержание нескольких публикаций, можно заметить, что образованная женщина обязательно **выходила из-под влияния религии и церковных пережитков:** *«Великий Октябрь открыл мне глаза. Советую всем неграмотным учиться. Долой религиозный дурман, да здравствует наука!»* [18, с. 18] Иногда эта эмансипация сопровождалась демонстративными жестами: *«И вот прямо со схода пришли в церковь колхозницы. Сняли иконы, сложили их на площади и подожгли. Сухие иконы горели жарко»* [6, с. 5]. Религиозность преподносилась как признак отсталости, от которого женщины стремились избавиться сами и избавить своих родных и близких. *«Сестра моя до сих пор находилась под влиянием попов... когда пришли (в церковь. – Е. Б.), обнаружили всего восемь старух. Тогда я позвала свою сестру в народный дом железнодорожников. Народу было много. От союза воинствующих безбожников выступил т. Логинов (далее следует подробное описание оваций выступающему и оживленности в рядах слушателей. – Е. Б.). Сумела я на деле доказать сестре близкую гибель религии»* [14, с. 16].

Следующим освобождением, подаренным женщине советской властью, было **освобождение от домашнего деспотизма.** Письма читательниц, отобранные (или даже стилизованные) редакцией «Работницы», позволяют увидеть, как могло выглядеть освобождение от семейного гнета: *«...состоялся у нас с мужем суд, дали нам развод, а мужа заставили платить на содержание детей. Вся наша жизнь преобразилась, и я сама почувствовала себя человеком!»* [17, с. 12]. Героиня реализовала практически свое равноправие с мужчиной – ранее угнетавшим ее мужем. И, как следствие, это повлекло за собой смену ее деятельности – женщина начала самостоятельно обеспечивать себя и, конечно, вести активную политическую жизнь: *«Я не сижу сложа руки: подрабатываю стиркой белья и взялась за общественную работу»* [17, с. 12].

В судьбе тех, кто остались при муже, сохранив традиционную семью, тоже заметны перемены. Корреспондентки «Работницы» стали настаивать на пересмотре распределения домашних обязанностей. Статьи под заголовками, подобными «Рабочим надо помочь своим женам», сопровождаются карикатурными иллюстрациями, облачающими тяжкий быт женщины. *«Муж свободное время отдает своему развитию, а жена до седьмого пота работает дома. Ей вздохнуть некогда, а не то что думать о каком-либо развлечении или общественной работе... Этому необходимо положить конец. Ведь жена не только рабочая сила, но и товарищ своему мужу»* [23, с. 17]. Иногда это заканчивалось победой над домашними тиранами – *«...мужчины... обещали сидеть с ребятами, чтобы освободить жен для общественной работы»* [15, с. 16].

Советская пропаганда настойчиво внедряла в сознание женщин сценарии **освобождения от «кухонного рабства».** Государство проектировало для работниц целую систему

предприятий, облегчающих быт. Предполагалось, что свободная женщина могла не стоять у плиты, а пообедать в столовой – и даже взять с собой ужин. Также работницы могли воспользоваться прачечными. А самое главное – отдать своего ребенка в ясли или детский сад.

Кардинальные изменения не могли не отразиться на внешнем образе женщины. Идеально-абсурдный портрет работницы воспет в стихотворении Н. Лебедева-Кургана, опубликованном в одном из номеров журнала:

*Легли года основой в волосы.
Года на ней, как хлопок, побелели.
Ее любовь – станок да корпуса,
Гудок фабричный – ласковой свирели [20, с. 14].*

В данном стихотворении «поэтично» описано, что советская женщина – это прежде всего это та, «кто идёт в ногу с темпами развития... социалистической страны, что овладевает знаниями, опытом, накопленными всем человечеством, что есть стремится стать достойным гражданином социалистического общества» [9, с. 3]. И уж ни в коем случае она не относится к тем «девушк[ам]-работниц[ам], (которые. – Е. Б.) культуру и красоту видят в накрашенных губах, подбритых бровях, шестимесячной завивке “перманент”, маникюре, в платье клеш до полу, в берете набекрень!» [9, с. 3]. Советская женщина – это та, кто готов не на словах, а на деле посвятить свою жизнь трудовому коллективу и развитию производства. Такая работница не страшится трудностей – наоборот, трудности ее вдохновляют и заставляют работать еще интенсивней: «Чем чаще сталкивалась я с трудностями, тем сильнее хотелось мне преодолеть их» [11, с. 11].

Подведем итог. Интерпретация журнального дискурса показывает, что советская женщина – это прежде всего публичная женщина в хорошем смысле этого слова: делегатка, работница, посетительница собраний и библиотек, член партийной ячейки, т. е. активный социальный индивид, освобожденный от угнетения и предрассудков прошлого. Она трудится на благо людей, которые помогли ей почувствовать себя «человеком» и важной частью коллектива. Таким образом, власть, через журнальные публикации, стремилась сконструировать культурные нормы, следование которым устанавливало новый гендерный порядок в рамках существующего политического режима.

Список литературы

1. Анилов А. Выписал журнал для жены // Работница. 1930. № 37. С. 18.
2. Анчарова М. Рапорт домохозяйек // Работница. 1930. № 9–10. С. 23.
3. Артюхина А. Ликвидировать свою безграмотность и научить других // Работница. 1931. № 20. С. 16.
4. Банникова В родной семье // Работница. 1930. № 8. С. 12.
5. Блинова К. Кто же, наконец, заглянет к нам? // Работница. 1930. № 12. С. 5.
6. Блинова К. На борьбу за социалистическую деревню // Работница. 1930. № 11. С. 5.
7. Бушмаков А.т.В. Представления о семье и браке провинциальных горожан в России конца XIX начала XX в. // Вестник ПГИИК. 2007. № 5. С. 34–45.
8. Быкова К. Как работает Ярцевская Краснознаменная // Работница. 1930. № 9–10. С. 12.
9. Васильева Т. К вопросу о молодежи // Работница. 1935. № 21. С. 3.
10. Всем напоказ // Работница. 1930. № 9–10. С. 26.
11. Вяткина Орден Трудового Красного Знамени получила я за свою работу // Работница. 1935. № 5–6. С. 11.
12. Гаген-Торн Н. И. Женские и девичьи головные уборы // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/gagen-torn1960/
13. Градскова Ю. Культурность, гигиена и гендер: советизация «материнства» в России в 1920–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М. : ООО «Вариант» : ЦСПГИ, 2007. С. 243–261.
14. Дербина Доказала на деле // Работница. 1930. № 5. С. 16.
15. Дерябина Л. За новый быт. Бросают старинные обряды // Работница. 1930. № 4. С. 17.
16. Донская Д. К свету // Работница. 1925. № 13. С. 18–19.
17. Ильина М. Старый быт надо бить! // Работница. 1930. № 4. С. 12–13.
18. Калиберда Х. Уже сама читаю работницу // Работница. 1925. № 14. С. 18.
19. Корзина М. За грамоту. Старость учебе не помеха // Работница. 1930. № 4. С. 16.
20. Лебедев-Курган Н. Ударница // Работница. 1930. № 4. С. 14.
21. Лобачева А. Старый быт надо бить! // Работница. 1930. № 4. С. 12.

22. Минеева Рапорт домохозяйек // Работница. 1930. № 9–10. С. 23.
23. Рабочим надо помочь своим женам // Работница. 1930. № 13. С. 17.
24. Фридрих Рапорт Домохозяйек // Работница. 1930. № 9–10. С. 23.
25. Шаврина М. За грамоту. Грамотной жить веселей // Работница. 1930. № 4. С. 16.
26. Яншин М. Делегатка // Работница. 1925. № 13. С. 3.

Formation of the image of Soviet women in the 20–30-ies XX century. (based on the publications of the magazine «Workwoman (Rabotnica)»)

E. V. Bolotova

post-graduate student of the Department of Cultural studies and Philosophy,
Perm State Institute of Culture. Russia, Perm.
ORCID: 0000-0001-5506-7892. E-mail: pineapples.in.champagne@gmail.com

Abstract. The article uses a gender approach to the study of the new "Soviet man". It's about the power of the Soviet model of women in national journalism of the 1920s – 1930s. Robert Stoller and Simone de Beauvoir are the founders of the gender approach. The works of E. R. Yarskaya-Smirnova and N. L. Pushkareva are particularly important in modern Russian reality. The conceptual approaches of these authors became the methodological basis of the study. The author of the article believes that gender aspects of ideological images formed by agitation and propaganda in the 1920s and 1930s is needed to consider in more detail. In particular, the focus is the genesis and evolution of the "real Soviet woman" image in journal publications. Historical sources of this study is articles from the «Rabotnitsa» magazine from 1925 to 1935, one of the most popular periodical magazines of those time. This edition described in detail the topics related to the women's life in the post-revolutionary period, when the main elements of the Stalinist authoritarian system took shape, when cultural and stylistic features of the Soviet way of life were developed. The magazine discourse interpretation shows a Soviet woman is first of all a public woman in the good way: a delegate, a worker, a visitor of party rallies and libraries, a member of the party cell, i.e. active social individual, freed from oppression and prejudices of the past. She works to other people's benefit who have made her feel like a human being and an important part of the Soviet society. Thus, Soviet authority sought to construct a cultural norm through magazine publications. It is this new cultural norm should established new gender norms within existing political regime.

Keywords: Soviet history, gender, government's model, woman-worker, propaganda literature.

References

1. Anilov A. *Vypisal zhurnal dlya zheny* [Wrote a magazine for the wife] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 37, p. 18.
2. Ancharova M. *Raport domochozyaek* [Report of housewives] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 9–10, p. 23.
3. Artyuhina A. *Likvidirovat' svoyu bezgramotnost' i nauchit' drugih* [To eliminate her illiteracy and teach others] // *Rabotnica – Workwoman*. 1931, No. 20, p. 16.
4. Bannikova V *rodnoj sem'e* [In the native family] // *Rabotnica -Workwoman*. 1930, No. 8, p. 12.
5. Blinova K. *Kto zhe, nakonec, zaglyanet k nam?* [Who will finally visit us?] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 12, p. 5.
6. Blinova K. *Na bor'bu za socialisticheskuyu derevnyu* [To fight for the socialist village] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 11, p. 5.
7. Bushmakov A. *tV. Predstavleniya o sem'e i brake provincial'nyh gorozhan v Rossii konca XIX nachala XX v.* [Ideas about the family and marriage of provincial citizens in Russia of late XIX – early XX century] // *Vestnik PGIK – Herald of PSIHС*. 2007, No. 5, pp. 34–45.
8. Bykova K. *Kak rabotaet YArcevsкая Krasnoznamennaya* [How does Yartsevskaya Red Banner work] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 9–10, p. 12.
9. Vasil'eva T. *K voprosu o molodezhi* [To the question of youth] // *Rabotnica – Workwoman*. 1935, No. 21, p. 3.
10. *Vsem napokaz – For everybody for show* // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 9–10, p. 26.
11. Vyatkina *Orden Trudovogo Krasnogo Znameni poluchila ya za svoyu rabotu* [I received Order of the Red Banner of Labor for my work] // *Rabotnica – Workwoman*. 1935, № 5–6, p. 11.
12. Gagen-Thorn N. I. *ZHenskie i devich'i golovnye ubory* [Women's and maiden headdresses] // *EHlektronnaya biblioteka Muzeya antropologii i ehtnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN – Electronic library of the Museum of anthropology and ethnography n.a. Peter the Great (Kunstkamera) RAS*. Available at: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/gagen-torn1960/

13. Gradskova YU. Kul'turnost', gigiena i gender: sovetizaciya «materinstva» v Rossii v 1920–1930-e gody [Culture, hygiene and gender: the Sovietization of «motherhood» in Russia in the 1920s–1930s] // *Sovetskaya social'naya politika 1920–1930-h godov: ideologiya i povsednevnost'* – Soviet social policy of the 1920s–1930s: ideology and everyday life / ed. P. Romanov, E. Yarskaya-Smirnova. M. OOO "Variant": CSPI. 2007. Pp. 243–261.
14. *Derbina Dokazala na dele* [Has proven in fact] // *Rabotnica* – Workwoman. 1930, No. 5, p. 16.
15. *Deryabina L. Za novyj byt. Brosayut starinnye obryady* [For a new life. Throw ancient rites] // *Rabotnica* – Workwoman. 1930, No. 4, p. 17.
16. *Donskaya D. K svetu* [To the light] // *Rabotnica* – Workwoman. 1925, No. 13, pp. 18–19.
17. *Il'ina M. Staryj byt nado bit'!* [Old life have to be beaten!] // *Rabotnica* – Workwoman. 1930. No. 4. P. 12–13.
18. *Kaliberda H. Uzhe sama chitayu rabotnicu* [I read «Workwoman» myself already] // *Rabotnica* – Workwoman. 1925. No. 14. P. 18.
19. *Korzina M. Za gramotu. Starost' uchebe ne pomekha* [For reading and writing. Old age is not a hindrance to study] // *Rabotnica* – Workwoman. 1930, No. 4, p. 16.
20. *Lebedev-Kurgan N. Udarnica* [Shock-workwoman] // *Rabotnica* – Workwoman. 1930, No. 4, p. 14.
21. *Lobacheva A. Staryj byt nado bit'!* [Old life have to be beaten!] // *Rabotnica* – Workwoman. 1930, No. 4, p. 12.
22. *Mineeva Raport domohozyaek* [Report of housewives] // *Rabotnica* – Workwoman. 1930, No. 9–10, p. 23.
23. *Rabochim nado pomoch' svoim zhenam* – Workers need to help their wives // *Rabotnica* – Workwoman. 1930, No. 13, p. 17.
24. *Fridrih Raport Domohozyaek* [Report of housewives] // *Rabotnica* – Workwoman. 1930, No. 9–10, p. 23.
25. *SHavrina M. Za gramotu. Gramotnoj zhit' veselej* [For the literacy. Competent is happier to live] // *Rabotnica* – Workwoman. 1930, No. 4, p. 16.
26. *YAnshin M. Delegatka* [Delegate] // *Rabotnica* – Workwoman. 1925, No. 13, p. 3.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 9940.55(450)«1970»

doi: 10.25730/VSU.2070.18.022

Контакты итальянских еврокоммунистов с представителями американской элиты в 1970-е гг.

М. В. Бакшаев

аспирант кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: randvmax@gmail.com

Аннотация. В эпоху разрядки международной напряженности в отношениях между СССР и США весомую роль на европейской арене стал играть такой фактор, как еврокоммунизм. В условиях эволюции коммунистического движения в Западной Европе и усиления роли еврокоммунистических партий, особенно Итальянской компартии, на передний край выходил вопрос об установлении связей между американской властвующей элитой (дипломаты, политики, ученые, журналисты) и руководством ИКП. Цель статьи – доказать, что установление связей между ИКП и США было закономерным процессом во время усиления электоральных позиций итальянских коммунистов и первых внешнеполитических шагов администрации Картера. В статье делается вывод, что в результате установления контактов ИКП не смогла убедить ключевых представителей американского правящего класса в умеренности своих взглядов и ее функционеры не вошли в состав итальянского правительства, в то время как американские дипломаты, ученые и политики обрели возможность получать информацию об ИКП, прогнозировать ее возможное поведение для выработки на основе этих прогнозов рекомендаций президентской администрации.

Ключевые слова: еврокоммунизм, Итальянская коммунистическая партия, Наполитано, Бжезинский, Гарднер.

Во второй половине 1970-х гг. еврокоммунизм стал серьезной проблемой как для Западной Европы и США, так и для СССР и стран Восточной Европы. И в Вашингтоне, и в Москве обсуждали вопросы о роли еврокоммунизма в политике компартий стран Западной Европы, о реальности его угрозы для сверхдержав, о степени его зависимости (или независимости) от линии ЦК КПСС и о том, что предвещает еврокоммунистическая тенденция для стран Восточной и Западной Европы, находившихся в разных сферах геополитического и идеологического влияния. Попытка западноевропейских компартий учесть новые, специфические особенности политического, экономического и социального развития стран региона в условиях европейской интеграции привела эти партии к отказу от диктатуры пролетариата, к признанию всеобщего значения демократических ценностей, принципов политического плюрализма и рыночной экономики [1, с. 128].

Идейно-политическая трансформация ряда западноевропейских коммунистических партий стала серьезной проблемой для Белого дома. На протяжении второй половины 70-х гг. в итальянском общественном мнении постоянно обсуждался вопрос о включении в правительство Италии крупнейшей западноевропейской компартии – ИКП, особенно после парламентских выборов 1976 г., когда итальянские коммунисты отстали от правящей Христианско-Демократической партии всего на 4% (ХДП – 38,7%, ИКП – 34,4%) [1, с. 46]. В 1973 г. генеральный секретарь ЦК ИКП Э. Берлингуэр предложил стратегию «исторического компромисса», согласно которой в целях противостояния ухудшающейся обстановки в Италии (рост терроризма, социальной и политической нестабильности, экономического кризиса) предполагалось установление особого диалога с христианскими демократами. «Разрядка» напряженности в отношениях сверхдержав давала надежду ИКП на приход к власти в стране, являющейся членом НАТО.

Италия имела решающее значение для Соединенных Штатов и НАТО в плане стратегии. Как отмечал американский дипломат Х. Аллен Холмс, Вашингтон мог понести серьезные потери на Апеннинах, если бы итальянские коммунисты появились в правительстве страны: «У нас было 55 различных баз и точек ретрансляции связи. Командование НАТО находилось в Неаполе и охватывало Италию, Грецию и Турцию... Кроме того, Италия была одним из немногих мест, где размещались корабли с ядерным оружием на борту, которые могли войти и использовать итальянские порты» [цит. по: 8, р. 525]. Таким образом, Италия приобретала важнейшее геополитическое значение для Вашингтона, и это обуславливало настороженность США и возможность их вмешательства во внутренние дела Италии.

Поскольку вероятность вхождения коммунистов в правительство возрастала, установление контактов высокопоставленных итальянских коммунистов с американскими интеллектуалами и чиновниками из внешнеполитического ведомства становилось для них чрезвычайно необходимым. Поначалу такие контакты были единичными, спорадическими. Еще в июне 1972 г. глава Международного отдела ЦК ИКП С. Сегре встречался с начальником станции ЦРУ США в Риме Р. Бойсом. По словам Сегре, Бойс признал, что «ИКП и ее политика были факторами демократической стабильности и равновесия» в Италии, и пообещал сделать все возможное в Вашингтоне, чтобы «повлиять на тех, кто отвечает за итальянские дела, чтобы способствовать лучшему пониманию ситуации в Италии и позитивной роли коммунистов» [цит. по: 8, р. 532]. Следует заметить, что обещания Бойса были достаточно абстрактными, туманными и малореализуемыми.

Первая попытка установить контакты с ИКП предпринималась со стороны академических кругов – американских политологов и социологов. По свидетельствам профессора Йельского университета Дж. Лапаломбара, ряд ключевых американских интеллектуалов из самых известных университетов США участвовали в процессе принятия решений и формировании общественного мнения об ИКП, а также влияли на восприятие Белым домом ИКП. В их число входили сам Дж. Лапаломбара (специалист по итальянскому рабочему движению), С. Тарроу из Корнельского университета, С. Хоффман и П. Лэйндж из Гарвардского университета, Н. Уолл из Принстонского университета [11, р. 349].

Коммуникация между ИКП и США велась по двум каналам – интеллектуально-академическому и политико-дипломатическому, который позволял участвовать в работе межпарламентской двусторонней комиссии «Италия – США» и общаться с некоторыми высокопоставленными представителями США в либерально-демократических кругах.

В 1975 г. состоялось обсуждение возможного визита в Соединенные Штаты двух представителей руководства ИКП – Дж. Наполитано, отвечавшего в ИКП за экономические вопросы, и С. Сегре, руководителя Международного отдела ЦК ИКП. Сегре должен был участвовать в конференции по итальянско-американским отношениям осенью 1975 г., организованной Советом по международным отношениям США совместно с Итальянским институтом по международным делам. Включение итальянского коммуниста в список участников конференции вызвало возмущение со стороны Госдепартамента и американского посольства в Италии. Наполитано получил приглашение от четырех американских профессоров из университетов Лиги Плюща, среди которых был ректор Центра европейских исследований в Гарварде, известный специалист по международным отношениям С. Хоффман. Просьбы о получении виз Сегре и Наполитано рассматривались Европейским бюро Госдепартамента с участием госсекретаря США Г. Киссинджера и его советника Х. Сонненфельдта. Киссинджер был известен своей непримиримостью к еврокоммунизму и выступлениями против американской поддержки участия коммунистов в правительствах стран Западной Европы [10, р. 627].

Принятие решения об отказе в выдаче виз произошло почти сразу после подписания в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором участвовали Соединенные Штаты. В Заключительном акте был зафиксирован принцип «более свободного передвижения и контактов на индивидуальной и коллективной, официальной и неофициальной основе между людьми, учреждениями и организациями государств-участников» [2, с. 40].

Как отмечал американский дипломат Р. Холбрук, решение было принято исходя из общей ситуации в Европе («революции гвоздик» в Португалии и дестабилизации франкистской Испании), а также из стремления оказать поддержку христианским демократам и отмежеваться, таким образом, от ИКП. Как разъяснял Холбрук, «ни одному высокопоставленному итальянскому коммунисту не предоставлялась возможность получить визу для посещения

Соединенных Штатов более 20 лет, кроме журналистов. Закон запрещал выдавать визы коммунистам без специального разрешения; они давались по гуманитарным соображениям, но не для тех, кто путешествует как представитель ИКП» [9, р. 242–243]. В свою очередь, сотрудник Совета по национальной безопасности США Д. Клифт, лидер большинства в Палате представителей Конгресса Т. О'Нейл, сенаторы Турмонд и Брок приняли в Вашингтоне трех ведущих итальянских нефашистов, среди которых был и секретарь «Итальянского социального движения – Национальных правых сил» Дж. Амилранте.

Согласно воспоминаниям посла США в Италии Р. Н. Гарднера (1977–1981), до 1974 г. сотрудники американского посольства в Италии почти не имели встреч с итальянскими коммунистами. В 1974–1976 гг. ситуация поменялась незначительно: сотруднику посольства, ответственному за отношения с ИКП М. Вэнику, было разрешено беседовать только с членом Секретариата ЦК ИКП, главой Международного отдела ЦК ИКП Сегре. Хотя Вэник иногда встречался с другими партийными функционерами из ИКП, посольству было отказано в расширении контактов с ними. Сотрудникам консульств было поручено свести к минимуму деловые отношения с коммунистическими мэрами и местными представителями ИКП. Отход от позиции Киссинджера в отношении ИКП, в том числе и по вопросу предоставления виз итальянским коммунистам, обозначился в 1977 г., после победы Дж. Картера на президентских выборах.

16 марта 1977 г. помощник Госсекретаря США С. Вэнса по европейским делам А. Хартман, глава итальянского бюро Госдепартамента Б. Мак-Кинли и помощник Госсекретаря М. Блюменталь подготовили для президента Картера секретный меморандум, в котором говорилось: «В ожидании общего пересмотра нашей политики в отношении лишения права на получение визы членов Коммунистической партии смягчить в каждом конкретном случае рассмотрение визовых запросов, пытаясь при этом четко указать, что большая гибкость не подразумевает одобрения» [цит. по: 7, р. 58]. Вскоре въездные визы были предоставлены журналисту центрального печатного органа ИКП, газеты «L'Unita», А. Джаковелло и итальянскому коммунисту С. М. Санторо, подметившим «сердечное равнодушие» американской аудитории к итальянским проблемам [6, р. 220].

В том же меморандуме авторы предлагали начать осторожное расширение контактов с коммунистами, занимающими официальные правительственные должности (в национальном парламенте, в качестве губернаторов регионов или мэров городов). Эта рекомендация базировалась на том факте, что в результате региональных и муниципальных выборов 1975 г. ИКП получила 33% голосов, отстав от ХДП на 3%, управляла пятью регионами (Эмилия-Романья, Тоскана, Умбрия, Пьемонт и Лигурия) и самыми крупными городами (Рим, Милан, Неаполь, Турин и Генуя). Посол Гарднер получил инструкции от Госдепартамента, в которых, согласно его воспоминаниям, указывалось: «Эти контакты должны были осуществляться таким образом, чтобы не создавалось впечатления, что коммунисты нашли внезапную поддержку в глазах американцев или что мы воспринимаем их приход к власти как должное... Ни посол, ни заместитель начальника Миссии не должны участвовать в организованных встречах с видными коммунистами, занимающими только партийные должности» [7, р. 91]. Вэник, курировавший связи посольства с ИКП, был уполномочен не ограничиваться регулярными контактами с Сегре и нерегулярными встречами с тремя или четырьмя другими лицами; теперь он мог общаться еще и со старшими членами Секретариата ЦК ИКП, такими как Дж. Пайетта и Дж. Наполитано. Посол Гарднер отмечал: «Главы наших консульств теперь могли выходить за рамки случайных протокольных звонков с мэрами ИКП и другими выборными должностными лицами, чтобы видеть их на более регулярной основе... включая местных должностных лиц ИКП, не имеющих выборных должностей, и местных членов национальных и региональных парламентов. В то же время... я определил, что лицам, претендующим на получение грантов в рамках программы Фулбрайта, не следует запрещать посещение США просто потому, что они члены Коммунистической партии, и коммунистам надо разрешить присутствие и даже выступления на конференциях, организованных при поддержке USIS (Информационной службы Соединенных Штатов. – М. Б.)» [7, р. 91]. За два года, с 1977-го по 1979-й, посольство и консульства США в Италии встречались с девятью из 32 членов руководства ИКП и 25 из 169 членов ЦК ИКП. Гарднер вспоминал, что «за пределами Рима консульства (США. – М. Б.) установили сеть регулярных контактов примерно с 80 провинциальными и региональными партийными секретарями и местными выборными должностными лицами. По оценке политического отдела посольства, расширение связей с итальянскими коммунистами прошло успешно, это привело к «глубокому пониманию настроений в партии»,

и американские дипломаты получили необходимый материал для того, чтобы более содержательно комментировать их действия и точнее «прогнозировать поведение ИКП» [7, р. 92].

Контакты ИКП с американской политической элитой интенсифицировались накануне президентских выборов 1976 г. Две встречи состоялись между Зб. Бжезинским и Сегре в 1975 г., а в сентябре 1976 г. Сегре был приглашен на заседание Трехсторонней комиссии, что демонстрировало положительное к нему отношение и одобрение факта поддержки итальянскими коммунистами сформированного ХДП правительства. Обласканный таким вниманием, Сегре полагал, что ему удалось достичь взаимопонимания с Бжезинским. Согласно В. Ломеллини, «эта вера была подкреплена тем, что последняя речь Картера повторяла диалог Бжезинского с Сегре в 1975 г. В тот период Картер объявил, что администрация США готова «сотрудничать» со всеми партиями, не подчиненными иностранным державам, соблюдавшими «демократический процесс» и «международные обязательства»» [11, р. 353].

Помимо встреч с Бжезинским, Сегре в ноябре 1976 г., незадолго до президентских выборов в США, встретился с сенатором от Демократической партии Э. Кеннеди, младшим братом 35-го Президента США Дж. Ф. Кеннеди (1961–1963), находившимся в Италии с официальным визитом. Сенатор в частном порядке подтвердил слова Картера о политике невмешательства в дела Италии, добавив, что США будут оценивать политику правительства этой страны исходя из отношения к ЕЭС, НАТО, к самим США и демократическим институтам. Кеннеди отметил, что его визит станет «началом той реальной готовности к общению и диалогу, которая подчеркивалась демократическими представителями в ходе избирательной кампании» [11, р. 353]. Хотя слова Кеннеди выглядели многообещающими, тем не менее его позицию разделяло меньшинство американских демократов.

В свою очередь, Зб. Бжезинский в 1975–1976 гг. выступал за проведение публичных дебатов в одном из итальянских журналов с темой обсуждения политики кандидата от Демократической партии Дж. Картера по отношению к Италии и к ИКП с участием двух или трех итальянских коммунистических лидеров. Цель Бжезинского, как поведал посвященный в эти дела журналист «L'Espresso» М. Каламандрей руководителю Международного отдела ЦК ИКП Сегре, состояла в том, чтобы «обнародовать тот факт, что американские демократы имели другую позицию по отношению к ИКП и ее участию в итальянской политической жизни, позицию, отличавшуюся от позиции республиканцев» [11, р. 355]. Весной и летом 1975 г. журнал «L'Espresso» стал посредником между Демократической партией США и ИКП, публикуя статьи и интервью, направленные на формирование положительного образа ИКП в глазах американских политиков. В интервью этому журналу в 1975 г. Бжезинский критиковал внешнюю политику, проводимую Киссинджером, а также действия американского посла в Италии Дж. Вольпе, заявив следующее: «Рассмотрим случай ИКП. Дальновидная внешняя политика не может игнорировать партию, завоевавшую симпатии трети электората. Я не считаю, что правительство США должно поощрять ту или иную партию... Самое главное – иметь долгосрочную стратегию, и одним из принципов этой стратегии должно быть укрепление демократических институтов. В этой связи следует поощрять демократизацию ИКП» [цит. по: 11, р. 355].

За оказание поддержки Картеру выступали представители академической среды. В июле 1976 г. итальянский сенатор-коммунист Ф. Каламандрей встретился с профессором политологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Ч. Э. Зоппо. Профессор убеждал итальянца в том, что Картер – представитель либерального крыла, и призвал ИКП выразить поддержку Картеру. Устанавливались связи между ИКП и Советом по международным отношениям, в который входили будущий госсекретарь С. Вэнс и будущий советник Картера по национальной безопасности Зб. Бжезинский.

В марте 1977 г. в Тоскане усилиями Фулбрайтской ассоциации, «Società Italiana per l'Organizzazione Internazionale» и межпарламентской двусторонней комиссии «Италия – США» была организована конференция «Политика, общество и международный порядок в Италии и Соединенных Штатах» с участием генконсула США во Флоренции и атташе по культуре посольства США. По этому случаю было организовано несколько круглых столов, основными темами которых были социально-политические изменения в Италии, роль партий, профсоюзов и СМИ, а также внешняя политика. Среди членов оргкомитета были историки-коммунисты Дж. Мори и Дж. Прокаччи и депутаты-коммунисты Ф. Каламандрей и А. Барбера. На конференции присутствовал Э. Ортона, посол Италии в США (1967–1975 гг.). Такой опыт «культурной дипломатии» означал возможность расширения связей между США и ИКП.

Некоторым членам руководства ИКП в США была предоставлена возможность публиковать статьи и участвовать в конференциях о ее истории и идеологии. Редактор журнала «Foreign Affairs» У. Банди предложил Сегре написать статью для журнала, для того чтобы «скептически настроенная аудитория смогла лучше понять особую позицию ИКП в итальянском обществе» [11, р. 351]. Такая статья под названием «Коммунистический вопрос в Италии» вышла в июле 1976 г. в журнале «Foreign Affairs». В ней Сегре убеждал читателей, что ИКП, войдя в правительство, вместе с другими демократическими политическими силами сможет «внести вклад в процесс обновления, способный помочь Италии достичь равновесия и политической стабильности» [17, р. 706].

В июне 1977 г. депутат от ИКП Л. Либертини принял активное участие в конференции «Еврокоммунизм и политика Италии», проходившей в Вашингтоне. Участие Либертини было обусловлено посредничеством профессора Дж. Сартори с организаторами – Американским институтом предпринимательства и Институтом Гувера. Либертини сообщал, что его поездка имела большой успех. Помимо многочисленных встреч с профсоюзными деятелями, журналистами из «New York Times» и «Wall Street Journal», он особенно упомянул о своих беседах с профессором Колумбийского университета С. Биалером, заместителем директора Колумбийского научно-исследовательского института по международным изменениям, директором которого был Зб. Бжезинский. По наблюдениям Либертини, Биалер был готов поддерживать организацию совместных с итальянскими коммунистами конференций и семинаров в Колумбийском университете. Либертини делал следующий вывод: «В американском обществе налицо большая, хотя и противоречивая, открытость по отношению к нам (т. е. ИКП. – М. Б.), поэтому необходимо использовать эту ситуацию и расширять контакты на нескольких уровнях. Важный канал – это университет... Присутствие там сегодня очень важно и открывает широкие возможности для диалога» [11, р. 352].

В тот момент, когда функционеры ИКП встречались с американскими интеллектуалами и отдельными представителями правящего класса из Демократической партии, администрация Картера пыталась разрешить проблему вхождения ИКП в итальянское правительство. Картер призывал итальянского премьер-министра Дж. Андреотти сохранить однопартийное правительство и не допустить досрочные парламентские выборы. В свою очередь, советник по национальной безопасности Зб. Бжезинский на встрече с послом Италии в США Р. Гайа выразил убеждение, что участие ИКП в правительстве будет препятствовать эволюции ИКП в направлении умеренной политики: «...руководство ИКП будет более склонно сделать свою позицию менее радикальной, если оно будет находиться вне власти» [15, р. 81].

7 декабря 1977 г. Генеральный секретарь ЦК ИКП Э. Берлингуэр призвал к созданию правительства «единства и национальной солидарности», которое будет включать коммунистов, социалистов и христианских демократов, для преодоления экономического и социально-политического кризиса в Италии. В то же время на правительство наступали близкие к ИКП профсоюзы, грозившие провести всеобщую забастовку в январе 1978 г. Посол США в Италии Р. Гарднер с растущей обеспокоенностью наблюдал за этими событиями. Он выступал против коалиционного правительства ИКП-ХДП и считал необходимым бороться против «коммунистической угрозы». Сложившуюся в конце 1977 г. обстановку он считал подходящей для того, чтобы администрация Картера выступила с четкой позицией против «исторического компромисса», который позволит прийти ИКП к власти. В свою очередь, Зб. Бжезинский в декабре предупреждал президента о том, что сложившуюся кризисную ситуацию коммунисты используют в своих целях. 4 января 1978 г. Берлингуэр потребовал отставки правительства Андреотти в пользу широкого коалиционного правительства, включая ИКП. Жесткую позицию в отношении ИКП поддержал Картер. 12 января 1978 г. Госдепартамент опубликовал заявление, в котором говорилось: «Администрация неоднократно высказывала мнение по вопросу коммунистического участия в работе правительств западноевропейских стран. Наша позиция ясна: мы не одобряем такое участие и хотели бы видеть уменьшение влияния коммунистов в любой западноевропейской стране... США и Италия разделяют демократические ценности и интересы, и мы не считаем, что коммунисты разделяют эти ценности и интересы» [15, р. 86].

Однако даже после такого заявления контакты американских политиков и интеллектуалов с высокопоставленными итальянскими коммунистами не прекращались. Вопрос о предоставлении виз западноевропейским коммунистам был решен еще в 1977 г. Один из функционеров ИКП П. Инграо в феврале 1977 г. встретился с вице-президентом США У. Мондейлом [4, р. 111]. В ноябре этого года США с одиннадцатидневным визитом посетил Гене-

ральный секретарь ЦК Компартии Испании С. Каррильо, известный своими оппозиционными КПСС взглядами, теоретик еврокоммунизма, автор книги «Еврокоммунизм и государство». Впервые лидеру коммунистической партии из Западной Европы была предоставлена виза для частного делового визита. Каррильо выступал в Йельском и Гарвардском университетах, Университете Джона Хопкинса и Совете по международным отношениям. Однако, в отличие от своего соперника из Испанской социалистической рабочей партии Ф. Гонсалеса, лидер испанских коммунистов не встречался ни с вице-президентом Мондейлом, ни с госсекретарем Вэнсом, ни с советником по национальной безопасности Бжезинским. Как отмечала газета «New York Times», Каррильо «усердно пытался убедить скептиков в том, что так называемый еврокоммунизм... демократичен и свободен от московского диктата» и что он «прибыл в Соединенные Штаты, чтобы «продать товар», а именно – «новый бренд коммунизма» [12].

В апреле 1978 г. Дж. Наполитано вновь был приглашен ведущими американскими университетами в США. Как и в случае с Каррильо, у Наполитано не было запланировано встреч с представителями Конгресса, Госдепартамента или администрации Картера. В первые дни визита Наполитано в сопровождении журналиста газеты ИКП «L'Unita» встречался с корреспондентами и редакторами «New York Times», «Washington Post», «Newsweek», «Time», «The Boston Globe» и «Fortune», которых интересовала проблема итальянского терроризма, в частности похищения «Красными бригадами» одного из лидеров ХДП А. Моро. Наполитано посетил также американские университеты. В Принстонском университете, в школе В. Вильсона, формирующей кадры для государственного управления и дипломатического корпуса, он выступил с лекциями «Стратегия и перспективы левых сил в Европе» и «Вмешательство государства в экономику» с точки зрения опыта и политики ИКП. Из Принстона Наполитано отправился в Гарвард, где студенты и преподаватели Центра европейских исследований, Центра международных проблем, Гарвардского университета, Массачусетского технологического института, Гарвардской школы бизнеса и Школы управления им. Дж. Ф. Кеннеди задавали ему вопросы о международных обязательствах коммунистов в Европе, об итальянском пути к социализму и международном коммунистическом движении, об экономической политике ИКП. В апреле 1978 г. он провел встречи и конференции в Гарварде, Йеле и Принстоне, познакомившись со многими известными личностями – от Х. Сонненфельда до П. Самуэльсона, от Дж. Лапаломбары до С. Хоффмана, – принял участие в дебатах на заседании Совета по международным отношениям, а также в семинаре по ситуации в Италии, организованном в Вашингтоне Университетом Джона Хопкинса совместно с Центром стратегических исследований в Джорджтауне.

Наполитано так вспоминал о своем первом визите в США: «В более замкнутых средах, где встречаются бизнесмены, журналисты и эксперты, – таких как Lehman Institute и Совет по международным отношениям, – в их вопросах наиболее четко отражены осторожность и подозрения... Наивность, стереотипы, предрассудки по-прежнему много значат. Многим трудно принять нас; и я говорю не о признанных и непримиримых противниках, а о людях и силах, желающих понимать и объективно оценивать деятельность ИКП. Однако факт состоит в том, что интерес проявлен и открыты каналы связи и диалога. Надо идти по этой дороге, даже если движение не будет простым» [13]. В выступлениях перед американской публикой Наполитано предлагал вполне умеренную программу преодоления экономического кризиса – децентрализацию государства, снижение инфляции, увеличение занятости населения, отказ от протекционизма, сдерживание роста заработной платы – т. е. «политику строгой экономии... на основе критериев социальной справедливости» [14, р. 797].

Такие встречи вызвали у некоторых представителей академического сообщества США симпатии по отношению к итальянским коммунистам. В статье журналиста «New York Times» И. Шенкера, озаглавленной «Портфель итальянского коммуниста полон разоружающего реформизма» («An Italian Communist's Briefcase Is Full of Disarming Gradualism») приведены восхищенные высказывания гарвардского профессора С. Хоффмана и профессора из Университета Джона Хопкинса Х. Сонненфельда. Первый заметил, что Наполитано выступал без всякой идеологической риторики, в то время как Сонненфельд заметил: «Подумав, вы зададитесь вопросом: почему они продолжают называть себя коммунистами?» [18] Говоря об итогах визита, итальянская газета «Corriere della Sera» отмечала, что Наполитано «добился личного успеха, который был выше всех идеологических различий» [цит. по: 16, р. 310]. Сам Наполитано после американского турне в интервью корреспонденту газеты ИКП «L'Unita» А. Джаковелло выразил убежденность в том, что в Соединенных Штатах «не только растет понимание и признание веса ИКП в жизни Италии, но и есть более объективная оценка вклада, который

вносит ИКП в демократическую преемственность и стабильность Италии» [16, р. 310]. Таким образом, послабление в выдаче виз американцами высокопоставленным итальянским коммунистам дало возможность узнать друг друга и устроить обмен мнениями. Итальянские коммунисты предстали в глазах части американских интеллектуалов как умеренная демократическая сила, способная помочь Италии преодолеть тяжелый экономический кризис и стабилизировать обстановку в стране.

1978 г. стал годом частых неформальных встреч итальянских коммунистов и американских чиновников. Так, в беседе с профессором Йельского университета, политологом и советником по культуре американского посольства Дж. Лапаломбарой депутат итальянского парламента от ИКП и кандидат в президенты Италии в 1978 г. Дж. Амендола поведал о причинах правительственного кризиса декабря 1977 г. ИКП выразила недоверие однопартийному правительству «национальной солидарности» Дж. Андреотти, заявила о необходимости формирования коалиционного правительства и вхождения в него ИКП. Итальянские коммунисты решили давить на правительство, поддержав проведение профсоюзами общенациональной забастовки. Согласно Амендоле, ИКП инициировала недоверие правительству и давление на него для того, чтобы «успокоить недовольство ее основы» – рабочего класса, который выступал против правительственной политики жесткой экономии, приведшей к падению экономического роста и повышению безработицы [5, р. 29]. Попытка давления ИКП с целью изменения партийного состава правительства, в том числе при помощи общенациональной забастовки, стала поводом для жесткого и однозначного заявления Госдепартамента от 12 ноября 1978 г., фрагмент из которого был приведен ранее.

Обмен мнениями сопровождался получением американскими дипломатами информации о партийных событиях из сообщений самих высокопоставленных итальянских коммунистов. Руководитель Международного отдела ЦК ИКП Сегре направил в посольство США в Италии телеграмму, где сообщалось о прибытии в Рим без приглашения его французского коллеги Ж. Канапы для обсуждения вопроса французских парламентских выборов. Как отмечал Ф. Филлипуччи, «тот факт, что Сегре сообщил американцам (о визите Канапы. – М. Б.) означает, что он не желал, чтобы в Вашингтоне могли подумать о чем-то, чего не было. Цель (сообщения. – М. Б.) заключалась в том, чтобы дистанцироваться от Французской компартии, потому что ее поведение ослабляло позицию еврокоммунистов» [5, р. 30]. За 1978 г. плотность контактов американских дипломатов с высокопоставленными итальянскими коммунистами значительно возросла, в результате чего дипломаты стали получать информацию об ИКП без посредников [5, р. 29].

Встречи, беседы, дискуссии между руководством ИКП и американскими политиками и политологами постепенно формировали две точки зрения на еврокоммунизм. Согласно первой точке зрения, консервативной («геостратегической»), еврокоммунизм представлял угрозу миру демократической свободы и НАТО, так как он использует выборы в качестве тактики завоевания власти в Италии. К лагерю «геостратегов» принадлежали бывший посол США в Италии (1953–1956) К. Б. Люс, член Совета по международным исследованиям при Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне У. Лакер и Госсекретарь США в 1973–1977 гг. Г. Киссинджер [3, р. 186–187].

Согласно другой точке зрения, либеральной («геоэкономической», прагматической), еврокоммунизм представлял собой стабилизирующую силу в Италии, Франции и Испании, которая может спровоцировать раскол в международном коммунистическом движении, возглавляемом КПСС. Согласно позиции либералов, США должны не только препятствовать вхождению коммунистов в правительство, но и способствовать сдвигу еврокоммунистических партий к умеренным, либерально-демократическим позициям. Сторонниками либерального подхода к еврокоммунизму были научный сотрудник Центра европейских исследований П. Лэйндрж, американский журналист Дж. Голдсборо, профессор Городского университета Нью-Йорка А. М. Шлезингер-мл.

Таким образом, установление контактов итальянских коммунистов и представителей американской властвующей элиты складывалось постепенно и зависело от позиции конкретной президентской администрации (Никсона, Форда, Картера). Если республиканские администрации Никсона и Форда под влиянием госсекретаря Г. Киссинджера отказывались от диалога и обмена мнениями с представителями руководства ИКП и отказывались от предоставления им въездных виз, то Картер и его советники еще во время предвыборной кампании проводили достаточно гибкую политику в отношении ИКП. Электоральные успехи

итальянских коммунистов на региональных (1975 г.) и парламентских (1976 г.) выборах заставили Соединенные Штаты обратить пристальное внимание на ИКП. Неформальные, а затем и официальные контакты руководителей ИКП и представителей американской властвующей элиты были необходимы обеим сторонам. Итальянские коммунисты, такие как Дж. Наполитано, представляли свою достаточно умеренную политическую позицию на суд американской общественности с целью создать в США благопристойный образ ИКП – ответственной, демократической силы, которая совместно с другими партиями будет вытаскивать Италию из пучины экономической и политической нестабильности. Заинтересованные американские дипломаты и ученые (П. Лэндж, С. Хоффман, Зб. Бжезинский, Р. Гарднер, Дж. Лаполамбара и др.) имели своей целью в ходе бесед с функционерами ИКП получать напрямую информацию о происходящих в партии процессах и событиях для прогнозирования поведения партии с целью использования этих прогнозов для принятия политических решений. В их интересах было поощрение тенденции к демократизации, умеренности партии, включение ее в рамки существующей политической системы, постепенная деидеологизация и отход от мировой коммунистической системы. Изменение визовой политики, разрешение выдачи итальянским коммунистам грантов по программе Фулбрайта, приглашение на заседания и научные конференции – все это означало то, что США ищут в ИКП людей с умеренными взглядами, которые в будущем могут войти в итальянскую и мировую политическую элиту. В качестве примера можно привести Дж. Наполитано, который, эволюционируя вместе с партией, в итоге под старость лет стал итальянским президентом. Для него все эти встречи и знакомства с американским академическим и политическим миром конвертировались в политический капитал, признание. И если Наполитано, как конкретная политическая фигура Италии, смог извлечь пользу из своих связей с Соединенными Штатами, то нельзя сказать, что эти связи благотворно сказались на Итальянской коммунистической партии. Отказ от позиции Киссинджера обернулся лишь временной сменой риторики в отношении еврокоммунизма американской администрации в период правления Картера. В конечном итоге Соединенные Штаты выступили резко против вхождения коммунистов в правительства стран Западной Европы, что было скорее реакцией Вашингтона на давление Берлингуэра на правительство Андреотти с целью отставки однопартийного правительства и формирования нового правительства с представительством коммунистов в нем. ИКП в правительство не вошла, а впоследствии оказалась от формулы «исторического компромисса».

Список литературы

1. Попов Л. Б. Воспоминания о еврокоммунизме. М. : Междунар. отношения, 2008. 160 с.
2. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки, 1975. 59 с. URL: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505?download=true>
3. Bernstein S., Lawrence S. Eurocommunism as Current Events and Contemporary History: A Critical Bibliography // Radical History Review. 1980. № 23. P. 165–191. URL: <http://dx.doi.org/10.1215/01636545-1980-23-165>
4. Brogi A. America's public diplomacy in France and Italy during the years of Eurocommunism // Reasserting America in the 1970s: U.S. public diplomacy and the rebuilding of America's image abroad (Key Studies in Diplomacy) / ed. by Notaker H., Scott-Smith G., Snyder D. J. Manchester : Manchester University Press, 2016. 256 p.
5. Fillipucci F. Jimmy Carter and the Italian Communism seen by the revolutionary left: Il Manifesto case. Master's Degree Programm in Comparative International Relations. Final Thesis – Ca'Foscari University of Venice, 2017. 110 p. URL: <http://dSPACE.unive.it/bitstream/handle/10579/12286/860818-1209611.pdf?sequence=2>
6. Fornasier R. The DC and the PCI in the Seventies: A Complex Relationship Supervised by the United States // Bulletin of Italian Politics. 2012. Vol. 4. № 2. P. 209–229. URL: https://www.gla.ac.uk/media/media_264088_en.pdf
7. Gardner R. N. Mission Italy: On the Front Lines of the Cold War. Foreward by Zb. Brzezinski. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2005. 360 p. URL: https://books.google.fi/books?id=zr_c6moHNC4C&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_atb#v=onepage&q&f=false
8. Heurtebize F. Washington's Cold War Diplomacy in Italy in the 1970s // Society. 2014. Vol. 51. № 5. P. 524–538.
9. Holbrooke R. Washington Dateline: A Little Visa Problem // Foreign Policy. Winter, 1975–1976. № 21. P. 241–247.
10. Kissinger H. A. Years of renewal. N. Y. : Simon & Schuster Inc., 1999. P. 626–634.
11. Lomellini V. The PCI and the USA: rehearsal of a difficult dialogue in the era of detente // Journal of Modern Italian Studies. 2015. Vol. 20. № 3. P. 346–360. URL: <https://doi.org/10.1080/1354571X.2015.1026147>

12. *Markham J. M.* Spanish Red Leaves for U.S., With Rival on His Heels // *The New York Times*. 1977. November 15. URL : <https://www.nytimes.com/1977/11/15/archives/spanish-red-leaves-for-us-with-rival-on-his-heels.html>

13. *Napolitano G.* Il viaggio di Giorgio Napolitano negli Usa nel 1978 // *30Giorni*. 2006. № 5. URL: https://web.archive.org/web/20160305013507/http://www.30giorni.it/articoli_id_10473_11.htm?id=10473

14. *Napolitano G.* The Italian Crisis: A Communist Perspective // *Foreign Affairs*. Jul., 1978. Vol. 56. № 4. P. 790–799.

15. *Njolstad Ol.* The Carter Administration and Italy: Keeping the Communists Out of Power Without Interfering // *Journal of Cold War Studies*. 2002. Vol. 4. № 3. P. 56–94.

16. *Pilati A.* The political parties and Italian foreign policy // *Lo Spettatore Internazionale: Italian Journal of International Affairs*. 1978. Vol. 13. № 4. P. 293–314. URL: <https://doi.org/10.1080/03932727808459116>

17. *Segre S.* The 'Communist Question' in Italy // *Foreign Affairs*. Jul. 1976. Vol. 54. № 4. P. 691–707. URL: <https://doi.org/10.2307/20039607>

18. *Shenker I.* An Italian Communist's Brief case Is Full of Disarming Gradualism // *New York Times*. 1978. April 19. URL: <http://www.nytimes.com/1978/04/19/archives/an-italian-communists-briefcase-is-full-of-disarming-gradualism-you.html>

Contacts of Italian Eurocommunists with representatives of the American elite in the 1970s

M. V. Bakshaev

post-graduate student of the Department of history and political sciences, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: randvmax@gmail.com

Abstract. In the era of detente in relations between the USSR and the USA, such a factor as Eurocommunism began to play a significant role in the European arena. In the context of the evolution of the communist movement in Western Europe and the strengthening of the role of Eurocommunist parties, especially the Italian Communist Party (Partito Comunista Italiano, PCI), the question of establishing links between the American ruling elite (diplomats, politicians, scientists, journalists) and the PCI leadership came to the fore. The purpose of the article is to prove that the establishment of ties between the PCI and the USA was a natural process during the strengthening of the electoral positions of the Italian Communists and the first foreign policy steps taken by the administration of Carter. The article concludes that as a result of the establishment of contacts, the PCI could not convince the key representatives of the American ruling class of the moderation of their views and its functionaries did not join the Italian government, while American diplomats, scientists and politicians were able to receive information about the PCI, predict its possible behavior for developing recommendations from the presidential administration on the basis of these forecasts.

Keywords: Eurocommunism, Partito Comunista Italiano, Napolitano, Brzezinski, Gardner.

References

1. *Popov L. B.* *Vospominaniya o evrokommunizme* [Memories on eurocommunism]. M. Mezhdunar. otnosheniya. 2008. 160 p.

2. *Soveshchanie po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope. Zaklyuchitel'nyj akt* – Meeting on security and cooperation in Europe. Final act. Helsinki. 1975. 59 p. Available at: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505?download=true>

3. *Bernstein S., Lawrence S.* Eurocommunism as Current Events and Contemporary History: A Critical Bibliography // *Radical History Review*. 1980. № 23. Pp. 165–191. Available at: <http://dx.doi.org/10.1215/01636545-1980-23-165>

4. *Brogi A.* America's public diplomacy in France and Italy during the years of Eurocommunism // *Reasserting America in the 1970s: U.S. public diplomacy and the rebuilding of America's image abroad* (Key Studies in Diplomacy) / ed. by Notaker H., Scott-Smith G., Snyder D.J. Manchester: Manchester University Press, 2016. 256 p.

5. *Fillipucci F.* Jimmy Carter and the Italian Communism seen by the revolutionary left: Il Manifesto case. Master's Degree Programm in Comparative International Relations. Final Thesis – Ca' Foscari University of Venice, 2017. 110 p. Available at: <http://dspace.unive.it/bitstream/handle/10579/12286/860818-1209611.pdf?sequence=2>

6. *Fornasier R.* The DC and the PCI in the Seventies: A Complex Relationship Supervised by the United States // *Bulletin of Italian Politics*. 2012. Vol.4. № 2. P. 209–229. Available at: https://www.gla.ac.uk/media/media_264088_en.pdf

7. *Gardner R. N.* *Mission Italy: On the Front Lines of the Cold War*. Foreword by Zb. Brzezinski. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2005. 360 p. Available at: https://books.google.fi/books?id=zr_c6moHNC4C&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_atb#v=onepage&q&f=false

8. *Heurtebize F.* Washington's Cold War Diplomacy in Italy in the 1970s // *Society*. 2014. Vol. 51. № 5. Pp. 524-538.
9. *Holbrooke R.* Washington Dateline: A Little Visa Problem // *Foreign Policy*. Winter, 1975-1976. № 21. Pp. 241-247.
10. *Kissinger H. A.* Years of renewal. N.Y.: Simon & Schuster Inc., 1999. Pp. 626-634.
11. *Lomellini V.* The PCI and the USA: rehearsal of a difficult dialogue in the era of detente// *Journal of Modern Italian Studies*. 2015. Vol.20. №3. Pp. 346-360. Available at: <https://doi.org/10.1080/1354571X.2015.1026147>
12. *Markham J. M.* Spanish Red Leaves for U.S., With Rival on His Heels // *The New York Times*. 1977. November 15. Available at: <https://www.nytimes.com/1977/11/15/archives/spanish-red-leaves-for-us-with-rival-on-his-heels.html>
13. *Napolitano G.* Ilviaggio di Giorgio Napolitano negliUsanel 1978 // *30Giorni*. 2006. №5. Available at: https://web.archive.org/web/20160305013507/http://www.30giorni.it/articoli_id_10473_11.htm?id=10473
14. *Napolitano G.* The Italian Crisis: A Communist Perspective // *Foreign Affairs*. Jul., 1978. Vol. 56. № 4. Pp. 790-799.
15. *Njolstad OI.* The Carter Administration and Italy: Keeping the Communists Out of Power Wit hout Interfering // *Journal of Cold War Studies*. 2002. Vol. 4. № 3. Pp. 56-94.
16. *Pilati A.* The political parties and Italian foreign policy // *Lo SpettatoreInternazionale: Italian Journal of International Affairs*. 1978. Vol.13. №4. Pp. 293-314. URL: <https://doi.org/10.1080/03932727808459116>
17. *Segre S.* The 'Communist Question' in Italy // *Foreign Affairs*. Jul. 1976. Vol. 54. №4. Pp. 691-707. Available at: <https://doi.org/10.2307/20039607>
18. *Shenker I.* An Italian Communist's Brief case Is Full of Disarming Gradualism // *New York Times*. 1978. April 19. Available at: <http://www.nytimes.com/1978/04/19/archives/an-italian-communists-briefcase-is-full-of-disarming-gradualism-you.html>

УДК 950(569.4)+341.7

doi: 10.25730/VSU.2070.18.023

Проблема раздела Палестины в контексте дипломатической деятельности Лестера Пирсона

Д. М. Покровская

аспирант кафедры всеобщей истории, ассистент кафедры международных отношений и политологии,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. Россия, г. Тамбов.
E-mail: d.pokrovskaya68@gmail.com

Аннотация. В 2018 г. Израиль отметил 70-летие своей независимости. На протяжении всего этого периода продолжается арабо-израильское противостояние. Резолюция № 181 Генеральной Ассамблеи ООН, принятая в 1947 г., подразумевала план раздела подмандатных территорий Палестины на два независимых государства: еврейского и арабского. Разделение переросло в масштабный ближневосточный конфликт, а палестинский вопрос по сей день является одним из самых острых и обсуждаемых в международном сообществе. Канадское правительство, зарекомендовавшее себя как влиятельного посредника в решении международных споров, внесло свой вклад в попытки урегулирования конфликта. В статье проанализирована политика Канады в отношении палестинского вопроса до образования государства Израиль. Оценена роль знаменитого канадского дипломата Лестера Пирсона в разработке плана раздела Палестины, который стал одним из первых «выходов в свет» Канады в качестве самостоятельного актора международных отношений.

Ключевые слова: палестинский вопрос, внешняя политика Канады, Лестер Пирсон, арабо-израильский конфликт, Генеральная Ассамблея ООН.

Несмотря на десятилетия усилий международного сообщества, палестинская проблема является одной из самых острых не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире. Канада входила в число стран, которые были вовлечены в дискуссию о Палестине, в качестве члена Генеральной Ассамблеи ООН, а позднее и Совета Безопасности. Особая роль в этих дискуссиях принадлежит канадскому дипломату Лестеру Пирсону, чья деятельность стала значимым эпизодом в разработке Плана по разделу Палестины, и в последующих переговорных процессах по проблемам урегулирования ближневосточного конфликта.

Фактически арабо-израильский конфликт начался задолго до образования государства Израиль. Более ста лет назад была создана Всемирная сионистская организация, которая выступила за создание еврейского государства на территории Палестины, основываясь на историческом прошлом евреев¹.

Важной вехой на пути ВСО к реализации идеи создания еврейского государства в Палестине была Декларация 1917 г. британского министра иностранных дел Артура Бальфура, которая сначала была одобрена правительством, а затем в виде письма направлена лорду У. Ротшильду, президенту Британской Сионистской федерации: «Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; при этом ясно подразумевается, что не должно производиться никаких действий, которые могли бы причинить ущерб гражданским и религиозным правам существующих нееврейских общин в Палестине или правам и политическому статусу, которыми пользуются евреи в любой другой стране» [11].

Позже о своем согласии с Декларацией заявили Франция, Италия и США. Поражение Османской империи в Первой мировой войне привело к разделу ее территории между странами-победителями. На 1920 г. конференции в Сан-Ремо в апреле 1920 г. Великобритания получила мандат на управление Палестиной, Трансиорданией и Ираком. В 1922 г. Декларация Бальфура была принята Лигой Наций в качестве основы британского мандата на Палестину.

Вскоре началась массовая миграция евреев в Палестину, к концу 30-х гг. XX в. достигшая полумиллиона человек. Массовый поток еврейских мигрантов вызвал недовольство арабско-

© Покровская Д. М., 2018

¹ Всемирная сионистская организация была основана в 1897 г. Ее главной целью, отмеченной в первом официальном документе – Базельской программе, было «подтвердить уверенность еврейского народа в законных основаниях жизни в Палестине» [1].

го населения, которое неоднократно требовало от правительства Великобритании повлиять на ситуацию. Однако в 1930-е гг., столкнувшись с массовыми выступлениями палестинских арабов, правительство Великобритании по существу дезавуировало свои обязательства по декларации Бальфура вплоть до принятия моратория на еврейскую миграцию в Палестину (см. «Британская «Белая книга»). Таким образом, Лондон не смог принять действенных мер по созданию еврейского национального очага, уважая при этом права и интересы нееврейского населения [9, с. 257].

После Второй мировой войны ситуация в Палестине резко обострилась. Кроме того, проблема осложнялась трагической судьбой европейских евреев, переживших холокост. Нравственный момент в решении вопроса о еврейском национальном очаге в Палестине оказал влияние на позицию держав.

Первоначально Великобритания хотела сохранить мандат на Палестину, но по мере того как ситуация в этом регионе становилась все более напряженной, британская позиция изменилась в сторону поддержания любого варианта окончания мандата, который заключался бы в мирном соглашении как с арабами, так и с евреями [12, с. 115].

В апреле 1947 г., после очередной серии еврейских и арабских погромов и восстаний в ряде городов подмандатной территории, Великобритания была вынуждена обратиться к ООН как к правопреемнице Лиги Наций с просьбой о включении вопроса Палестины в повестку дня очередной сессии Генеральной Ассамблеи [6]. Британское правительство объявило, что оно больше не может исполнять свои обязанности в Палестине, и попросило дать соответствующие рекомендации на основании статьи 10 Устава ООН² относительно будущего правительства Палестины [6]. Дальнейшая судьба палестинского вопроса стала зависеть от решения Организации Объединенных Наций. Важно отметить, что в решении этой проблемы значительную роль играли не только интересы отдельных государств, но и личностный фактор. Последнее особенно относится к канадскому дипломату Лестеру Пирсону, возглавлявшему один из комитетов Специальной комиссии ООН.

Лестер Пирсон был не только успешным дипломатом своего времени, он и по сей день входит в пятерку самых знаменитых премьер-министров Канады [10]. Он заслужил признание как в своей стране, так и в мире, является обладателем огромного количества наград, включая Нобелевскую премию мира, которой был награжден за идею создания миротворческих сил ООН. Без преувеличения именно деятельность Пирсона вывела канадскую дипломатию на новый уровень. Участие Пирсона в разрешении палестинского вопроса заложило основы будущей миротворческой деятельности Канады.

До Второй мировой войны не было никакой официальной политики Канады в отношении Палестины или арабо-сионистских споров. Канадское правительство предпочло абстрагироваться от данной проблемы. В свете растущего конфликта в Палестине это было разумным решением и достаточно легко осуществлялось, потому что Канада не имела конкретных политических, коммерческих, экономических или военных интересов на Ближнем Востоке [12, с. 14]. Ближневосточные интересы Канады складывались по мере проявления новых аспектов палестинской проблемы.

На момент издания Декларации Бальфура Канада имела статус британского Доминиона. Ввиду того что этот статус не предполагал самостоятельного проведения внешней политики, канадских лидеров не консультировали по поводу обещаний, данных в Декларации, и в последующие годы они не считали себя связанными обязательствами ее реализации. Время от времени обострялись споры относительно того, несет ли Канада юридическую ответственность, вытекающую из членства в Лиге Наций, которая присудила мандат Палестины Великобритании, но результат этих споров всегда был неясным. До сих пор остается дискуссионным вопрос, «имела ли Канада какие-либо истинные юридические обязательства по данной проблеме?» [12, с. 14]. Канада не давала оценок происходящему, канадские правительства того периода не считали нужным участвовать в палестинских делах.

Всего одна группа канадцев была жизненно заинтересована в вопросе Палестины: канадская еврейская община. Сионистское движение пыталось проводить достаточно обшир-

² «Генеральная Ассамблея уполномочивается обсуждать любые вопросы или дела в пределах настоящего Устава или относящиеся к полномочиям и функциям любого из органов, предусмотренных настоящим Уставом, и за исключением, и за исключением, предусмотренных статьей 12, делать рекомендации членам Организации Объединенных Наций, или Совету Безопасности, или членам Организации и Совету Безопасности по любым таким вопросам или делам» [8].

ную PR-кампанию по лоббированию интересов евреев в Канаде. С начала XX в. по всей стране возникали общественные движения и сионистские организации, объединенные Федерацией канадских сионистских сообществ. В последующие годы эти сообщества укоренялись и процветали. Было открыто отделение Еврейского национального фонда, являвшееся одним из основных агентств по сбору средств, с целью приобретения земель в Палестине и содействия репатриации, Еврейское колонизационное общество Канады, а также канадское отделение женской сионистской организации [13].

Однако развернутая сионистами деятельность не принесла существенных успехов. Несмотря на попытки лоббирования интересов евреев внутри страны, ни один канадский политический деятель не выступал за активную роль Канады в решении вопроса Палестины и не предпринимал попыток повлиять на позицию Великобритании.

Действительно, руководство Канады в лице ее премьер-министра Маккензи Кинга заняло прагматичную позицию по поводу участия Канады в палестинском вопросе, придерживаясь политики нейтралитета. Кинг был готов оспаривать британскую позицию лишь в том случае, когда дело касалось вопросов канадской автономии, в остальном он предпочитал ссылаться на политику Великобритании [12, с. 32].

Еще в 1921 г., впервые заняв пост премьер-министра Канады, он глубоко сочувствовал еврейским устремлениям, которые, как он утверждал, находились «в созвучии» с величайшими идеалами «англичан», и аплодировал усилиям Британии в помощи сионистскому делу. Он решительно поддержал стремление «еврейского народа» вернуться на Родину, где «они могли снова внести свой вклад в развитие мировой литературы и искусства», посредством которого «они смогли бы оказывать влияние на судьбы мира» [12, с. 13]. Но Кинг был достаточно сложным человеком, и, хотя он мог быть искренним в своих симпатиях к сионистам в абстрактном смысле, практический подход к вопросу о Палестине был продиктован конкретными соображениями, в частности его отношениями с Великобританией.

Тем не менее в 1930 г. Канада начала осторожно продвигать торговлю в Восточном Средиземноморье, в том числе открыв офис Канадской торговой комиссии в Каире. Офис был предназначен для дальнейших торговых отношений с Египтом и соседними странами, такими как «Палестина, Сирия, Ирак, Персия и Кипр» [12, с. 15]. Будучи единственным канадским дипломатическим представительством как в Египте, так и на всем Ближнем Востоке, Комиссия по торговле также имела широкий спектр обязанностей, которые обычно выполнялись консульством.

Отсутствие в Канаде выраженного коммерческого интереса к Палестине было сопряжено с отсутствием политических интересов. Никакие сионистские PR-кампании не смогли изменить позицию правительства, хотя евреи имели некоторое политическое влияние в Либеральной партии Канады и пытались мобилизовать широкую общественную поддержку через сионистские сообщества. Но к концу лета 1945 г. Канада так и не сделала каких-либо официальных заявлений Великобритании по вопросу о Палестине и не пыталась ходатайствовать об изменении британской политики. Сионистское лобби в Канаде не достигло своих целей.

В 1946 г. в Канаде происходит обновление государственного аппарата. Министром иностранных дел становится Луи Сен-Лоран, а Лестер Пирсон, занимавший до этого пост посла Канады в США, возвращается, чтобы стать его заместителем. Хотя эти изменения не внесли немедленных существенных коррективов в канадскую внешнюю политику, они приблизили центр принятия решений к двум людям – Пирсону и Сен-Лорану, которые видели мир с совершенно иной точки зрения, нежели предыдущее руководство, не стремившееся действовать обособленно от политики Великобритании. Сен-Лоран был сторонником более активной самостоятельной внешнеполитической деятельности Канады на международной арене, в свою очередь Пирсон стал одним из архитекторов этой активности. Он видел Канаду более инициативным участником мировой политики.

Пирсон начал политическую карьеру достаточно рано, уже в возрасте 30 лет он стал служить в Департаменте внешних связей Канады. В 1930-е гг. работал в Верховном Комиссариате Канады в Великобритании, участвовал в работе различных международных конференций (например, Всемирная конференция по разоружению в Женеве 1933–1934 гг. и Лондонская военно-морская конференция 1935 г.) и совещаниях Лиги Наций. В течение 1945–1946 гг. Лестер Пирсон был послом Канады в США [4]. Он был руководителем канадской делегации на Сан-Францисской конференции, где была принята хартия ООН, участвовал в создании таких организаций, как ФАО и ЮНРРА (Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций).

Работая над созданием организаций ЮНППА и ФАО, Пирсон уже касался сложнейших вопросов, связанных с проблемами беженцев и пострадавших во Второй мировой войне. Среди этих тем палестинская проблема оказалась более объемной и серьезной. Много лет спустя в своих мемуарах Пирсон напишет: «Должен признать, что я был вовлечен в особый эмоциональный путь», как христианин, который воспитывался на знаниях о важности Иерусалима [15, с. 213]. Он признается, что это был очень эмоциональный и даже личный процесс, любая ошибка деятельности Ассамблеи могла бы привести к кровопролитию и хаосу: «Мы имели дело со Святой Землей – землей уроков моей воскресной школы. На одном этапе моей жизни я знал гораздо больше о географии Палестины, чем о географии Канады. <...> Я думаю, что в глубине души я чувствовал, что касался чего-то очень близкого с моим детством и религиозным происхождением. Хотя это был только вспомогательный фактор, это сделало спор гораздо более реальным в моем сознании» [15, с. 213].

Канада была в курсе дискуссии о Палестине как член ООН. В апреле 1947 г. генеральный секретарь ООН Трюгве Ли объявил о решении секретариата о созыве Специальной сессии для организации комитета по изучению проблемы Палестины. Руководителем канадской делегации в ООН в тот момент являлся заместитель министра иностранных дел Канады Лестер Пирсон, который был избран председателем Первого (политического) комитета Генеральной Ассамблеи [14].

На первой Специальной сессии Генеральной Ассамблеи, которая началась 28 апреля 1947 г., был создан Специальный комитет Организации Объединенных Наций по Палестине (ЮНСКОП). Комитет состоял из делегатов одиннадцати «нейтральных» государств. Канаду представлял судья Айван Ренд. Представители Великобритании, арабских государств и Еврейского агентства, представлявшего интересы евреев в Палестине, в состав комитета включены не были.

Работа комиссии продолжалась два месяца. Помимо аналитической работы ее представители посетили Палестину и соседние государства – Ливан, Сирию и Трансиорданию, а также лагеря беженцев в Германии и Австрии. В результате комиссия лично ознакомилась с реальной ситуацией в лагерях еврейских беженцев и перемещенных лиц, пострадавших во время Второй мировой войны [3].

Еврейские организации предпочитали активно сотрудничать с ЮНСКОП в ее работе. Палестинское же руководство, в лице Высшего арабского комитета, приняло решение не принимать участия в расследованиях Комиссии на том основании, что ранее ООН отказалась рассматривать вопрос о независимости Палестины³.

Комиссия провела достаточно объемную работу, однако консенсуса в отношении решения палестинского вопроса достичь так и не удалось. В результате ЮНСКОП представила два отчета. Первый, который Айван Ренд подписал и решительно поддержал, рекомендовал разделение Палестины на арабское и еврейское государство с экономическим союзом и свободой транзита между ними; Иерусалим переходил под международный контроль Совета по опеке Организации Объединенных Наций. Второй доклад подразумевал создание государства Палестины как независимой федеральной структуры, включающей арабское и еврейское государства, при этом Иерусалим становился столицей федерации [5, с. 116].

В конце августа 1947 г. ЮНСКОП завершил свою работу, и в сентябре на очередном заседании Генеральной Ассамблеи был основан Специальный комитет под председательством министра иностранных дел Австралии Герберта Вере Эватта, который рассмотрел предложение арабских государств о создании независимого унитарного государства Палестина, а также отчеты и рекомендации ЮНСКОП. Созданный комитет соответственно был поделен на два подкомитета. Первый, руководителем которого являлся Лестер Пирсон, подготовил план, основанный на принципе разделения. Второй – предложил создание единого палестинского государства. Разделение, конечно же, не являлось идеальным решением, но, по мнению Пирсона, на тот момент это казалось лучшим, чего можно было достичь в данной ситуации: это единственный вариант, которой мог бы принести мир и порядок в Палестину, с некоторым признанием справедливых требований обеих сторон. Пирсон считал, что необходимо предусмотреть ассигнования для еврейского государства в Палестине, создание «национального дома» должно стать непременным условием данного урегулирования. «Его границы, однако,

³ На первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи пять арабских стран – Египет, Ирак, Ливан, Саудовская Аравия и Сирия – безуспешно пытались включить в повестку дня пункт, касающийся прекращения мандата на Палестину и провозглашения ее независимости [2, с. 4].

нужно ограничить только теми районами, где евреи уже проживали в большинстве. Со своей стороны, палестинские арабы также должны иметь собственное государство, где они были бы в большинстве. Иерусалим должен был находиться под международным контролем». Пирсон говорил о необходимости создания экономического союза с целью обеспечения жизнеспособности этого региона, где «свободный поток населения мог независимо передвигаться по всей его территории» [15, с. 213].

Часть плана, разработанного под руководством Пирсона, была одобрена. Она подразумевала вывод британских войск по окончании мандата (не позднее августа 1948 г.), территорию Палестины предполагалось разделить на два государства – арабское и еврейское, Иерусалим оставался под контролем ЮНСКОП и следовал дальнейшим рекомендациям ООН [15, с. 215].

29 ноября 1947 г. на второй очередной сессии, после интенсивных двухмесячных прений, Генеральная Ассамблея приняла план, предложенный Специальной комиссией по разделу Палестины, который подразумевал создание арабского и еврейского государства. Голосование составило 33 – «за», 11 – «против» и 10 воздержавшихся. Канада проголосовала «за» вместе с Австралией, Новой Зеландией, Южной Африкой, Бельгией, Бразилией, Францией, СССР, США и другими. Британия воздержалась, а арабские и мусульманские государства проголосовали «против». Так была принята Резолюция № 181 ГА ООН по разделу Палестины [7].

Пирсон в своих мемуарах признается, что изначально Канада не хотела поддерживать раздел Палестины без более тщательного рассмотрения. Канада являлась сторонним участником процесса и надеялась на соглашение между США, СССР и Великобританией. Пирсон, представляя доклад Совбезу, отметил, что вопрос не следует решать незамедлительно, и рекомендовал создать специальный орган, который, после прекращения мандата, взял бы на себя ответственность, пока не будут созданы два независимых государства. Но когда стало понятно, что никаких подобных соглашений не последует, канадское правительство подключилось к решению проблемы, стараясь придерживаться политики нейтралитета и объективности.

Позиция британского правительства дала понять, что оно не будет оказывать поддержку или помощь в обеспечении любого урегулирования вопроса о Палестине, не согласованного между арабами и евреями.

С учетом отношений Канады и Великобритании можно было предположить, что первая последует примеру британского руководства, отстранившись и заняв нейтральную позицию. Этому мнению придерживался и премьер-министр Канады Кинг. Однако взгляды Пирсона расходились с суждениями премьер-министра. В итоге Пирсон, вопреки позиции своего правительства, поддержал идею создания еврейского государства на Ближнем Востоке.

Пирсон никогда не сомневался в том, что решение палестинского вопроса было невозможно без признания еврейского государства в той или иной форме в Палестине. Его настойчивость в защите права еврейского народа на создание собственного национального очага, в конечном итоге, побудила правительство Канады поддержать план раздела. Хотя Кинг не желал идти вразрез с действиями британского правительства, Пирсон заявил от лица своего государства, которое к тому моменту только начинало действовать обособленно, что канадское государство способно вырабатывать свою независимую политическую линию.

Таким образом, Пирсон как представитель Канады внес значительный вклад в разработку плана раздела Палестины и подготовку Резолюции № 181 ГА ООН, которая стала «поворотным пунктом» в истории арабо-израильских отношений. Несмотря на то что не все идеи канадского политика были услышаны, его рекомендации способствовали принятию Резолюции.

Кроме того, участие Лестера Пирсона в подготовке Плана по разделу Палестины стало знаковым событием для внешней политики Канады, впервые заявившей о себе как о самостоятельном государстве, способном отстаивать свою независимую точку зрения. Идеи Пирсона заложили основные приоритеты будущей канадской дипломатии как влиятельного посредника в решении международных споров. Спустя несколько лет Канада блистательно продемонстрирует это уже при урегулировании Суэцкого кризиса.

Список литературы

1. Базельская программа // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/zionism/parties-institutions/10376/> (дата обращения: 10.10.2018).
2. Вопрос о Палестине и Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2008.
3. Доклад Подкомитета 3 о посещенных им некоторых сборных пунктов для еврейских беженцев и перемещенных лиц в Германии и Австрии // Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Дополнение 11. Официальные отчеты генеральной Ассамблеи ООН. 11. Нью-Йорк, 1958. Т. 2. Прил. 18.

4. *Израелян Е. В.* Канадская дипломатия 1940–1950-х годов: персоналии и подходы // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 141–152.
5. Истоки и история проблемы Палестины. 1917–1988 годы. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций. 1990.
6. Официальные отчеты второй сессии Генеральной Ассамблеи. Дополнение 11. Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Нью-Йорк, 1958. Т. 1. Прил. 1.
7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года № A/RES/181 (II).
8. Устав Организации Объединенных Наций. Сан-Франциско, 1945.
9. *Шаповалов М. С.* «Либеральный курс» британской политики в Палестине 1922–1928 годах // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2009. С. 243–257.
10. *Azzi S. Ranking H.* Canada's best and worst prime ministers. URL: <http://www.macleans.ca/politics/ottawa/ranking-canadas-best-and-worst-prime-ministers/> (дата обращения: 17.10.2018).
11. Balfour Declaration 1917 // The Avalon Project at Yale Law School. Yale University. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/balfour.asp (дата обращения: 17.10.2018).
12. *Bercuson D.* Canada and the Birth of Israel: A Study in Canadian Foreign Policy. Toronto : University of Toronto Press, 1985.
13. Canada – Israel Bilateral Relationship. Centre for Israel and Jewish Affairs. URL: <https://cija.ca/resource/canada-israel-shared-values/canada-israel-bilateral-relationship/> (дата обращения: 17.10.2018).
14. *Dessouki A.* Canadian Foreign Policy and the Palestine problem. Ottawa : The Middle East research centre publication, 1969.
15. *Pearson L.* Mike: The Memoirs of the Right Honorable Lester B. Pearson. Vol. 2. 1948–1957. Toronto : University of Toronto Press, 1973.

The problem of partition of Palestine in the context of Leicester Pearson's diplomatic activities

D. M. Pokrovskaya

post-graduate student of the Department of general history, assistant of the Department of international relations and political science, Tambov State University n. a. G. R. Derzhavin. Russia, Tambov.
E-mail: d.pokrovskaya68@gmail.com

Abstract. In 2018, Israel celebrates the 70th anniversary of independence. The Arab-Israeli confrontation continues during this period. Resolution 181 of the UN General Assembly, adopted in 1947, implied a plan for dividing the mandated territories of Palestine into two independent states: Jewish and Arab. The division has grown into a large-scale Middle East conflict, and the Palestinian issue today is one of the most acute and debated in the international community. The Canadian government, which has established itself as an influential mediator in resolving international disputes, has contributed to the attempts to resolve this conflict. The article analyzes Canada's policy on the Palestinian issue before the formation of the State of Israel, and also assesses Canada's role in developing a plan for dividing Palestine into the United Nations. The article considers the participation of the famous Canadian diplomat Lester Pearson in deciding the fate of Palestine, which was one of the first appearances of Canada as an independent actor in international relations.

Keywords: the Palestinian question, Canada's foreign policy, Lester Pearson, Arab-Israeli conflict, the UN General Assembly.

References

1. *Bazel'skaya programma* – Basel program // *EHlektronnaya evrejskaya ehnciklopediya* – Electronic Jewish encyclopedia. Available at: <https://eleven.co.il/zionism/parties-institutions/10376/> (accessed: 10.10.2018).
2. *Vopros o Palestine i Organizaciya Ob"edinennyh Nacij* – The question of Palestine and the United Nations. New York, 2008.
3. *Doklad Podkomiteta 3 o poseshchennyh im nekotoryh sbornyh punktov dlya evrejskih bezhencev I peremeshchennyh lic v Germanii i Avstrii* – Report of Subcommittee 3 on its visits to some collection points for Jewish refugees and displaced persons in Germany and Austria // *Special'naya komissiya OON po voprosam Palestiny. Dopolnenie 11. Oficial'nye otchety general'noj Assamblei OON* – UN Special Commission on the issues of Palestine. Supplement 11. Official records of the UN General Assembly. 11. New York. 1958. Vol.2. Ad. 18.
4. *Israelyan E. V. Kanadskaya diplomatiya 1940–1950-h godov: personalii i podhody* [Canadian diplomacy of the 1940s–1950s: personalities and approaches] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and modern history. 2017, No. 6, pp. 141–152.
5. *Istoki i istoriya problemy Palestiny. 1917–1988 gody* – The origins and history of the Palestinian problem. 1917–1988 years. New York. United Nations. 1990.

6. *Oficial'nye otchety vtoroj sessii General'noj Assamblei. Dopolnenie 11. Special'naya komissiya OON po voprosam Palestiny* – Official records of the second session of the General Assembly. Supplement 11. UN Special Commission on Palestine. New York, 1958. Vol. 1. Ad. 1.
7. *Rezolyuciya General'noj Assamblei OON ot 29 noyabrya 1947 goda № A/RES/181 (II)* – Resolution of the UN General Assembly of 29 November 1947 № A/RES/181 (II).
8. *Ustav Organizacii Ob"edinennyh Nacij* – Charter of The United Nations. San Francisco. 1945.
9. *Shapovalov M. S. «Liberal'nyj kurs» britanskoj politiki v Palestine 1922–1928 godah* ["Liberal course" of British policy in Palestine 1922-1928] // *Istoricheskij ezhegodnik* – Historical Yearbook. Novosibirsk. 2009. Pp. 243–257.
10. *Azzi S. Ranking H. Canada's best and worst prime ministers*. Available at: <http://www.macleans.ca/politics/ottawa/ranking-canadas-best-and-worst-prime-ministers/> (accessed: 17.10.2018).
11. *Balfour Declaration 1917*//The Avalon Project at Yale Law School. Yale University. Available at: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/balfour.asp (accessed: 17.10.2018).
12. *Bercuson D. Canada and the Birth of Israel: A Study in Canadian Foreign Policy*. Toronto: University of Toronto Press. 1985.
13. *Canada – Israel Bilateral Relationship*. Centre for Israel and Jewish Affairs. Available at: <https://cija.ca/resource/canada-israel-shared-values/canada-israel-bilateral-relationship/> (accessed: 17.10.2018).
14. *Dessouki A. Canadian Foreign Policy and the Palestine problem*. Ottawa. The Middle East research centre publication. 1969.
15. *Pearson L. Mike: The Memoirs of the Right Honorable Lester B. Pearson*. Vol. 2. 1948–1957. Toronto. University of Toronto Press. 1973.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 904:726.1(470.25)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.024

Крепостные сооружения Псково-Печерского монастыря: исторический аспект

И. Н. Андрейчук

соискатель ученой степени кандидата богословия, кафедры истории и теории церковного искусства, МДА; старший преподаватель кафедры теологии Псков ГУ. Россия, г. Псков.
ORCID: 0000-0001-5477-5782; E-mail: im.prohor@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию истории возникновения и специфике архитектурных особенностей крепостных сооружений Псково-Печерского монастыря. Автором изучается первоначальное состояние фортификации XVI в. и дается оценка современному состоянию крепостных сооружений. На основе изучения архивных документов, переписных книг и изображений монастыря автор прослеживает периоды строительства крепости вплоть до 1664 г. Определяется время возведения отдельных башен, показывается процесс их эволюции. Особое внимание обращается на многоугольную композицию плана как на его отличительную особенность. Выявляется определяющий фактор в разработке плана крепости и расстановке боевых башен. Автор акцентирует внимание на сходстве крепостных стен, проемов боя, форм проездов с крепостными стенами и проездами в башнях Казанского кремля. Подробно описываются характерные черты каждой башни, раскрывается их роль в исследуемом ансамбле фортификационных сооружений. Подчеркивается общегосударственное значение Псково-Печерской крепости. Подводя итоги, автор приходит к выводу об участии в строительстве крепости мастеров, знакомых с приемами фортификационной практики, сложившейся в Москве. В заключение автор обращает внимание на то, что крепостные сооружения Псково-Печерского монастыря являются памятником культуры, усиливающим целостное восприятие ансамбля монастыря.

Ключевые слова: архитектура, башни, история, крепость, укрепления.

Одной из характерных особенностей Псково-Печерского монастыря является наличие крепостных сооружений с массивными каменными стенами и боевыми башнями, выложенными из плит местного известняка. Эти сооружения представляют собой яркий образец того, как решались инженерные и фортификационные задачи псковскими зодчими в условиях непростой и пересеченной местности. Крепостная ограда отличается прочностью и в свое время предназначалась, в первую очередь, для военно-оборонительных целей. Инициатором и руководителем строительства укреплений обители во второй половине XVI в. явился святой игумен Корнилий, о чем упоминает монастырская летопись: «Таже в лето 7073 содела около монастыря ограду камену велику, и над святыми враты устрои церковь во имя святого Николая чудотворца, Архиепископа Мирликийских, способствовавшу ему в строении храма сего некоему Павлу Заболотскому, во иноцех Пафнутию» [9, с. 9]. При тщательном изучении вопроса строительства Печерской крепости складывается впечатление, что в ее возведении принимали участие те же мастера, что создавали до этого оборонительные сооружения и храмы в Казани. Во всяком случае, в начале 60-х гг. XIV в. в псковской архитектуре фиксируется то же направление, которое бурно развивалось в 1546–1555 гг. и было затем перенесено псковичами в Казань [14, с. 220]. Возвращение же псковских мастеров из Казани определялось, очевидно, общегосударственной необходимостью, связанной с обстоятельствами Ливонской войны. В вопросе о начале строительства ограды мнения большинства исследователей совпадают (М. Х. Алешковский [1, с. 156], Г. Рабинович [12, с. 59–64], Ю. Г. Малков [6, с. 76]). Предполагается, что строительство каменных укреплений было ознаменовано началом Ливонской войны в 1558 г. и, скорее всего, именно опасность вторжения иноземцев и послужила главной

причиной их возведения. Событием, венчавшим окончание устройства крепостной стены, явилось освящение в 1564–1565 гг. надвратного Никольского храма.

Стены монастырской крепости, длина которых составляет почти 800 м, располагаются в форме неправильного многоугольника. Высота в некоторых местах достигает 8–10 м, а толщина составляет порядка 1,5–2 м. Кладка монастырских стен произведена из отесанных камней прямоугольной формы самых различных размеров – длиной от 20 до 80 см, лицевая сторона которых тщательно отделана. Для скрепления использован известковый раствор с примесью песка и мелких осколков кирпича, в промежутки между лицевыми сторонами стен уложены валуны и необработанные камни. По всему периметру стен расположены бойницы. Крепостные сооружения имеют два яруса боя: нижний, подошвенный, и верхний – в уровне по-псковски прямоугольных зубцов. Такой характер стен близок к крепостным стенам казанского кремля, отсутствует только валик, членивший стену.

На протяжении всей длины крепостной ограды возвышаются боевые башни: как круглые, так и четырехугольные, высотой «в камне» до 25 м. Все они имеют по два входа, один с уровня земли, второй – с боевой площадки стены. Стандартная ширина этих арочных проемов 1,2 м, при высоте до 2 м. Сохранившихся боевых башен сейчас девять, от них расходятся прясла – участки стен, соединяющие комплекс в одно целое. Однако стоит отметить, что не все башни, особенно расположенные в южной части, выстроены в местах преломления стен, но, несмотря на этот факт, непростреливаемых участков из-за кривизны ограды крепость не имеет.

Своеобразное расположение монастыря на неровной и сильно пересеченной местности, в низине которой протекал ручей, стало определяющим фактором в разработке плана крепости и расстановке боевых башен. Рассмотрим характерные особенности башен крепости.

Из двух круглых башен на северо-западном, самом ровном, участке стены до нашего времени в своем исконном облике дошла только Тюремная (Острожская) башня. Трехъярусная бывшая «наугольная» башня, упомянутая впервые в Описи 1586 г. [11, с. 255], в свое время выполняла функции острога-тюрьмы. Диаметр ее составляет около 7 м, а бойницы, расположенные в шахматном порядке, имеют камеры и расширяющиеся растремом проемы боя, напоминающие проемы более крупных круглых башен в Казани.

Следующая по направлению против часовой стрелки – мощная круглая угловая Тайловская (Слободская) башня. Первоначальная Тайловская башня, указанная в Описи 1586 г. [11, с. 255], не сохранилась: согласно сводной «Повести о Псково-Печерском монастыре», она была разрушена при осаде обители в 1611 г. литовцами, которые «пушки поставиша от Тайловы слободы и пробиша стену и Тайловскую башню розбишатаже до конца» [10, л. 286]. Однако вскоре башня была восстановлена. В Переписной книге 1639 г. башня упоминается как новая: «в Тайловской в новой башни в нижнем бою пицаль железная на собачке...» [7, л. 7]. Башня располагается в западной части крепости и представляет собой весьма внушительное сооружение, достигающее 17 м высоты, с толщиной стен 2,5 м и с расположенными в три яруса 37 бойницами. Северо-западная ее часть перевязана кладкой со стеной, а в южной части между стеной и башней имеется глубокая щель. С внутренней стороны стена Тайловской башни опирается на прилегающие стены посредством арки. Особенностью башни считается легкий выступ в верхней части с бойницами навесного боя.

Четырехугольная Башня Верхних решеток, указанная в Описи 1586 г. [11, с. 255], находится в самой низине оврага и является самой высокой в крепости – 25 м «в камне», с толщиной стен до 3 м в нижних ярусах. В подошве башни расположена небольшая арка, через которую ручей Каменец протекает внутрь крепости. В башне раньше находилась подъемная решетка, опускавшаяся при нападении неприятеля и закрывавшая доступ в крепость по ручью, но одновременно оставлявшая свободный проход для течения воды. За стенами башни сохранилось шесть боевых ярусов не только с бойницами, но и с широкими камерами для установки пушек. Особенное территориальное расположение башни послужило причиной того, что ее верх был поднят выше оврага посредством возведения на ней деревянной надстройки. К тому же шатёр венчался дозорной площадкой, открывающей хороший обзор на ближайшую местность и подходы к крепости. В 2009 г. на башне был установлен новый позолоченный флюгер, изображающий трубящего ангела. Тогда же был сделан замер высоты всей башни: от подошвы до шпиля она составляет 44 м.

С юго-западной стороны оврага возвышается Тарарыгинская (Зачудотворная) башня. Впервые башня упоминается в описи Н. Мезецкого 1631 г. как угольная [13, с. 469]. Новой

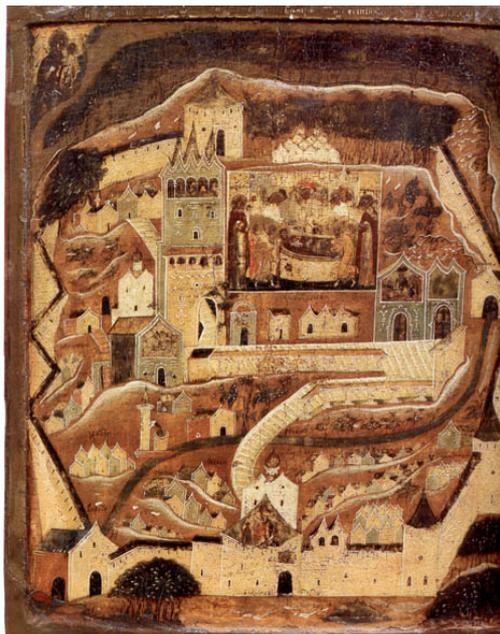

Рис. 1. Икона «Успение Пресвятой Богородицы» с предстоящими Антонием и Феодосием Печерскими и видом Псково-Печерской обители. До 1630 г. Государственный музей-заповедник «Коломенское» в Москве

с. 220]. В Изборской башне въездная арка утоплена в прямоугольном углублении, однако характерным для псковского зодчества было расположение арки как бы вырезанной в стене. Кроме того, коленчатая форма проезда сопоставима с проездом в башнях Казанского кремля. Все это позволяет еще раз подчеркнуть факт участия в строительстве Печерской крепости мастеров, вернувшихся из Казани.

Благовещенская башня располагается также на юго-восточной стороне крепости. Названная Н. Мезецким в 1631 г. «Новой» [13, с. 469], она отличается отсутствием перевязки кладки башни с крепостными стенами, что также свидетельствует о ее поздней постройке. Башня имеет прямоугольную форму. В документе Мезецкого упоминается четыре яруса боев, но до настоящего времени сохранилось только три яруса, засыпанных с северо-западной стороны землей. Можно предположить, что это обстоятельство связано с сооружением с тыльной стороны башни в начале XVIII в. бастиона, допуская при этом, что верхний этаж здания был разрушен. При обращении к «плану» Ф. Ласковского, где обозначение этого боевого укрепления отсутствует и виден только полуредут с лицевой стороны башни [4, с. 239], сомнения исключаются, так как при детальном изучении этого чертежа можно найти еще много несоответствий. Бастион сохранился, верх его украшается деревянной «Петровской» беседкой. Вероятно, здесь находился один из командных пунктов, которых, по причине рассеченности монастыря на две части оврагом, предполагалось несколько. Народное предание, напрямую связывая сооружение этой насыпи с именем Петра I, дает информацию лишь о том, что «на сем месте царь курил».

Башня Нижних решеток с воротами, стоящая на дне глубокого оврага, находится в северной части крепости и достигает 18 м «в камне». Башня сильно пострадала во время осады в начале XVII в. [2, с. 115] Она была построена по подобию башни Верхних решеток, но ниже по руслу ручья. В ее цокольной части имеется арка, через которую ручей вытекает из монастыря. Каменный свод арки в древности закрывался подъемной железной решеткой с целью защиты крепости от проникновения внутрь осаждающих. Для башни характерно наличие четырех боевых ярусов. На трех нижних ярусах расположено по четыре бойницы с широкими боевыми камерами, на самом верхнем ярусе – семь бойниц. Такое расположение позволяло контролировать все направления возможных атак неприятеля. С северной стороны от башни находятся проезжие Нижние хозяйственные ворота. Расположены они в утолщении стены и перекрываются коробовыми сводами с подпружными арками. В этом месте толщина стены достигает шести метров. В целях защиты над воротами были устроены дополнительные бой-

башня называется вслед за Тайловской в Переписной книге 1639 г. [7, л. 7] Это обстоятельство дало повод исследователю монастырского ансамбля Г. Рабиновичу сделать ошибочное предположение, что башня изначально была круглой, как это полагалось по правилам регулярной фортификации, но впоследствии разрушенная, как и Тайловская, до основания, она была перестроена четырехугольной в плане. Данное заключение не может быть верным, так как изображение башни отсутствует на иконе первой четверти XVII в. (рис. 1) и сама башня никак не упоминается в древних летописных сказаниях об осадах Печерской обители.

Изборская башня с воротами, известная также по описи 1586 г. [11, с. 255], венчает юго-восточную сторону Печерской крепости. В основании башня подковообразная и во многом схожа с надвратной Никольской. Проход по ней также преломляется почти под прямым углом. В отличие от других башен, во втором ярусе этой имеются наклонные бойницы, напоминающие машикули, но без наклона стены: бойницы устроены в толще вертикальной стены. Такое устройство бойниц свидетельствует о знакомстве зодчих с архитектурой Средней России, где машикули были распространенным явлением [14,

ницы в виде машикуль, между которыми в настоящее время закреплен киот с мозаичным изображением Спаса Нерукотворного.

Никольская башня с примыкающей к ней Никольской церковью играла важную фортификационную роль, защищая проездные пути и главные ворота крепости. Данная башня, впервые упомянутая при осаде монастыря в 1581 г. [5, с. 41], практически до середины XVII в. выполняла функции «захаба» и в ней располагался главный вход в монастырь. Подковообразная в плане воротная башня имела три яруса бойниц. Внутри нее проезд осуществлялся не по прямой линии, а переламывался почти под прямым углом, образуя тем самым колено, существенно затруднявшее врагу доступ на территорию крепости. При этом немаловажная роль башни заключалась в прямом сообщении с Никольским храмом, расположенным возле крепостной стены и служащим надежным укрытием для защитников крепости от ядер и пуль осаждающих. Стены этой башни украшала фресковая живопись: над воротами – образ Одигитрии с предстоящими Антонием и Феодосием Киево-Печерскими, а с северо-восточной стороны – образ Софии Премудрости Божией [8, л. 3].

На месте несохранившейся Брусовой башни, прямоугольной, судя по названию, построенной к 1639 г. [6, с. 76], расположен величественный Михаило-Архангельский собор, имеющий отдельный выход за стены крепости. Возможно, это обстоятельство послужило поводом к неверному заключению о существовании в начале XVIII в. на этом месте входа в монастырь, который ошибочно Ф. Ласковским представлен в чертеже «Плана» рассеченным полуредутом. При этом на чертеже отсутствует и само обозначение башни. По нашему мнению, при возведении «петровских» оборонительных укреплений у стен башни был сооружен бастион, но не снаружи, а, как в случае с Благовещенской, внутри монастыря. Верхние этажи при этом были разрушены до уровня стен. По прошествии ста лет остатки башни разобрали во время подготовки площадки для строительства собора. Предположительно, камни применялись для укрепления фундамента будущего храма, а земля от бастиона была использована для укрепления склона (в этом месте его рельеф заметно выступает вперед).

Рис. 2. Псково-Печерский монастырь.
Рисунок Н. Витсена

Главным входом в монастырь сейчас являются Святые врата, которые расположены в основании Петровской башни. По своим архитектурным формам она напоминает крепостные башни Верхних и Нижних решеток, но значительно ниже их по высоте. Каменная башня была построена к 1664 г. (в декабре этого года ее изобразил на своем рисунке путешественник Н. Витсен) (рис. 2) [3, с. 221]) на месте уже существовавшей к тому времени деревянной, замкнув таким образом каменное кольцо монастырского «захаба». Пристройка во второй половине XVII в. нового угла каменных стен при входе в монастырь позволила усилить фортификационную мощь крепости. В случае прорыва неприятеля через входные ворота он

оказывался в каменном мешке (захабе) под обстрелом с трех башен: Петровской, Тюремной и Никольской. Площадка, расположенная между

этими башнями и ограниченная со всех сторон стеной, называлась острогом и представляла собой неправильный треугольник. В Переписной книге 1682 г. указано, что над вратами находилось художественное изображение: «...на острожных воротах написано надстенным писмом образ Успение Пречистые Богородицы на красках, а по сторонам благоверные князи Всеволод и Домант» [8, л. 3]. Сверху каменной постройки была надстроена деревянная караульная башенка. Функции самой башни находим в описании, сделанном архимандритом Аполлосом: «...башня служила вместо маяка, с которого наблюдали и сообщали о приближении неприятеля» [2, с. 115]. Примечательно, что башню он при этом называет Никольской (Николаевской), а не Петровской.

Внимательное изучение сохранившихся изображений монастыря на иконах XVII в. и в архивных документах позволяет проследить периоды строительства крепости вплоть до 1664 г. Первоначально, при игумене Корнилии, крепостная стена была усилена башнями

только на более значимых участках. По Описи 1586 г. монастырская крепость имела, как мы отметили, следующие башни: Никольскую «отводную», пристроенную к Никольскому храму; две «угольные» башни – Тюремную (Острожскую) и Тайловскую, перекрывавшие подступы к монастырю со стороны дороги в Ливонию; две башни в овраге – Нижних и Верхних решеток – и Изборскую воротную башню – единственную тогда на юго-восточной стороне крепости [11, с. 255–272]. Увеличение же числа башен происходило постепенно по мере роста как оборонного значения крепости, так и экономических возможностей Печерской обители.

Таким образом, строительство и усовершенствование башен было актуальным в монастыре на протяжении целого столетия. План крепости складывался постепенно, что, условно, отразилось и на характере архитектуры построек.

Подводя итоги, отметим, что благодаря своей мощности и неприступности монастырская крепость на протяжении нескольких веков оставалась одним из важных форпостов, защищавших западные границы России. Неоднократно ей представлялась возможность сыграть значительную роль в военной истории Отечества посредством того, что она выдерживала многочисленные нападения и осады неприятелей. Псково-Печерская крепость, безусловно, обладала общегосударственным значением, следствием чего явился установленный на надвратной Петровской башне герб Российского государства (снятый в годы Гражданской войны).

В заключение подчеркнем, что оборонительные сооружения Псково-Печерского монастыря, в период Средневековья олицетворявшие собой неприступность и мощь обители, в настоящее время являются общенациональным памятником культуры, усиливающим, наряду с церковными зданиями, целостное восприятие архитектурного ансамбля монастыря.

Список литературы

1. Алешковский М. Х. Каменные стражи. Путеводитель по древним крепостям. Л., 1971. 176 с.
2. Аполлос (Беляев Иван Георгиевич), архим. Первоклассный Псково-Печерский монастырь. 2-е изд., доп. Остров, 1893. 176 с.
3. Витсен Н. Путешествие в Московию. СПб., 1996. 293 с.
4. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Атлас чертежей. СПб., 1861. Т. 2. 972 с.
5. Малков Ю. Г. Летопись Псково-Печерского монастыря, или Исторические сказания о Свято-Успенской Псково-Печерской обители и ее святых. (С прибавлением службы им в Неделю 4-ю по Пятидесятнице). М., 1993. 198 с.
6. Малков Ю. Г. Новые материалы к истории архитектурного ансамбля Псково-Печерского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1982. Вып. 2. С. 65–81.
7. Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1639 г. // Государственный архив Псковской области. Ф. 499. Оп. 1. Д. 112. 270 л.
8. Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1682 г. // Государственный архив Псковской области. Ф. 499. Оп. 1. Д. 452. 377 л.
9. Повесть о начале и основании Псковского Печерского первоклассного монастыря, взятая из древних летописцев, обретающихся в книгохранилище некоего монастыря. 2-е изд. Псков, 1849. 158 с.
10. Повесть о Псково-Печерском монастыре // РНБ. Рук. Солов. № 628. 290 л.
11. Псковский Печерский монастырь в 1586 году // Старина и новизна: Исторический сборник. СПб., 1904. Т. 7. 306 с.
12. Рабинович Г. И. Архитектурный ансамбль Псково-Печерского монастыря // Архитектурное наследство. М., 1956. № 6. С. 57–86.
13. Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 6: Псков и его пригороды. Кн. 2. М., 1914. 555 с.
14. Седов В. В. Псковская архитектура XVI в. М., 1996. 306 с.

Fortifications of the Pskov-Pechersk monastery: historical aspect

I. N. Andreychuk

PhD degree seeking student of theology, Department of history and theory of Church art, MDA;
senior lecturer, Department of theology, Pskov State University. Russia, Pskov.
ORCID: 0000-0001-5477-5782. E-mail: im.prohor@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the research of the history of the origin and to the specificity of the architectural features of the Pskov-Pechersky monastery's fortifications. The author studies the initial state of fortifications of the 16th century and assesses the current state of the fortress. The author traces the period of construction of the fortress up to 1664 based on the study of archival documents, census books and images of

the monastery. The construction time of each separate tower is determined, the process of their evolution is shown. Particular attention is drawn to the polygonal composition of the plan, as its distinctive feature. The decisive factor in the development of the fortress plan and in the location of battle towers is identified. The author focuses on the resemblance of fortress walls, embrasures, forms of passageways to fortress walls and passageways in the towers of the Kazan Kremlin. The characteristic features of each tower are described in detail, their role in the ensemble of investigated fortifications is revealed. The state significance of the Pskovo-Pecherskaya fortress is emphasized. Summing up, the author makes a conclusion about the participation of masters, familiar with methods of fortification practice developed in Moscow, in the process of the fortress construction. In conclusion, the author draws attention to the fact that the fortress of the Pskovo-Pechersky monastery is a cultural monument that enhances the holistic perception of the ensemble of the monastery.

Keywords: architecture, towers, history, fortress, fortifications.

References

1. Aleshkovskij M. H. *Kamennye strazhi. Putevoditel' po drevnim krepostyam* [Stone guards. Guide to ancient fortresses]. L. 1971. 176 p.
2. Apollos (Belyaev Ivan Georgievich), arhim. *Pervoklassnyj Pskovo-Pecherskij monastyr'* [First-class Pskov-Pechersk monastery. 2nd publ., add.]. Ostrov. 1893. 176 p.
3. Witsen N. *Puteshestvie v Moskoviyu* [The journey to Moscoviya]. SPb. 1996. 293 p.
4. Laskovskij F. *Materialy dlya istorii inzhenerenogo iskusstva v Rossii. Atlas chertezhej* [Materials for the history of engineering in Russia. Atlas of drawings]. SPb. 1861. Vol. 2. 972 p.
5. Malkov YU.G. *Letopis' Pskovo-Pecherskogo monastyrya, ili Istoricheskie skazaniya o Svyato-Uspenskoj Pskovo-Pecherskoj obiteli i ee svyatyh. (S pribavleniem sluzhby im v Nedelyu 4-yu po Pyatidesyatnice)* [Chronicle of the Pskov-Pechersk monastery, or Historical tales of the Holy Dormition monastery of the Pskov-Pechersk saints. (With the addition of service to them in the 4th week of Pentecost)]. M. 1993. 198 p.
6. Malkov YU. G. *Novye materialy k istorii arhitekturnogo ansamblya Pskovo-Pecherskogo monastyrya* [New materials to the history of architectural ensemble of the Pskov-caves monastery] // *Restavraciya i issledovaniya pamyatnikov kul'tury* – Restoration and research of cultural monuments. M. 1982. Vol. 2. Pp. 65–81.
7. *Perepisy kniga Pskovo-Pecherskogo monastyrya 1639 g.* – Census book of the Pskov-Pechersk monastery in 1639 // *Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti* – State archive of the Pskov region. F. 499. Inv. 1. File 112. 270 sh.
8. *Perepisy kniga Pskovo-Pecherskogo monastyrya 1682 g.* – Census book of the Pskov-Pechersk monastery in 1682 // *Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti* – State archive of the Pskov region. F. 499. Inv. 1. File 452. 377 sh.
9. *Povest' o nachale i osnovanii Pskovskogo Pecherskogo pervoklassnogo monastyrya, vzyataya iz drevnih letopiscev, obretayushchihysya v knigohranitel'niceonogo monastyrya* – The story of the beginning and foundation of the Pskov Pechersk first-class monastery, taken from the ancient chroniclers, found in the book-keeping monastery. 2nd publ. Pskov. 1849. 158 p.
10. *Povest' o Pskovo-Pecherskom monastyre* – The story of the Pskov-Pechersk monastery // *RNB – RNL. Head. Solov. No. 628.* 290 sh.
11. *Pskovskij Pecherskij monastyr' v 1586 godu* – Pskov Pechersk monastery in 1586 // *Starina i novizna: Istoricheskij sbornik* – Antiquity and novelty: Historical collection. SPb. 1904. Vol. 7. 306 p.
12. Rabinovich G.I. *Arhitekturnyj ansambl' Pskovo-Pecherskogo monastyrya* [Architectural ensemble of the Pskov-Pechersk monastery] // *Arhitekturnoe nasledstvo* – Architectural heritage. M. 1956, No. 6, pp. 57–86.
13. *Sbornik Moskovskogo arhiva Ministerstva yusticii* – Collection of the Moscow archive of the Ministry of justice. Vol. 6: Pskov and its suburbs. Book 2. M. 1914. 555 p.
14. Sedov V.V. *Pskovskaya arhitektura XVI v.* [Pskov architecture of XVI century]. M. 1996. 306 p.

Обувь жителей Кунгура второй половины XVIII–XIX в. по данным археологии*

Л. В. Романова¹, А. В. Усов², Н. А. Чурилова³

¹инженер научно-исследовательской части, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Россия, г. Пермь. E-mail: yoharen@list.ru

²инженер научно-исследовательской части,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Россия, г. Пермь. E-mail: usoff_alex@mail.ru

³заведующая реставрационными мастерскими, Пермский краеведческий музей.
Россия, г. Пермь. E-mail: pkmrestavr@yandex.ru

Аннотация. В статье дается описание результатов проведенной в 2017 г. реставрации кожаной обуви, собранной в ходе археологических раскопок памятника археологии «Кунгур – кремль и посад, поселение». Хронологические рамки исследования – вторая половина XVIII–XIX в. Объект исследования – образцы кожаной обуви из культурного слоя памятника. Кожаная обувь – достаточно редкая находка в культурных слоях прикамских городов. Коллекция кожаной обуви, найденной при раскопках в 2016 г., является наиболее крупной за всю историю археологического изучения г. Кунгура Пермского края. Целью данной работы является описание найденных и отреставрированных образцов обуви и сопоставление данных археологических исследований с немногочисленными сведениями о развитии кожевенного и скорняжного дела в Кунгуре, полученными из письменных источников.

На основании изученной коллекции можно сделать вывод о распространении влияния европейской моды на одежду и обувь горожан второй половины XVIII–XIX в. Собранная коллекция обуви дает представление о том, какую обувь носили жители уездного города, о ее внешнем виде, материале, способах изготовления. Проведенная работа позволила значительно пополнить коллекцию обуви Пермского краеведческого музея новыми уникальными образцами и расширить наши знания о жизни и быте горожан, полученные из письменных источников.

Ключевые слова: археологические исследования, реставрация, кожаная обувь, кожевенное производство, город.

Введение

Обувь, как целая, так и ее фрагменты, нечастая находка при раскопках памятников XVIII–XIX вв. в Пермском крае. Обычно изделия из кожи сохраняются в достаточно влажном или сильно унавоженном слое. Дополнительные сложности представляет необходимость консервации кожаных изделий сразу после извлечения из слоя, чтобы избежать их пересыхания. Часто состояние этих предметов требует вмешательства высококвалифицированного реставратора. Коллекции кожаной обуви, собранные при раскопках заводских поселений и городов Пермского края, до настоящего времени не были систематизированы и не введены в научный оборот. Информация о таких находках разрознена по отдельным небольшим статьям [8; 15].

Гораздо более изучены коллекции средневековой кожаной обуви других городов России. Так, в научный оборот ранее уже введены коллекции средневековой кожаной обуви Новгорода, Пскова, коллекции археологической кожи Москвы, Мангазеи, Твери. Накопление значительного объема материала требовало создания методики описания и изучения обуви. На материале коллекций Пскова и Старой Ладого Е. И. Оятевой разработана классификация обуви по трем основным характеристикам: материалу, конструкции и назначению [11, с. 79]. Для коллекции обуви XVII–XVIII вв. из раскопок Томского кремля исследователями выделено четыре типа: поршни, туфли, сапоги и башмаки [18, с. 69]. На основе материалов археологических исследований Мангазеи Г. П. Визгаловым и С. Г. Пархимовичем [3, с. 79] выделено два основных конструктивных типа кожаной обуви: мягкой и жесткой конструкции. К первой отнесены поршни, ко второй – сапоги и туфли как без каблука, так и с наборными кожаными либо деревянными каблуками. На материалах Тобольска И. В. Балюнов относит к обуви мягкой конструкции кроме поршней также и мягкие туфли [1, с. 180].

© Романова Л. В., Усов А. В., Чурилова Н. А., 2018

* Статья подготовлена в рамках научной конференции «Археология позднего Средневековья и Нового времени в Урало-Поволжье: от археологических источников к историческим реконструкциям», г. Уфа, 2018 г.

Зачастую по фрагменту бывает сложно восстановить внешний вид обуви, что затрудняет ее классификацию, а количество целых образцов крайне невелико. В Пермском краеведческом музее хранится всего несколько образцов археологической обуви: кожаные плетеные лапти и простые поршни, найденные при раскопках в Соликамске, Орле-городке, Верхне-Чусовских городках, фрагменты поршней, котов и одна туфля без задника из г. Перми, коты и туфли из погребений некрополя на территории г. Перми. В отличие от европейской части России и Сибири формирование коллекции археологической обуви Пермского Прикамья начато совсем недавно.

Тем более ценной кажется находка шести целых образцов кожаной обуви и многочисленных фрагментов, полученных при раскопках в г. Кунгуре в 2016 г. Целью данной работы является описание и ввод в научный оборот восстановленных и отреставрированных изделий, характеризующих типовую обувь жителей уездного города конца XVIII – первой половины XIX в.

Памятник археологии «Кунгур – кремль и посад, поселение» расположен на территории г. Кунгура Пермского края. Город основан в 1648 г. выходцами из городов Чердыни и Соликамска в двух верстах от места впадения р. Кунгурки в р. Ирень. Вскоре городок заселен был посадскими людьми и уездными крестьянами Вятки, Сольвычегодска и Устюга Великого. В 1662–1663 гг. восставшие башкиры разорили многие находившиеся поблизости от башкирских русские селения, взяли приступом и сожгли Кунгур.

В 1663 г. Кунгур был заложен повторно на новом месте, на высоком холме между близко сошедшимися Иренью и Сылвой, где располагалось с. Мысовское. В 1673–1675 гг. город был обнесен деревянной крепостью с восемью башнями и двумя проезжими воротами. Городские строения располагались на равнине между реками и частично за р. Сылвой.

Археологические исследования в исторической части г. Кунгура были начаты в 1991 г., когда П. А. Корчагиным были выявлены остатки усадьбы XVIII в. и городского кладбища. В 1992 г. археологическое изучение города продолжено Н. Е. Соколовой. Ею были исследованы остатки усадеб конца XVIII в. и второй половины XIX в. В 2005–2009 гг. были изучены остатки хозяйственных сооружений XVIII – первой половины XIX в.

Работы конца XX – начала XXI в. в основном ограничивались экспертизами на ограниченной площади, большей частью показывавшими разрушение культурных напластований в ходе более поздней застройки. Были зафиксированы следы хозяйственных построек и многочисленные находки, датируемые второй половиной XIX – первой половиной XX вв. Исследования носили узколокальный характер, ограничивались шурфами, траншеями и небольшими раскопами площадью до 16 кв. м.

Масштабные работы были проведены А. С. Жуковским в 2005–2006 гг. и Н. Е. Соколовой в 2009 г. Ими были изучены остатки хозяйственных сооружений XVIII – первой половины XIX в.

В результате проведения археологических работ получены многочисленные артефакты, характеризующие историю города: монеты, изразцы, инструменты и орудия труда (ножи, топоры и пр.), глиняные и оловянные игрушки, многочисленная стеклянная и керамическая посуда, керамические и деревянные курительные трубки, тельные крестики, шпаги и ножны.

Материалы и методы

В сентябре 2016 г. Камской археологической экспедицией Пермского государственного национального исследовательского университета под руководством А. В. Усова были проведены полевые археологические исследования на территории памятника «Кунгур – кремль и посад, поселение» неподалеку от Успенской церкви, построенной в 1761 г. на приношения прихожан. Раскоп площадью 30,5 м² располагался параллельно красным линиям квартала. В раскопе отсутствуют какие-либо объекты и сооружения.

Наиболее интересную часть происходящей из раскопок коллекции составили изделия из кожи, в основном обувь и фрагменты обуви, которые являются редкой находкой для культурных слоев памятников археологии Нового времени в Прикамье. В коллекцию вошли свыше 30 фрагментов кожаных изделий, в том числе кожаный корешок книжного переплета.

Культурный слой изученного участка представлял собой прослойки древесной щепы, опила и толченой древесной коры. Можно предполагать, что эти материалы являлись отходами находившегося неподалеку кожевенного производства. Известно, что «одубину» – толченую ивовую и дубовую кору, которую использовали при дублении кож, после использования «вытряхивали за окошко» [9, с. 14], затем сгребали и использовали при подсыпке берегов

и сырых мест, а также «для покрытия гряд». Место, на котором проводились раскопки, расположено на узком перешейке между реками Сылва и Ирень. Судя по мощности слоя, участок подсыпался с целью осушения не единожды.

Все найденные фрагменты и целые образцы происходили из мощной (более 2 м) пачки слоев, представлявших собой по большей части прослойки толченой коры, древесной щепы, илистого песка. Так как фрагменты кожи и немногочисленные фрагменты неполивной гончарной керамики являлись основным вещевым материалом, то безусловная датировка весьма затруднительна. По найденным монетам и бутылочному клейму всю пачку слоев можно датировать концом XVIII – первой половиной XIX в. К этому периоду и отнесена вся собранная обувь.

Культурные слои изученного участка сильно насыщены влагой, что обеспечивает высокую сохранность органических материалов. В ходе исследований была собрана очень представительная коллекция различных изделий из кожи, включая многочисленные фрагменты и обрезки. Высокая концентрация изделий из кожи, фрагментов и обрезков кожи может свидетельствовать о наличии неподалеку сапожной мастерской, отходы производства от которой были высыпаны у дороги, возможно, также с целью осушения.

Реставрационные мероприятия проводились в реставрационной мастерской Пермского краевого музея Н. А. Чуриловой. У всех изделий кожа была деформирована и пересушена, имелись трещины, разрывы и утраты кожи. Работы по реставрации проводились в несколько этапов. 1. Механическая чистка: с обуви скальпелями и кистями были удалены поверхностные загрязнения. 2. Влажная расчистка проводилась дистиллированной водой с незначительным добавлением жирующего вещества, без погружения предметов в раствор. 3. Консервация. На изделиях 1–5 проведено многократное жирование кожи водным раствором «Ловенол» с промежуточными просушками в естественных условиях в слоях фильтровальной бумаги для удаления избытка влаги и придания формы деталям обуви. На участках с хрупкой и крошащейся кожей пропитка проводилась «Ловенолом» с добавлением пластичного акрилового клея «Lascaux». Консервация изделия № 6 выполнена погружением в водно-спиртовой раствор ПЭГ (полиэтиленгликоль) 400 и ПЭГ 1500 с последующим вымораживанием. 4. Восстановление формы и конструкции обуви. Разрывы и мелкие утраты кожи продублированы тонкой шерфованной кожей на акриловый клей «Lascaux». Детали обуви соединены клеем ПВБ.

Описание изделий

Далее приведем описание подлежащих реставрации предметов. Методика изучения и принципы научного описания кожаной археологической обуви разработаны Д. О. Осиповым [10, с. 23]. Описание выполнено с помощью терминов, принятых в материаловедении и конструировании обувных изделий.

Почти вся найденная обувь, за исключением одной туфли, может быть отнесена к обуви жестких форм, следуя типологии, предложенной Г. П. Визгаловым и С. Г. Пархимовичем для кожаной обуви Мангазеи [3, с. 79].

Обувь имеет поднаряд либо сшита из двух слоев кожи, у одной туфли сохранились остатки шелкового подклада. Два экземпляра имели берестяную прокладку в подошве. По крою вся обувь симметрична, то есть не разделена на правую и левую ноги. Обувь изготовлена из хорошо продубленной, без признаков расслоения, кожи крупного рогатого скота. Детали обуви сшиты нитями из растительного волокна, каблуки и подошвы подбиты деревянными либо металлическими гвоздиками. В качестве элементов декоративной отделки использованы отделка верхнего края тканью или кожей, рант, линование.

Детская туфля (см. рис. 1, 1). Сохранившаяся часть туфли полностью сшита из тонкой кожи. Верхняя часть пришита к подошве из нескольких прошитых слоев кожи. Задник утрачен. Длина по подошве составила 15 см.

Подошва женской туфли на наборном кожаном каблуке (рис. 1, 2). Каблук подбит железными гвоздиками. По краю подошвы сохранились остатки двух-трех рядов маленьких деревянных гвоздиков. Между слоями кожи подошвы – берестяной супинатор. Всего сохранилось четыре слоя кожи толщиной около 1 мм. Наборный каблук состоит из девяти слоев кожи. В носочной части подошва также укреплена дополнительными слоями кожи. Подошва стоптана наружу.

Рис. 1. Обувь, найденная при раскопках памятника «Кунгур – кремль и посад, поселение», после реставрации

Женская туфля с кожаным бантом (рис. 1, 3). Подошва туфли плоская, между слоями кожи присутствует берестяная вставка на всю длину подошвы. Каблук низкий, наборный из трех-четырех слоёв бересты, обтянут кожей, с оформлением декоративной строчкой. Каблук подбит железными и деревянными гвоздиками. Край подошвы оформлен узким рантом по всей длине, исключая каблук. Внутри туфли сохранились фрагменты шелкового подклада. Верхняя часть туфли сшита из трех деталей – головки и двух половинок задника, цельнокроеных с лентами банта. Ленты кожи, образующие бант, были надставлены для увеличения их длины и завязаны в узел. Края лент имеют форму заостренных лепестков. Носок туфли острый. По верхнему краю туфли сохранились отверстия – следы шва. Возможно, по краю имелась обтачка из ткани.

Подошва с фрагментами верхней части котов (рис. 1, 4). Головка котов состоит из одной детали, цельнокроеной с задником. На пятке деталь сшита. Головка сшита из двух слоев кожи мездровой стороной вовнутрь. По краю верхней части видны следы шва. Можно предположить наличие голенища, которое обычно было суконным. По швам сохранились остатки ниток из растительного волокна.

Туфля без задника (рис. 1, 5). Подошва туфли плоская, из двух слоев толстой кожи. Каблук без крокуля, деревянный высотой 3 см. Каблук полностью был обтянут кожей. На нижней части сохранились следы шва – возможно, была пришита какого-то рода набойка. По всему краю подошвы сохранились швы. По краю в передней части (до каблука) нашит кожаный рант. Нос туфли острый. Головка состоит из одного слоя кожи с фигурным краем, по которому сохранился шов от обтачки.

Мягкая туфля без задника (рис. 1, 6). Подошва состоит из трех слоев толстой кожи. Головка из двух слоев, сшитых мездровой стороной друг к другу. Край головки полукруглой формы. Носок округлый.

Фрагмент кожи с линованием (рис. 1, 7). Вероятнее всего, это часть обувной головки, декорированной параллельными прямыми линиями.

Помимо отреставрированных образцов обуви коллекция включает большое количество фрагментов кожаных изделий, в основном фрагментов обувных головок и подошв. Стандартность найденных отдельных фрагментов свидетельствует о массовом производстве, унифицированном характере обуви, изготавливаемой кунгурскими ремесленниками. Помимо обуви и фрагментов кожаных изделий был найден кожаный корешок книжного переплета, на котором сохранились остатки золотого тиснения.

Характеристика кожевенного и сапожного производств

Кожевенное производство в Кунгуре XVIII–XIX вв. было достаточно сильно развито. Значительная часть населения города была занята в кожевенном производстве. На многочисленных кожевенных заводах заготавливалось большое количество кож, в мастерских изготавливались различные изделия из кожи.

Однако большое скопление кожевен в пределах города имело и неприятную сторону. Кожевни, находившиеся в городе, придавали ему «безобразный» внешний вид, а обрезки кож замусоривали улицы [17, с. 67], подтверждением чему стал изученный при раскопках культурный слой города – насыщенный фрагментами кожи и кожаных изделий. Повсюду видны были кожи, дуб и другие приметы кожевенного производства. Постепенно кожевенное производство выносилось за город, основная часть заводов сосредоточилась на ул. Кожевенной, ныне ул. Просвещения. В 1854 г. в Кунгуре действовало до 130 кожевенных заводов [2, с. 1].

Но на протяжении всего XIX в., особенно второй его половины, число кожевен постепенно сокращалось, и к 1890 г. составляло 27 [5, с. 241]. По другим данным, в 1893 г. в Кунгуре действовало семь кожевенных производств и пять мастерских по изготовлению изделий из кожи, на которых было занято 117 и 22 рабочих соответственно [6, с. 48]. Самыми крупными производствами владели Фомин, Чуватов, Пликин, Турицын, чей ежегодный доход от продаж составлял от 100 до 300 тысяч [5, с. 515].

Кожевенное и сапожное производства полностью базировались на местном сырье. Все необходимые для работы кожевен материалы: кору ивы, известь, золу, березовый деготь, муку – заводчики приобретали у местных крестьян, по большей части Кунгурского уезда, а также Осинского, Красноуфимского, Пермского, Екатеринбургского уездов [12, с. 129]. В. И. Немирович-Данченко в записках о своей поездке по Пермской губернии упоминал, что близ Кунгура весь Сибирский тракт забит бесконечными возами со связками прутьев, которые везут на продажу в Кунгур [5, с. 244]. Известь доставляли крестьяне Неволинской волости. Сами кожи закупались в городах Пермской губернии, а также привозились из Сарапула, Оренбурга и Тобольской губернии [12, с. 129]. В кожевнях Кунгура выделялись конские, коровьи, козлиные, овечьи кожи.

Готовые кожи продавались на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. Значительная их часть употреблялась и в самом Кунгуре для изготовления сапог, бродней, котов, рукавиц. Можно утверждать, что кунгурские кожевники и сапожники полностью удовлетворяли не только местный спрос на свою продукцию, но и экспортировали значительное количество произведенного товара.

В городе действовали мастерские по пошиву различных изделий из кожи: сапог, котов, женских черевичек, рукавиц. Зачастую шитьем были заняты женщины и подростки. Продукция кунгурских мастерских отличалась высоким качеством и находила сбыт в самых разных концах империи. Дорогая черная и красная юфта шла на продажу в Оренбургскую губернию и Среднюю Азию, а меховые коты и рукавицы расходились по рудным приискам Пермской и Тобольской губерний. Также изделия из кожи находили сбыт в самом городе. Однако эти краткие сведения не дают нам представления о том, какими были эти «башмаки и черевички». Более того, зачастую мы видим, что названия изделий, известные нам из письменных и этнографических источников, не всегда обозначают одно и то же для разного времени и разных местностей. Собранный в ходе раскопок 2016 г. археологический материал позволил нам представить внешний вид обуви, носимой жителями Кунгура в конце XVIII – первой половине XIX в., определить ее конструкцию и особенности декора.

Практически единственным источником, описывающим одежду и внешний вид жителей Кунгура, можно считать «Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Императорского Вольного Об-

щества», составленное пермским географом Никитой Саввичем Поповым и изданное в 1804 г. Труд Н. С. Попова содержит значительное количество сведений о поселениях, их жителях и их занятиях, о развитии хозяйства и природе Пермской губернии. Это единственное настолько масштабное комплексное исследование губернии, включающее различные исторические и статистические сведения.

Описание традиционной обуви сельских жителей Пермской губернии, данное Поповым, таково: в летнее время носят «по большей части коты с красными, широкими, суконными опушками, молодые (как и заводские рабочие люди), а старые с узкими, и притом всякого цвету, обуваемые на одни русские своего вязания чулки», а зимой коты «с выворощными подошвами», чтобы не скользить. Характерную для женщин обувь представляли «тюфни, чарки (род черевиков), шитые из домашних кож» [12, с. 226] и коты. О спросе на продукцию местных ремесленников можно судить из следующего описания: «В так называемом Котовом ряду продаются сапоги, простолюдинами носимые, каковы суть опойковые, выростковые и кониные, ценою от 80 до 150, коты из тех же кож от 10 до 100, башмаки и черевики женские от 40 до 150 копеек и проч.» [12, с. 228]. Таким образом, конструкция и способы изготовления обуви, ее внешний вид и декор известны нам только лишь в самых общих чертах.

Основу населения Кунгура составляли купцы третьей гильдии и мещане, носившие как немецкое, так и русское платье. Немногие жители носили башмаки с пряжками, чаще – сапоги. Купеческие жены зачастую носили сафьяновые, шитые золотом туфли, с высокими, часто белыми, каблуками [12, с. 225]. Лишь самые бедные жители ходили в лаптях.

Специфическими чертами данной коллекции можно считать явное преобладание низкой обуви – туфель. Такую ситуацию А. В. Курбатов считает характерной для севера и средней полосы России начиная с XVII в. [4, с. 220], а Д. О. Осипов – с начала XVIII в. [10, с. 43] Однако для коллекций кожаной обуви из археологических раскопок в Пермском Прикамье такой состав нехарактерен, в археологических коллекциях заводских поселений и городов преобладают поршни, коты и лапти [15, с. 12]. Однако в коллекции Пермского краеведческого музея есть одна туфля без задника, на невысоком каблуке, сходная с образцами, найденными в Кунгуре, но не идентичная им.

Найденная при археологических раскопках обувь, за исключением котов, несет в себе явные признаки проникавшей в российскую провинцию европейской моды. Так, наборные каблуки, наличие внутренней стельки и супинатора, оформление рантом появились под ее влиянием не ранее середины XVIII в. [10, с. 56] В это же время туфли начинают преобладать над высокими сапогами с голенищами. Развитие обувного производства неразрывно связано с общим экономическим развитием региона, а изменения в конструкции, вызванные веяниями западно-европейской моды, являются отражением общего культурно-исторического развития.

Данные археологии могут предоставить нам более полную картину развития обувного ремесла. Видна широкая специализация и разнообразие форм обуви: коты, туфли на высоком и низком каблуке, с задником и без. Одновременно можно отметить стандартизированный способ раскроя и сборки, свидетельствующий об оптимизации обувного производства в описываемый период.

Заключение

К сожалению, большинство фрагментов кожаных изделий и обуви, найденных при раскопках городов с «мокрым слоем», остается вне музейных коллекций по целому ряду причин, в том числе и таких как незаинтересованность музейных фондов в подобном массовом и малопредставительном материале, трудности сохранения и реставрации изделий из кожи. На хранение в музей попадают лишь целые предметы, тогда как именно массовая продукция ремесленников, включая заготовки и фрагменты изделий, несет в себе всю полноту информации о развитии и особенностях кожевенного и сапожного производств.

Проведенная работа позволила значительно пополнить коллекцию обуви Пермского краеведческого музея новыми уникальными образцами и расширить наши знания об обычных вещах, окружавших горожан, представить более полную картину быта жителей города Кунгура. Учитывая скудость сведений, получаемых из письменных источников, материал археологических коллекций может стать основным источником для исследования кожевенно-обувного производства.

Список литературы

1. *Балюнов И. В.* Обувь жестких форм из культурного слоя города Тобольска XVII в. // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». Т. 11. Вып. 7: Археология и этнография. Новосибирск : Ред.-изд. центр НГУ, 2012. С. 179–186.
2. *Бувеский С. П.* Описание заводов в городе Кунгуре, по сведениям от промышленников, собранным в конце 1854 года. Пермь : Тип. губ. правл., 1855. 34 с.
3. *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Изд-во «Магеллан», 2008. 216 с.
4. *Курбатов А. В.* Кожаные изделия Мангазеи как источник реконструкции особенностей культуры и ремесла русского заполярного города (по раскопкам 2001–2007 гг.) // Записки Института истории материальной культуры. Вып. 5. СПб. : Изд-во Ин-та истории материальной культуры РАН, 2010. С. 211–230.
5. *Немирович-Данченко В. И.* Кама и Урал: (Очерки и впечатления). СПб. : П. П. Сойкин, ценз., 1904. 648 с.
6. Обзор Пермской губернии за 1893 г. Пермь : Типо-лит. губ. правления, 1893. 85 с.
7. Обзор Пермской губернии за 1894 г. Пермь : Типо-лит. губ. правления, 1895. 85 с.
8. *Оборин В. А.* Орел-городок – русский опорный пункт в Прикамье (XVI–XVII вв.) // Уч. зап. Пермь : Перм. ун-т, 1957. Т. 10. Вып. 3. С. 145–164.
9. Описание заводов в г. Кунгуре, по сведениям от промышленников, собранным в 1854 г.
10. *Осинов Д. О.* Обувь Московской земли XII–XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М. : ИА РАН, 2006. 200 с.
11. *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия Древнего Пскова // Археологический сборник. Вып. 4. Л., 1962. С. 77–94.
12. *Попов Н. С.* Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Императорского Вольного Общества : в 3 ч. Ч. 1. Пермь. 1804. 412 с.
13. *Сабурова М. А.* Древнерусский костюм. Обувь // Археология. Быт и культура. М. : Наука, 1997. 368 с.
14. *Синицына Н. П.* Некоторые проблемы реставрации археологической кожи // VI Грабаревские чтения. М. : Сканрус, 2005. С. 118–128.
15. *Соколова Н. Е.* Барынина туфелька // Без витрин : К 125-летию Пермского краеведческого музея. Пермь : «Пушка», 2015. С. 12.
16. *Чагин Г. Н., Шилов А. В.* Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. Пермь : Кн. мир, 2007. 408 с.
17. *Чагин Г. Н.* Материальная культура русского населения северо-восточного Прикамья в конце XIX – середине XX в. // Вестник Пермского университета. Вып. 5. 2005. С. 70–85.
18. *Чиндина Л. А., Черная М. П., Володина В. С., Капитонова М. А.* Сапоги из Томского кремля и Могильника Мигалка // Археолого-этнографические исследования в южно-таежной зоне Западной Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 2003. С. 68–72.

Shoes of Kungur residents of the second half of XVIII–XIX century according to the archaeological data

L. V. Romanova¹, A. V. Usov², N. A. Churilova³

¹engineer of scientific research department, Perm State National Research University. Russia, Perm.
E-mail: yoxaren@list.ru

²engineer of scientific research department, Perm State National Research University. Russia, Perm.
E-mail: usoff_alex@mail.ru

³head of restoration workshops, Perm Museum of Local Lore. Russia, Perm.
E-mail: pkmrestavr@yandex.ru

Abstract. The article describes results of the restoration of the leather shoes collected during archaeological excavations of old town Kungur. Chronological framework of a research is covered by the second half of the 18–19 centuries. Research object – samples of leather footwear from an occupation layer of Kungur. Leather shoes were hardly ever found in excavations of the cities on Kama riversides. The collection of the leather shoes that found at excavation in 2016 is the richest for all history of archaeological studying in Perm Krai. This collection of footwear gives a presentation of what shoes wore inhabitants of the city, about its appearance, material, methods of manufacturing. The purpose of this work is description of found items and comparison of data of archaeological researches to data on tanning and furriery in Kungur, received from written sources. It is possible to draw a conclusion on distribution of influence of the European fashion for clothes and footwear of citizens of the second half of the 18–19 centuries on the basis of this collection. This work has allowed us to fill up considerably a collection of footwear of the Perm museum with new unique samples and to expand our knowledge of everyday life of citizens.

Keywords: archaeological research, restoration, leather footwear, tanning, town.

References

1. Balyunov I. V. *Obuv' zhestkih form iz kul'turnogo sloya goroda Tobol'ska XVIIv.* [Shoes of rigid forms of the cultural layer of Tobolsk in the XVII century] // *Vestnik NGU. Ser. «Istoriya, filologiya».* T. 11. Vyp. 7: *Arheologiya i etnografiya* – Herald of NSU. Ser. History, Philology. Vol. 11. Iss. 7: Archaeology and Ethnography. Novosibirsk. Publ.-ed. the center of Novosibirsk State University. 2012. Pp. 179–186.
2. Buevskij S. P. *Opisanie zavodov v gorode Kungure, po svedeniyam ot promyshlennikov, sobrannym v konce 1854 goda* [Description of plants in the city of Kungur, according to information from the industrialists collected at the end of 1854]. Perm. Typ. of gubernian government. 1855. 34 p.
3. Vizgalov G. P., Parhimovich S. G. *Mangazeya: novye arheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.)* [Mangazeya: new archaeological investigations (materials 2001–2004)]. Ekaterinburg; M. Publishing house «Magellan». 2008. 216 p.
4. Kurbatov A. V. *Kozhanye izdeliya Mangazei kak istochnik rekonstrukcii osobennostej kul'tury i remesla russkogo zapolyarnogo goroda (po raskopkam 2001–2007 gg.)* [Leather products of Mangazeya as a source of reconstruction of the culture and crafts of the Russian polar city (on the excavations 2001–2007)] // *Zapiski Instituta istorii material'noj kul'tury* – Notes of the Institute of History of Material Culture. Iss. 5. SPb. Publ. of Institute of History of Material Culture of Russian Academy of Sciences. 2010. Pp. 211–230.
5. Nemirovich-Danchenko V. I. *Kama i Ural: (Ocherki i vpechatleniya)* [Kama and Ural: (Essays and impressions)]. SPb. P. p. Soykin. cenz. 1904. 648 p.
6. *Obzor Permskoj gubernii za 1893 g.* – Review of Perm province for 1893. Perm. Tipo-lit. of gubernian government. 1893. 85 p.
7. *Obzor Permskoj gubernii za 1894 g.* – Review of Perm province for 1894. Perm. Tipo-lit. of gubernian government. 1895. 85 p.
8. Oborin V. A. *Orel-gorodok – russkij opornyj punkt v Prikam'e (XVI–XVII vv.)* [Orel-town is Russian stronghold in the Kama region (XVI–XVII centuries)] // *Uch. zap.* – Scient. notes. Perm. Perm University. 1957. Vol. 10. Iss. 3. Pp. 145–164.
9. *Opisanie zavodov v g. Kungure, po svedeniyam ot promyshlennikov, sobrannym v 1854 g.* – Description of the factories in the city of Kungur, according to information from manufacturers, gathered in 1854
10. Osipov D. O. *Obuv' Moskovskoj zemli XII–XVIII vv.: Materialy ohrannyh arheologicheskikh issledovanij.* T. 7 [Shoes of the Moscow land of the XII–XVIII centuries: materials of security archaeological research]. Vol. 7. M. IA RAS. 2006. 200 p.
11. Oyateva E. I. *Obuv' i drugie kozhanye izdeliya Drevnego Pskova* [Footwear and other leather goods of ancient Pskov] // *Arheologicheskij sbornik* – Archaeological collection. Vol. 4. L. 1962. Pp. 77–94.
12. Popov N. S. *Hozyajstvennoe opisanie Permskoj gubernii po grazhdanskomu i estestvennomu sostoyaniyu v otnoshenii k zemledeliyu, mnogochislennym rudnym zavodam, promyshlennosti i domovodstvu, sochinennoe po nachertaniyu Imperatorskogo Vol'nogo Obshchestva : v 3 ch.* [Economic description of the Perm province in the civil and the natural state in relation to agriculture, numerous ore plants, industry and home economics, composed by mark of Imperial Free Society: 3 p. P. 1. Perm. 1804. 412 p.
13. Saburova M. A. *Drevnerusskij kostyum. Obuv'* [Ancient Russian costume. Shoes] // *Arheologiya. Byt i kul'tura* – Archaeology. Life and culture. M. Nauka. 1997. 368 p.
14. Sinicyna N. P. *Nekotorye problemy restavracii arheologicheskoi kozhi* [Some problems of restoration of archaeological leather] // *VI Grabarevskie chteniya* – VI Grabarovskaya reading. M. Skanrus. 2005. Pp. 118–128.
15. Sokolova N. E. *Barynina tufel'ka* [Barynya's slipper] // *Bez vitrin: K 125-letiyu Permskogo kraevedcheskogo muzeya* – Without Windows: to the 125th anniversary of the Perm Museum of local lore. Perm. «Pushka». 2015. P. 12.
16. CHagin G. N., SHilov A. V. *Uezdnye provincii Kungur, Osa, Ohansk* [County provinces of Kungur, Osa, Ohan'sk]. Perm. Knizh. Mir. 2007. 408 p.
17. CHagin G. N. *Material'naya kul'tura russkogo naseleniya severo-vostochnogo Prikam'ya v konce XIX – seredine XX v.* [Material culture of the Russian population of the North-Eastern Kama region in the late XIX–mid XX century] // *Vestnik Permskogo universiteta* – Herald of the Perm University. Vol. 5. 2005. Pp. 70–85.
18. CHindina L. A., CHernaya M. P., Volodina V. S., Kapitonova M. A. *Sapogi iz Tomskogo kremlya i Mogil'nika Migalka* [Boots from the Tomsk Kremlin and Burial Migalka] // *Arheologo-etnograficheskie issledovaniya v yuzhno-taеzhnoj zone Zapadnoj Sibiri* – Archaeological and ethnographic research in the southern taiga zone of Western Siberia. Tomsk. Publishing house of TSU. 2003. Pp. 68–72.

Лингвистическая интерпретация образа человека в свете идей С. В. Черновой: результаты и перспективы

Л. В. Калинина¹, Н. Г. Наумова²

¹доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.

ORCID: 0000-0003-2271-3995. E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

²кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка, культуры речи и методики обучения, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
E-mail: aj-latan@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье, приуроченной к 70-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Светланы Владимировны Черновой (1948–2016), освещаются основные результаты исследований, проведенных за последнее десятилетие представителями научной школы системно-функциональной и интерпретационной лингвистики, работавшей под руководством С. В. Черновой на кафедре русского языка Вятского государственного гуманитарного университета. Наибольшее внимание уделено проблеме лингвистической интерпретации образа человека как в высшей степени актуальной для современного языкознания и получившей подробную разработку в трудах самой С. В. Черновой, в коллективных научных проектах кафедры, в диссертационных исследованиях аспирантов.

Авторы статьи проанализировали целый ряд научных публикаций и систематизировали их таким образом, чтобы показать постепенное развитие лингвистических взглядов С. В. Черновой. Основное внимание сосредоточено на обзоре тех исследований (в том числе коллективных), в которых нашла свое воплощение разработанная С. В. Черновой оригинальная концепция лингвистической интерпретации образа человека. Результатами данных исследований явились монографические описания собирательного образа кировчанина, образов публичных людей г. Кирова, собирательного образа вятского студенчества, собирательного образа человека рубежа XX–XXI вв. В статье показаны также дальнейшие перспективы развития концепции С. В. Черновой.

Материалы, представленные в данной статье, могут быть полезны для исследователей, работающих в области системно-функционального, интерпретационного, когнитивного направления языкознания, а также занимающихся проблемами лингвистики образа и изучением языка художественной литературы.

Ключевые слова: антропоцентризм, лингвистика образа, научный обзор, С. В. Чернова, динамическая модель описания образа человека.

В 2018 г. исполняется 70 лет со дня рождения доктора филологических наук, профессора Светланы Владимировны Черновой (1948–2016). С. В. Чернова в течение 15 лет руководила кафедрой русского языка Вятского государственного гуманитарного университета, разработала несколько оригинальных научных концепций, возглавляла научную школу, в рамках которой вели свои исследования члены кафедры, аспиранты, студенты.

В преддверии юбилея С. В. Черновой актуальным представляется осмысление ее основных научных идей, в частности концепции лингвистической интерпретации образа человека, занимавшей исследователя на протяжении последнего десятилетия научной деятельности. Эта концепция естественным образом выросла из предыдущих научных поисков С. В. Черновой. Кратко расскажем о них.

С. В. Чернова была принята на работу в тогда еще Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина в 1981 г. До этого лингвистическая семья Черновых, главой которой был уже известный в своей среде ученый Виктор Иванович Чернов, жила в г. Куйбышеве (ныне Самара). Еще в Куйбышеве С. В. Чернова под руководством профессора

А. А. Дементьева начала работу над кандидатской диссертацией **«Предложения с безличной формой глагола и инфинитивом в современном русском языке»**, которую успешно защитила в 1982 г. [27] Предметом ее исследования были конструкции типа *удалось купить, пришлось уйти, хотелось спать* и т. п., на тот момент практически не получившие своего научного описания. В ходе изучения этих конструкций С. В. Чернова пришла к выводу о существовании в языке трех их разновидностей: со значением желательности, со значением необходимости и со значением преднамеренности-непреднамеренности осуществления действия.

Далее круг исследуемых единиц был расширен, в него были включены не только безличные, но и другие модальные глаголы. Их анализ привел С. В. Чернову к пониманию того, что русские (и, возможно, не только русские) модальные глаголы организованы системно, а именно – представляют собой семантическую ось «замысел – осуществление замысла». Эта идея легла в основу докторской диссертации С. В. Черновой **«Модальные глаголы в современном русском языке. Семантическая модель “замысел – осуществление замысла”**», защищенной в 1997 г. [28; 29] В ней С. В. Чернова доказала, что «семантическая модель “замысел – осуществление замысла” есть в то же время модель когнитивная, так как служит целям упорядочивания интеллектуального процесса, связанного с формированием намерения и решения субъекта, направленных на достижение цели (осуществление замысла)» [29, с. 6].

Исследовательская логика вела С. В. Чернову дальше, от изучения целенаправленной деятельности человека к изучению деятельности как таковой. Осмысление собственного языкового материала и углубленное знакомство с трудами философов, антропологов и особенно психологов привело С. В. Чернову к пониманию того, что всякая деятельность человека строится на одних и тех же основаниях, развивается по одной и той же модели. «Именно структурная общность всех видов деятельности позволяет создать ее обобщающую языковую модель, – пишет С. В. Чернова в монографии “Деятельность: лингвистический анализ”. – Представленная в настоящей монографии семантическая модель “замысел – осуществление замысла” и есть языковая модель деятельности человека, соотношенная с общей структурой деятельности, описанной психологами» [30, с. 5–6]. Убедительным доказательством справедливости данного утверждения стали 13 представленных в монографии примеров языковых моделей поведения персонажей художественных произведений: героев Ф. М. Достоевского, М. Горького, А. Грина, Б. Л. Пастернака, И. А. Гончарова, В. М. Шукшина и др.

Описание различных типов субъектов и моделей их поведения по данным языка привело С. В. Чернову к проблеме лингвистической интерпретации образа человека и к разработке схемы его описания [31–37 и др.]. Именно на этой концепции, воплотившейся в практике многолетних исследований кафедры, мы далее и сосредоточим свое внимание.

Лингвистическая интерпретация образа человека является весьма актуальным направлением научных исследований, поскольку находится в русле идей антропоцентризма, господствующих в современной науке. Е. С. Кубрякова пишет: «Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям в развитии человеческой личности и ее усовершенствовании <...> Он знаменует... тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обусловливает его специфический ракурс» [16, с. 212].

В лингвистике проблема описания человека через язык рассматривается многими учеными (ср., напр., работы В. М. Алпатовой, Ю. Д. Апресяна, В. И. Постоваловой, В. И. Карасика, Е. С. Кубряковой, Ю. Н. Караулова, Е. В. Урысон и др.) [2; 3; 14–16; 23; 26]. Однако несмотря на множество работ, посвященных анализу образа человека в языке, до сих пор не выработано единого терминологического определения понятия «образ человека», не существует и общепризнанной методики описания образа человека. В каждом из предлагаемых подходов есть своя логика, свои достоинства. Не случайно известный современный лингвист Н. Ф. Алефиренко подчеркивает: «Господствующей в лингвистике XXI в. должна стать идея множественности, а не единственности интерпретаций. Прежде всего следует выделить проблему лингвистической интерпретации человека, подразумевающей глубокое комплексное изучение биологических, психологических и социальных оснований языка как одного из важнейших признаков человека» [1, с. 378]. Следовательно, проблема описания образа человека по данным языка находится в стадии активной разработки. Заметный вклад в ее решение внесла и С. В. Чернова.

В статье 2010 г. **«Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема»** [38] С. В. Чернова обращает внимание на то, что язык способен дать разнообразную информа-

цию о своем носителе – человеке. На основании этого становится возможным лингвистическое изучение человека – всестороннее описание его образа на основе языковых данных. В современной лингвистике такое описание, по мнению С. В. Черновой, в основном проводится в коммуникативном направлении и ориентировано на воспроизведение речевого портрета того или иного человека, его коммуникативной (языковой) личности.

В свое время программа описания целостного образа человека была предложена Ю. Д. Апресяном [3]. Она заключается в характеристике языковых единиц, выражающих различные физические и психические состояния человека, интеллектуальные и речевые действия. Отдавая должное полноте и многоаспектности концепции Ю. Д. Апресяна, С. В. Чернова тем не менее отмечает статический характер такого описания, поскольку при этом «возможности человека как системы функциональной, динамической могут только угадываться, так как эта картина не дает представления о человеке как субъекте, включенном во множество процессов, связанных с различными видами его целенаправленной деятельности, структурированной на языковом уровне в соответствии с психологической моделью деятельности как таковой» [38, с. 9]. По мнению С. В. Черновой, для того чтобы придать описанию образа человека динамический характер, «необходимо совместить непроцессуальные характеристики, лежащие в основе языкового портретирования человека, и процессуальные, т. е. те, которые эксплицируют модели поведения человека, реализующиеся в процессе того или иного вида целенаправленной деятельности как феномена внеязыковой действительности» [38, с. 9].

Модель поведения человека, согласно видению С. В. Черновой, сложившемуся на основе ее предшествующих исследований глагольной семантики и структуры деятельности, – это отраженная в языковых формах схема его целенаправленной деятельности. В ее основе лежат мотивы, обуславливающие разные виды деятельности [30, с. 118]. Это значит, что «при постановке и решении любой задачи, связанной с тем или иным видом деятельности, поведение человека будет укладываться в схему, отражающую последовательность шагов, намеченных на семантической оси “замысел – осуществление замысла” и получающих вербальное воплощение в семантике предикативной лексики, соотнесенной с той или иной ситуацией» [38, с. 9].

С. В. Чернова подчеркивает, что описание образа человека на основе деятельностного подхода предполагает совмещение и статической, и динамической составляющей образа человека. Статическая, «портретная», составляющая образа человека формируется на основе его *непроцессуальных характеристик* (внешность, вещный мир и атрибуты, предпочтения, душевные качества, система ценностей и т. д.); динамическая, «функциональная», составляющая – на основе *процессуальных характеристик* (модель поведения человека).

С. В. Чернова предлагает следующий путь описания образа человека в языке: «Лингвистическая характеристика образа человека должна быть многоаспектной и поэтапной, строящейся по принципу “от частного – к общему”»: от воссоздания образа представителя той или иной отдельной группы (социальной, региональной) – к описанию образа представителя более крупной общности (национальной) и далее – к выявлению черт, присущих “человеку как таковому”. На определенной стадии работы накопленный языковой материал должен быть систематизирован таким образом, чтобы непроцессуальные и процессуальные характеристики человека, совместившись, позволили бы выстроить его целостный образ» [38, с. 10].

Размышления над данной проблемой побудили С. В. Чернову предложить ее обсуждение научной общественности. Для этого 5–7 октября 2011 г. кафедрой была проведена международная конференция «**Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема**», в которой приняли участие более 40 ученых из различных вузов России, а также из Германии, Польши, Тайваня, Украины. На основе разнообразного языкового материала (взятого из памятников письменности, лексикографических источников, современных художественных текстов, текстов СМИ, мемуарной литературы) исследователи делились опытом реализации различных подходов к интерпретации образа человека.

Сборник материалов конференции открывается статьей С. В. Черновой «**Образ человека: толкование термина, источники для изучения, множественность интерпретаций, лингвистический анализ**» [32].

В ней автор отмечает, что феномен человека практически не поддается однозначному определению, поскольку человек многолик, и образ его меняется от эпохи к эпохе. Но именно такой сложностью человека как объекта описания и обусловлена необходимость «выработать по возможности четкие определения основных лингвистических понятий, связанных с реконструкцией и интерпретацией его образа» [32, с. 11].

С. В. Чернова предлагает следующее определение: **«Образ человека** – это совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных непроцессуальных и процессуальных характеристик человека, стихийно формирующихся в сознании другого лица (лиц, группы лиц, поколения и т. д.) посредством восприятия, памяти и воображения и получающих отражение в языковых формах» [32, с. 13]. С. В. Чернова также отмечает, что в рамках существующих подходов к описанию образа человека используются различные понятия. Среди них понятие «концепт “Человек”» по отношению к предлагаемому С. В. Черновой понятию «образ человека» будет более широким, а такие понятия, как «речевой портрет», «фонетический портрет», «языковая личность», «модель человека», «языковая модель поведения человека» будут более узкими [32, с. 13].

В качестве источников языковых данных, которые позволили бы провести лингвистическое описание образа, С. В. Чернова называет автобиографии, дневниковые записи и письма, документальную прозу, биографические справочники, мемуары, публикации в СМИ, интервью, театральные и кинопостановки, художественные произведения и т. д. [32, с. 13]

С. В. Чернова обращает особое внимание на то, что лингвистическая интерпретация образа (в отличие от интерпретаций образа человека другими науками) «должна производиться на основе прежде всего лингвистических фактов, с опорой на языковые средства, дающие представление об образе, тогда как данные смежных наук следует использовать для подтверждения или опровержения сведений, полученных в рамках лингвистических исследований <...> Подчеркнем главное – в основе описания этих языковых средств должен лежать системно-функциональный подход к их анализу, связанный с классификацией единиц лексико-фразеологического уровня, с их контекстуальным анализом, с выявлением и упорядочением тех синтаксических структур, в рамках которых эти единицы функционируют <...> Языковые средства, дающие представление об образе, их семантика, особенности функционирования в условиях разнообразных контекстов – вот что должно составлять основу характеристики образа человека с лингвистических позиций» [32, с. 19–21].

Таким образом, С. В. Чернова теоретически сформулировала и обосновала оригинальную концепцию описания образа человека посредством языка. Данная концепция формировалась постепенно и прошла неоднократную апробацию на разных стадиях своего осмысления. Так, ее ключевые идеи нашли отражение в кандидатских диссертациях аспирантов кафедры О. В. Закировой **«Качественные прилагательные как средство создания образов персонажей в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» (2007 г.)**, Н. Г. Наумовой **«Языковые средства создания образа П. И. Чичикова (на материале романа Н. В. Гоголя “Мертвые души”)**» (2009 г.), И. А. Игнатова **«Личность: лингвистический анализ (семантика и функционирование слова личность в русском языке; человек как носитель личностных характеристик и его отображение в художественном тексте)**» (2013 г.), У. А. Рысевой **«Объявления о знакомстве: коммуникативный, прагматический, гендерный аспект характеристики»** (2015 г.), Ван Чжи **«Наименования лиц в молодежной прессе (на материале Кировской городской газеты “СтудEnter”)**» (2015 г.) [4–6; 17; 18; 24]. В настоящее время над кандидатской диссертацией на тему **«Языковые средства создания образов исторических личностей в романах Р. М. Зотова и Б. Акунина»** работает А. Н. Глухих (Шибанова) [39; 40]. В русле данной концепции также проводились научные исследования студентов (курсовые, дипломные работы), были написаны десятки научных статей [ср., напр.: 9–12; 19–22; 33–37].

Остановимся подробнее на серии коллективных исследований, которые были проведены под руководством С. В. Черновой и направлены на реализацию предложенной концепции.

Отметим предварительно, что в основу описания материала в рамках всех проводившихся исследований авторским коллективом были положены следующие принципы:

– диалектический принцип: рассмотрение любых явлений в развитии и взаимной обусловленности;

– системно-структурный принцип: представление о языке как о системе знаков, скрепленной двумя глобальными типами отношений – парадигматическими и синтагматическими – и определенным образом структурированной;

– антропоцентрический принцип: рассмотрение фактов языка как отражающих те или иные аспекты феномена человека.

Анализ языкового материала проводился с опорой как на общенаучные методы (методы наблюдения, анализа, синтеза), так и на лингвистические и частично экстралингвистические методы (метод семантических полей, метод компонентного анализа, контекстуальный

метод, метод контент-анализа, метод анализа концептов, метод изучения документальных источников, метод ассоциативного эксперимента, статистический метод и др.).

Первый опыт разностороннего описания собирательного образа человека в рамках научной школы С. В. Черновой представлен в коллективной монографии **«Интерпретация образа человека: опыт лингвистического описания собирательного образа горожанина (образ жителей г. Кирова)»** (2011 г.) [7]. На основе разнообразного языкового материала, взятого из художественной, научной, публицистической литературы, посвященной жизни города Кирова (Вятки), а также из местных СМИ, визуального пространства города (вывески, наружная реклама), мнений и отзывов гостей города о его жителях и т. д. авторы монографии представили описание различных сторон собирательного образа кировчанина.

Относительно методологической основы анализа во вступлении к монографии отмечается: «Информация о собирательном образе города и собирательном образе горожанина извлекается из лингвистического описания жизни города как динамической, развивающейся структуры, характеризующейся принципиальной незавершенностью. Смысловые траектории в рамках словесно-концептуального образования “жизнь города” взаимодействуют таким образом, чтобы дать представление о собирательном образе горожанина как о совокупности его непроцессуальных, статичных (имя собственное лица, внешность, вещный мир, профессиональные предпочтения, система ценностей и духовных запросов и т. д.) и процессуальных, динамичных характеристик (мотивы и цели действий и поступков людей, модели их поведения, способы осуществления конкретных действий и деятельности в целом, этапы жизненного пути и т. д.)» [7, с. 5]. Авторы видят цель исследования в том, чтобы «представить лингвистическую интерпретацию собирательного образа кировчанина так, чтобы показать те специфические, индивидуальные черты, которые отличают жителей г. Кирова от жителей других городов России, делая их узнаваемыми и неповторимыми» [7, с. 7].

Результатом исследования стал вывод о том, что образ кировчанина в определенной степени пересекается с образом россиянина вообще. Это проявилось, во-первых, в осознании кировчанами себя частью государственной системы, подчиняющейся некой центральной воле, ср. примеры из кировских СМИ: *«центральная власть велела»; «местная власть организовала работу по исполнению указаний центральной власти»; «средства массовой коммуникации доносят волевые интенции центральной и местной власти до конкретных исполнителей и информируют обо всем широкие массы населения»* (наблюдения С. В. Черновой). Во-вторых, общие для всей страны процессы наблюдаются и в изменении ономастикона г. Кирова. Они заключаются в пополнении состава мужских имен за счет возвращения церковных календарных имен, а женских – за счет новообразований от иноязычных основ, что в целом обусловлено историческими, политическими, культурно-аксиологическими сдвигами в жизни русского общества (наблюдения Н. Г. Наумовой). В-третьих, общероссийским оказался и перечень наиболее востребованных в Кирове профессий (наблюдения Н. Скачкова).

Однако образ кировчанина, как показало исследование, имеет и местную специфику. Так, чертами местного диалекта отличается как речь журналистов кировских СМИ (наблюдения Т. В. Петрусь), так и речь кировчан в целом (наблюдения З. В. Сметаниной). Кроме того, в речи кировчан, прежде всего некодифицированной (городское просторечие), присутствуют специфические единицы языка (наблюдения О. Н. Федяниной). Анализ созданной на местном материале театральной постановки «Так-то да» (произведенный ее режиссером Б. Д. Павловичем), а также особенностей функционирования в языковой среде города лексем *Киров, кировский, кировчанин* и *Вятка, вятский, вятчанин* (выполненный Л. В. Калининой) показал, что «главная, определяющая черта менталитета жителей современного Кирова – это постоянное внутреннее сомнение, неуверенность в собственных силах, в собственных талантах и достоинствах, в возможностях самореализации» [7, с. 133].

Продолжая разрабатывать проблему лингвистической интерпретации образа человека, коллектив авторов под руководством С. В. Черновой предпринял еще одно исследование, выбрав на этот раз в качестве объекта описания образ публичных людей города Кирова (исследование проводилось при поддержке гранта РГНФ и Правительства Кировской области). Результатом работы стала коллективная монография **«Интерпретация образа человека. Образ публичных людей г. Кирова»** (2012 г.) [8]. Во введении С. В. Чернова определяет ряд задач, которые стояли перед авторами: «дать представление о теоретическом основании реконструкции и интерпретации собирательного образа публичного человека; представить толкование понятия “публичный человек” и показать, какие группы людей относятся к раз-

ряду публичных; наметить основные аспекты характеристики образа публичных людей г. Кирова и представить такое описание конкретного языкового материала, которое позволило бы понять, какие качества публичных людей придают им общественную значимость и вызывают интерес к их личностям» [8, с. 5]. Освещая теоретические основы реконструкции образа публичных людей, С. В. Чернова обращается к разработанной ею концепции характеристики образа человека посредством языка. В качестве источников получения языкового материала называет статьи, заметки, интервью в печатных изданиях или же устные выступления публичных людей, которые звучат в радио- и телеэфире [8, с. 7].

Анализ данных типов текстов с указанных теоретических позиций выявил следующее. Публичные люди г. Кирова – это прежде всего политики и бизнесмены, которые «чаще всего заявляют о себе от 1-го лица в средствах массовой информации» [8, с. 157]. В собирательном образе публичного человека были выявлены как процессуальные, так и непроцессуальные характеристики. Среди непроцессуальных характеристик представлены описание внешности, эмоциональной сферы, системы оценок публичных людей, уровня речевой компетентности и культуры (наблюдения Л. В. Калининой, Т. В. Петрусь, Н. Г. Наумовой). В рамках процессуальных характеристик были исследованы речевые стратегии и тактики, используемые публичными людьми в рамках массовой коммуникации для достижения определенных целей (наблюдения Н. Г. Наумовой), а также в целом был проведен анализ этапов целенаправленной деятельности публичных людей (наблюдения С. В. Черновой), включающей стадии планирования (осознание необходимости в чем-либо), целеполагания, оценки имеющихся возможностей, принятия решения, получение результата и сопоставление его с целью. Проанализировав языковое наполнение данных этапов целенаправленной деятельности публичных людей г. Кирова, С. В. Чернова пришла к выводу, что «все, о чем говорят и пишут публичные люди г. Кирова, рассуждая о том или ином виде деятельности и о планировании этой деятельности, выступает как частное, подчиненное общим целям, задачам развития г. Кирова и Кировской области» [8, с. 159].

В 2015 г. было осуществлено очередное исследование в рамках научной школы С. В. Черновой, также поддержанное РГНФ и Правительством Кировской области: «**Собирательный образ вятского студенчества**» (2015 г.). В одноименной коллективной монографии, опубликованной по результатам исследования [25], концепция образа человека С. В. Черновой нашла свое наиболее полное и целостное воплощение. Собирательный образ вятского студенчества был воссоздан на основе анализа данных анкетирования, публикаций в СМИ, видеоматериалов, социальных сетей, письменных работ студентов и других источников. В образе студенчества были выявлены и описаны непроцессуальные и процессуальные характеристики. Непроцессуальные характеристики включили в себя сведения о социальных и личностных приметах кировских студентов, об их системе ценностей и картине мира (на основе анкетирования и ассоциативного эксперимента); о любимых местах пребывания (наблюдения Н. Г. Наумовой, А. С. Сычуговой, М. А. Трушкова), об уровне их речевой культуры (наблюдения Т. В. Петрусь, О. Н. Федяниной, А. Д. Степановой). Процессуальные характеристики включили в себя описание способов получения студентами знаний (наблюдения Л. В. Калининой), описание образа жизни и модели поведения студентов (наблюдения С. В. Черновой), описания такого явления, как «типичный студент» (наблюдения М. А. Трушкова). Как отмечает С. В. Чернова, подводя итоги исследования, «в целом собирательный образ вятского студенчества выглядит весьма привлекательным. Он складывается из трех составляющих. Во-первых, он содержит в себе черты «студента вообще», соответствуя традиционным стереотипным представлениям о студенчестве как таковом: студент – это молодой, оптимистично и светло глядящий на мир человек, изобретательный и настойчивый в достижении своих целей, ради которых он может порою схитрить, но чаще – недоедает и недосыпает. Во-вторых, этот образ содержит в себе черты «провинциального студента», т. е. человека, которому в силу жизненных обстоятельств... на жизненном «старте» никаких особых преимуществ, никакой «форы» не дано, и ему, чтобы «выбиться в люди», приходится усердно учиться и искать возможности подработки... Подобные условия... закаляют характер и формируют человека со здоровыми жизненными установками. Наконец, в-третьих, в образе вятского студенчества есть и черты специфические, «собственно вятские»: любовь к особым местам города, наличие некоторых жаргонных словечек «с местным колоритом», имидж «студента кировского политеха», «студента кировского педа», «студента кировского меда» и т. д.» [25, с. 227–228].

Концепция описания образа человека С. В. Черновой стала также одним из теоретических оснований монографии Л. В. Калининой «**Образ человека рубежа XX–XXI веков в зер-**

кале языковых и социальных процессов» (2013 г.) [13]. Объектом исследования Л. В. Калининой явился образ человека рубежа веков, предстающий как совокупность процессуальных и непроцессуальных характеристик, воссозданных на основе анализа актуальных процессов в области лексики и грамматики русского языка. Материалом для наблюдений послужили факты современной речи, прежде всего актуальная лексика и ключевые слова современности, функционирующие в медийных, художественных, научных текстах. Результаты анализа языковых фактов проверялись и подтверждались наблюдениями над неязыковыми явлениями в других областях деятельности человека (забота о здоровье, бизнес, семейные отношения, общение в Интернете, спорт, танцы, фильмы, музыка и др.). Л. В. Калинина в результате исследования пришла к выводу «о существовании в языке одновременно двух “образов человека” со своими непроцессуальными и процессуальными характеристиками» [13, с. 173]. Первый тип – это человек, стремящийся к обособлению от мира и социума, «человек-единица», или «человек сингулярный». В современной речи по отношению к нему применяются такие лексические единицы, как *реальный, конкретный, новый русский, успешный человек, селф-мейд-мен, селф-мейд-вумен, чайлдфри, средний класс, типичный менеджер* и др. Второй тип – это человек, осознающий свое единство со всем человеческим родом и миром, человек целостный, или «человек холистический». Его характеристики содержатся в таких актуальных лексемах, как *эскапизм, дауншифтинг, фэнтези, йога, тонкие миры, харизматик, фрик, толерантность, политкорректность* и др. Л. В. Калинина подчеркивает, что «при всем различии непроцессуальных и процессуальных характеристик этих образов резко противопоставлять их и тем более оценивать любой из них как “образ положительный” или “образ отрицательный” было бы в корне неверно. На самом деле качества, присущие “человеку сингулярному” и “человеку холистическому”, дополняют и взаимообуславливают друг друга, формируя единый образ человека рубежа XX–XXI веков» [13, с. 179].

Как видим, концепция лингвистической интерпретации образа человека как совокупности непроцессуальных и процессуальных характеристик, предложенная С. В. Черновой, оказалась весьма плодотворной и нашла свое успешное практическое применение в целом ряде исследований. Но потенциал этой концепции далеко не исчерпан. Перспективу работы в данном направлении могут составить:

- дальнейшие описания образов различных типов личностей, как реальных, так и вымышленных или виртуальных;
- описание образа человека одного и того же социально- психологического типа (например, учителя, крестьянина, солдата, девушки-подростка, священнослужителя и т. д.) в диахроническом аспекте, то есть на языковом материале разных эпох;
- системное описание образов персонажей в произведениях конкретного автора (в авторском сверхтексте);
- сравнительное изучение языковых средств, использованных разными авторами для создания образа одной и той же конкретной (исторической, легендарной, популярной) личности;
- сопоставительное изучение языковых средств, использованных для создания образа персонажа автором и переводчиком/переводчиками (на материале двух и более языков);
- сравнительно-сопоставительное изучение языковых средств, использованных для создания образа персонажа автором произведения и интерпретаторами этого же произведения (сценаристами, театральными и кинорежиссерами, авторами так называемых фанфиков (фанатских продолжений произведения), журналистами и т. д.);
- изучение образа реального человека на материале созданных им устных и письменных текстов в соотношении с собственной оценкой человеком самого себя (по данным анкетирования, беседы, саморефлексии человека – объекта изучения);
- изучение системы языковых средств, использованных при создании образов животных (образ лошади, образ собаки...), природных реалий (образ неба, образ леса...), пространств и территорий (образ города, образ школы...) и т. д., строящихся на тех же принципах, что и описание образа человека (прежде всего на материале художественной литературы).

Результаты подобных антропоцентрически и когнитивно ориентированных исследований, основанных на твердой почве системно-функционального языкового анализа, будут иметь ценность не только для лингвистики, но и для других гуманитарных наук: литературоведения, психологии, социологии, философии, истории, имагологии / имиджологии и др.

Таким образом, разработанная С. В. Черновой концепция лингвистической интерпретации образа человека, выросшая из многолетнего опыта осмысления и анализа конкретного

языкового материала, выстроенная на строгих лингвистических основаниях, неоднократно успешно использованная в исследовательской практике, является важной частью научного наследия С. В. Черновой и требует своего дальнейшего применения и развития.

Список литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Перспективы развития науки о языке // Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс. М.: Академия, 2007. 367 с.
2. *Аллатов В. М.* Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26.
3. *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка (попытка системного описания) // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
4. *Ван Чжи.* Наименования лиц в молодежной прессе (на материале кировской городской газеты «СтудEnter»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2015. 24 с.
5. *Закирова О. В.* Качественные прилагательные как средство создания образов персонажей романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 22 с.
6. *Игнатов И. А.* Личность: лингвистический анализ (семантика и функционирование слова *личность* в русском языке; человек как носитель личностных характеристик и его отображение в художественном тексте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2013. 26 с.
7. Интерпретация образа человека: опыт лингвистического описания собирательного образа горожанина (образ жителей г. Кирова) / науч. ред. Л. В. Калинина, С. В. Чернова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. 152 с.
8. Интерпретация образа человека. Образ публичных людей г. Кирова / науч. ред. С. В. Чернова. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2012. 275 с.
9. *Калинина Л. В.* Образ Юрия Коваля в воспоминаниях современников (на материале «Ковалиной книги») // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема: материалы Междунар. конф. 5–7 октября 2011 года. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 49–61.
10. *Калинина Л. В.* Языковые средства создания образа харизматической личности (на примере образа А. Д. Меншикова в исторической и художественной литературе) // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. / науч. ред. С. В. Чернова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. С. 15–27.
11. *Калинина Л. В.* Образ фрилансера как успешного человека современности (на материале интернет-источников) // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013а. С. 52–63.
12. *Калинина Л. В.* Рациональное и эмоциональное в образе харизматической личности // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сб. тр. Всерос. науч. конф. / отв. ред. П. А. Лекант. М.: ИИУ МГОУ, 2013б. С. 59–64.
13. *Калинина Л. В.* Образ человека рубежа XX–XXI веков в зеркале языковых и социальных процессов: монография. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013в. 190 с.
14. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
15. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2003. 263 с.
16. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 144–238.
17. *Наумова Н. Г.* Языковые средства создания образа П. И. Чичикова (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2009. 22 с.
18. *Наумова Н. Г.* Языковые средства создания образа П. И. Чичикова (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»): монография. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. 124 с.
19. *Наумова Н. Г.* Языковые средства создания образа человека (на примере главного героя рассказа Л. Андреева «Иностранец») // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема: материалы Междунар. конф. 5–7 октября 2011 года / отв. ред. С. В. Чернова, Л. В. Калинина. Киров, 2011. С. 61–65.
20. *Наумова Н. Г.* Образ Ионыча в одноименном рассказе А. П. Чехова // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. С. 27–32.
21. *Петрусь Т. В.* Образ города как совокупность индивидуально-авторских пространственных представлений (на материале поэзии Светланы Сырневой) // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема: материалы Междунар. конф. 5–7 октября 2011 года / отв. ред. С. В. Чернова, Л. В. Калинина. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 208–212.
22. *Петрусь Т. В.* Лексические средства темпоральной характеристики образа в поэзии // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. С. 54–59.
23. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–70.
24. *Рысева У. А.* Объявления о знакомстве: коммуникативный, гендерный, прагматический аспекты характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2015. 24 с.

25. Собираемый образ вятского студенчества / науч. ред. С. В. Чернова. Киров : ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. 237 с.
26. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М. : Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
27. Чернова С. В. Предложения с безличной формой глагола и инфинитивом в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1982а. 175 с.
28. Чернова С. В. Модальные глаголы в современном русском языке. Семантическая модель «замысел – осуществление замысла» : монография. Киров : Изд-во ВГПУ, 1996. 160 с.
29. Чернова С. В. Модальные глаголы в современном русском языке. Семантическая модель «замысел – осуществление замысла» : дис. ... д-ра филол. наук. Киров, 1997. 284 с.
30. Чернова С. В. Деятельность: лингвистический анализ. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2008. 213 с.
31. Чернова С. В. Образ Александра I как императора и полководца (на материале романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир») // Семантика. Функционирование. Текст : межвуз. сб. науч. тр. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2010. С. 85–98.
32. Чернова С. В. Образ человека: толкование термина, источники для изучения, множественность интерпретаций, лингвистический анализ // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема : материалы Междунар. конф. 5–7 окт. 2011 г. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 9–24.
33. Чернова С. В. Процессуальные и непроцессуальные характеристики человека как основа для реконструкции его образа // Рациональное и эмоциональное в русском языке : материалы Междунар. науч. конф. М. : МГОУ, 2012а. С. 554–558.
34. Чернова С. В. Художественная биография и ее роль в создании образа человека: лингвистический анализ (на материале романа А. И. Герцена «Кто виноват?») // Семантика. Функционирование. Текст : межвуз. сб. науч. тр. / науч. ред. С. В. Чернова. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2012б. С. 5–15.
35. Чернова С. В. Женский образ как результат восприятия, памяти и воображения (на материале романа В. Набокова «Машенька») // Семантика. Функционирование. Текст : межвуз. сб. науч. тр. Киров : Изд-во «Радуга-ПРЕСС», 2013. С. 5–15.
36. Чернова С. В. Семантика слова образ в русском языке // Язык. Текст. Дискурс : науч. альманах. Вып. 12. Ч. II. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2014а. С. 187–196.
37. Чернова С. В. Художественный образ: к определению понятия // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014б. № 6. С. 109–116.
38. Чернова С. В., Калинина Л. В. Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2 (2). С. 8–14.
39. Шибанова А. Н. (Глухих А. Н.) Языковые средства создания образа Александра I в исторической прозе Р. М. Зотова // Вестник Нижегородского университета. 2017. № 3. С. 272–277.
40. Шибанова А. Н. (Глухих А. Н.) Языковые средства создания образа Николая II в романе Б. Акунина «Коронация» // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч. конф., посвящ. памяти д-ра филол. наук К. А. Войловой. М. : ИИУ МГОУ, 2017. С. 332–337.

Linguistic interpretation of the human image in light of S. V. Chernova's ideas: results and prospects

L. V. Kalinina¹, N. G. Naumova²

¹Doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of Russian language, culture of speech and teaching methods, Vyatka State University. Russia, Kirov.

ORCID: 0000-0003-2271-3995. E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

²PhD of philological sciences, associate professor, head of the Department of Russian language, culture of speech and teaching methods, Vyatka State University. Russia, Kirov.

E-mail: aj-latan@yandex.ru

Abstract. The present article is dated for the 70 anniversary since the birth of the Doctor of Philology, professor Svetlana Vladimirovna Chernova (1948–2016). The article is devoted to the main results of the researches conducted for the last decade by representatives of Science School of the Systemic-Functional and Interpretative Linguistics worked under the leadership of S.V. Chernova at department of Russian of Vyatka State University of Humanities. The main attention is paid to a problem of linguistic interpretation of an image of the person as extremely relevant for modern linguistics and received the greatest development in works by S. V. Chernova, in collective scientific projects of department, in dissertation researches of graduate students.

Authors have analysed a number of scientific publications and systematized them so that to show the gradual development of linguistic views of S. V. Chernova. The main attention is concentrated on the review of those researches in which the original concept of linguistic interpretation of an image of the person developed by S. V. Chernova has found the embodiment. Results of these researches were monographic descriptions of a

generalized character of the resident of Kirov, images of public people of Kirov, a generalized character of the Vyatka students, a generalized character of the person of a boundary of the 20–21st centuries. Also further prospects of development of the concept of S. V. Chernova are shown.

The materials presented in the article can be useful to the researchers working in the field of the systemic-functional, interpretative, cognitive direction of linguistics and also dealing with problems of linguistics of an image and studying of language of fiction.

Keywords: anthropocentrism, linguistics of an image, scientific review, S. V. Chernova, dynamic model of description of an image of the person.

References

1. Alefirenko N. F. *Perspektivy razvitiya nauki o yazyke* [Prospects for the development of the science of language] // *Alefirenko N. F. Teoriya yazyka. Vvodnyj kurs* [Theory of language. Introductory course]. M. Academia. 2007. 367 p.
2. Alpatov V. M. *Ob antropocentricheskom i sistemocentricheskom podhoda k yazyku* [About the anthropocentric and system-centric approaches to language] // *Voprosy yazykoznanija – Questions of linguistics*. 1993, No. 3, pp. 15–26.
3. Apresyan YU. D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka (popytka sistemnogo opisaniya)* [Image of a man according to the language (an attempt of system description)] // *Voprosy yazykoznanija – Questions of linguistics*. 1995, No. 1, pp. 37–67.
4. Wang Zhi. *Naimenovaniya lic v molodezhnoj presse (na materiale kirovskoj gorodskoj gazety «Student-er»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Names of persons in the youth press (on the material of the Kirov city newspaper "Student"): abstr. dis. ... PhD of philol. sciences]. Kirov. 2015. 24 p.
5. Zakirova O. V. *Kachestvennye prilagatel'nye kak sredstvo sozdaniya obrazov personazhej romana L. N. Tolstogo «Vojna i mir»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Qualitative adjectives as a means of creating images of characters in the novel by L. N. Tolstoy's «War and peace»: abstr. dis. ... PhD of philol. sciences]. Kazan. 2007. 22 PP.
6. Ignatov I. A. *Lichnost': lingvisticheskij analiz (semantika i funkcionirovanie slova lichnost' v russkom yazyke; chelovek kak nositel' lichnostnyh harakteristik i ego otobrazhenie v hudozhestvennom tekste): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Personality: linguistic analysis (semantics and functioning of the word *personality* in the Russian language; man as a carrier of personal characteristics and his reflection in the literary text): abstr. dis. ... PhD of philol. sciences]. Kirov. 2013. 26 p.
7. *Interpretaciya obraza cheloveka: opyt lingvisticheskogo opisaniya sobiratel'nogo obraza gorozhanina (obraz zhitelej g. Kirova)* – Interpretation of the human image: the experience of linguistic description of the collective image of the citizen (the image of the inhabitants of Kirov) / scient. ed. L. V. Kalinina, S. V. Chernova. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2011. 152 p.
8. *Interpretaciya obraza cheloveka. Obraz publicnyh lyudej g. Kirova* – Interpretation of the human image. The image of public figures of the city of Kirov / ed. S. V. Chernova. Kirov. Publishing house LLC «Raduga-PRESS». 2012. 275 p.
9. Kalinina L. V. *Obraz YUriya Kovalya v vospominaniyah sovremennikov (na materiale «Kovalinoj knigi»)* [Image of Yuri Koval in the memoirs of contemporaries (by the material of the "Kovalynaya book")] // *Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema: materialy Mezhdunar. konf. 5–7 oktyabrya 2011 goda* – Interpretation of the image of man as a linguistic problem: materials of international conf. 5-7 October 2011. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2011. Pp. 49–61.
10. Kalinina L. V. *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza harizmaticheskoy lichnosti (na primere obraza A. D. Menshikova v istoricheskoy i hudozhestvennoj literature)* [Linguistic means of making image of charismatic personality (on the example of the image of A. D. Menshikov in the historical literature)] // *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr.* – Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scient. works / scient. ed. S. V. Chernova. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2012. Pp. 15–27.
11. Kalinina L. V. *Obraz frilansera kak uspeshnogo cheloveka sovremennosti (na materiale internet-istochnikov)* [The image of a freelancer as a successful person of modernity (by the material of Internet sources)] // *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr.* – Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scient. works. Kirov. Publishing house LLC «Raduga-PRESS». 2013a. Pp. 52–63.
12. Kalinina L. V. *Racional'noe i ehmocional'noe v obraze harizmaticheskoy lichnosti* [The rational and the emotional in the image of charismatic personality] // *Racional'noe i ehmocional'noe v russkom yazyke: sb. tr. Vseros. nauch. konf.* – The rational and the emotional in the Russian language: coll. of works of all-Russia scientific conf. / resp. ed. P. A. Lekant. M. Informational and publishing administration of MSRU. 2013b. Pp. 59–64.
13. Kalinina L. V. *Obraz cheloveka rubezha XX–XXI vekov v zerkale yazykovykh i social'nykh processov: monografiya* [Image of man at the turn of XX–XXI centuries in the mirror of language and social processes: monograph]. Kirov. Publishing house LLC «Raduga-PRESS». 2013. 190 p.
14. Karasik V. I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. M. Gnosis. 2004. 390 p.
15. Karaulov YU. N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. M. Editorial URSS. 2003. 263 p.

16. Kubryakova E. S. *EHvoluyuciya lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmatal'nogo analiza)* [Evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century (the experience of paradigmatic analysis)] // *Yazyk i nauka konca XX veka – Language and science of the late twentieth century* / ed. by Yu. S. Stepanov. M. Rus. State Humanit. University. 1995. Pp. 144–238.

17. Naumova N. G. *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza P. I. CHichikova (na materiale poehmy N. V. Gogolya «Mertvye dushi»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic means of creating the image of P. I. Chichikov (by the material of the poem by N. V. Gogol "Dead souls"): abstr. dis. ... PhD of phil. sciences]. Kirov. 2009. 22 p.

18. Naumova N. G. *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza P. I. CHichikova (na materiale poehmy N. V. Gogolya «Mertvye dushi»): monografiya* [Linguistic means of creating the image of P. I. Chichikov (by the material of the poem by N. V. Gogol «Dead souls»): monograph]. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2010. 124 p.

19. Naumova N. G. *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza cheloveka (na primere glavnogo geroya rasskaza L. Andreeva «Inostranec»)* [Linguistic means of creating an image of a person (by the example of the main character of the story by L. Andreev "Foreigner")] // *Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema: materialy Mezhdunar. konf. 5–7 oktyabrya 2011 goda – Interpretation of the image of a person as a linguistic problem: materials of international conf. October 5–7, 2011* / resp. ed. S. V. Chernova, L. V. Kalinina. Kirov. 2011. Pp. 61–65.

20. Naumova N. G. *Obraz Ionycha v odnoimennom rasskaze A. P. CHEkhova* [Image of Ionych in the eponymous story by Anton Chekhov] // *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr. – Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scient. works*. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2012. Pp. 27–32.

21. Petrus' T. V. *Obraz goroda kak sovokupnost' individual'no-avtorskih prostranstvennykh predstavlenij (na materiale poehzii Svetlany Syrnevoy)* [The image of the city as a collection of individually-author's spatial representations (based on the poetry of Svetlana Syrneva)] // *Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema: materialy Mezhdunar. konf. 5–7 oktyabrya 2011 goda – Interpretation of the image of man as a linguistic problem: proceedings of the international conf. October 5–7, 2011* / resp. ed. S. V. Chernova, L. V. Kalinina. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2011. Pp. 208–212.

22. Petrus' T. V. *Leksicheskie sredstva temporal'noj harakteristiki obraza v poehzii* [Lexical means of temporal characteristics of the image in poetry] // *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr. – Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scient. works*. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2012. Pp. 54–59.

23. Postovalova V. I. *Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka* [Picture of the world in human life] // *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira – The role of the human factor in language. Language picture of the world*. M. Nauka. 1988. Pp. 8–70.

24. Ryseva U. A. *Ob'yavleniya o znakomstve: kommunikativnyj, gendernyj, pragmaticheskij aspekty harakteristiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Announcements of acquaintance: communication, gender, and pragmatic aspects characteristics: abstract. dis. ... PhD of phil. sciences]. Kirov. 2015. 24 p.

25. *Sobiratel'nyj obraz vyatskogo studenchestva* -The collective image of the Vyatka students / ed. S. V. Chernova. Kirov. Publishing house LLC «Raduga-PRESS». 2015. 237 p.

26. Uryson E. V. *Problemy issledovaniya yazykovoj kartiny mira. Analogiya v semantike* [Problems of the study of linguistic picture of the world. Analogy in semantics]. M. Languages of Slavic culture. 2003. 224 p.

27. CHernova S. V. *Predlozheniya s bezlichnoj formoj glagola i infinitivom v sovremennom russskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Sentences with the impersonal form of the verb and the infinitive in the modern Russian language: dis. ... PhD of phil. sciences]. Kuibyshev. 1982a. 175 p.

28. CHernova S. V. *Modal'nye glagoly v sovremennom russskom yazyke. Semanticheskaya model' «zamysel – osushchestvlenie zamysla»: monografiya* [Modal verbs in the modern Russian language. The semantic model of «plan – implementation of plan»: monograph]. Kirov. Publishing house of VSPU. 1996. 160 p.

29. CHernova S. V. *Modal'nye glagoly v sovremennom russskom yazyke. Semanticheskaya model' «zamysel – osushchestvlenie zamysla»: dis. ... d-ra filol. nauk* [Modal verbs in the modern Russian language. The semantic model of «plan – implementation of plan»: dis. ... Dr of philol. sciences]. Kirov. 1997. 284 p.

30. CHernova S. V. *Deyatel'nost': lingvisticheskij analiz* [Activity: linguistic analysis]. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2008. 213 p.

31. CHernova S. V. *Obraz Aleksandra I kak imperatora i polkovodca (na materiale romana-ehpopei L. N. Tolstogo «Vojna i mir»)* [The image of Alexander I as Emperor and commander (based on the epic novel by L. N. Tolstoy «War and peace»)] // *Semantika. Funkcionirovanie. Teks: mezhvuz. sb. nauch. tr. – Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scient. works*. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2010. Pp. 85–98.

32. CHernova S. V. *Obraz cheloveka: tolkovanie termina, istochniki dlya izucheniya, mnozhestvennost' interpretacij, lingvisticheskij analiz* [The image of man: the interpretation of the term, the sources for the study, the multiplicity of interpretations, linguistic analysis] // *Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema: materialy Mezhdunar. konf. 5–7okt. 2011 g. – Interpretation of the image of man as a linguistic problem: proceedings of the international conf. 5–7oct. 2011* Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2011. Pp. 9–24.

33. CHernova S. V. *Processual'nye i neprocessual'nye harakteristiki cheloveka kak osnova dlya rekonstrukcii ego obraza* [Procedural and non-procedural characteristics of the person as the basis for the reconstruction of its image] // *Racional'noe i ehemocional'noe v russskom yazyke: materialy Mezhdunar. nauch. konf. – The rational*

and the emotional in Russian language: proceedings of the international scientific conf. M. MSOU. 2012a. Pp. 554-558.

34. *CHernova S. V. Hudozhestvennaya biografiya i ee rol' v sozdanii obraza cheloveka: lingvisticheskij analiz (na materiale romana A. I. Gercena «Kto vinovat?»)* [Artistic biography and its role in the creation of the image of man: linguistic analysis (based on the material of the novel "Who is to blame?")] // *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr.*- Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scient. works. / ed. S. V. Chernova. Kirov. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2012b. Pp. 5-15.

35. *CHernova S. V. Zhenskij obraz kak rezul'tat vospriyatiya, pamyati i voobrazheniya (na materiale romana V. Nabokova «Mashen'ka»)* [Female image as a result of perception, memory and imagination (based on the novel by V. Nabokov "Mashenka")] // *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr.*- Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scient. works. Kirov: Publishing house LLC «Raduga-PRESS». 2013. Pp. 5-15.

36. *CHernova S. V. Semantika slova obraz v russkom yazyke* [Semantics of the word image in Russian] // *Yazyk. Tekst. Diskurs: nauch. al'manah. Vyp. 12. CH. II* – Language. Text. Discourse: scientific almanac. Vol. 12. Part II. Stavropol. Publishing house of NCFU, 2014a. Pp. 187-196.

37. *CHernova S. V. Hudozhestvennyj obraz: k opredeleniyu ponyatiya* [Artistic image: to the definition of the concept] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanitarian University. 2014b, No. 6, pp. 109-116.

38. *CHernova S. V., Kalinina L. V. Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema* [Interpretation of the image of man as a linguistic problem] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanitarian University. 2010, No. 2 (2), pp. 8-14.

39. *SHibanova A. N. (Gluhih A. N.) Yazykovye sredstva sozdaniya obraza Aleksandra I v istoricheskoy proze R.M. Zotova* [Language means of creating the image of Alexander I in the historical prose by R. M. Zotov] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta* – Herald of Nizhny Novgorod University. 2017, No. 3, pp. 272-277.

40. *SHibanova A. N. (Gluhih A. N.) Yazykovye sredstva sozdaniya obraza Nikolaya II v romane B. Akunina «Koronaciya»* [Language means of creating the image of Nicholas II in the novel «Coronation»] // *Russkij yazyk v slavyanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii: sb. nauch. tr. po itogam mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. pamyati d-ra filol.nauk K. A. Voylovoj* – Russian language in the Slavic intercultural communication: works at the end of the international scientific conf. dedicated to the memory of Dr. of phil. sciences K. A. Voylova. M. MSOU. 2017. Pp. 332-337.

Феномен Е. И. Кострова*

А. Г. Маслова

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.

ORCID: 0000-0002-9118-2983. E-mail: usr11021@vyatsu.ru

Аннотация. В статье исследуется феномен поэта XVIII в. Е. И. Кострова. Актуальность исследования обусловлена обострением внимания современной гуманитарной науки к феноменальным явлениям культуры, таким как феномен «забытого гения». Феноменологический подход позволяет осмыслить неоднозначные и самые противоречивые факты литературного процесса. В статье доказывается, что поэзия Е. И. Кострова занимала особое место и повлияла на дальнейшее развитие русской литературы. Уникальность Е. И. Кострова состоит в том, что поэт родом из провинции достиг славы «российского Гомера», обладал самобытным талантом, чувствовал вкусы своих современников, способствовал утверждению в русской литературе романтической поэтики, был признан выдающимся поэтом, свидетельства о его чудачествах сохранились в многочисленных легендах и анекдотах. Парадокс состоит в том, что в истории русской литературы он оказался в ряду второстепенных поэтов, а исследователи редко обращались к анализу его творчества. Автор статьи утверждает, что подобная ситуация связана с необъективным отношением литературоведов XIX и XX столетия к русской литературе XVIII в. В статье подчеркивается самобытность дарования Е. И. Кострова, выявляется оригинальная позиция поэта в литературном процессе последней трети XVIII столетия. Е. И. Костров мог экспериментировать, чувствовать новые тенденции, удовлетворять вкусам публики и одновременно дистанцироваться от «толпы». Но все это не стало поводом для отказа от поэтики классицизма, хотя в эпоху последней трети XVIII столетия противопоставлять себя признанным авторитетам стало общепринятым явлением. Автор статьи приходит к выводу, что Кострову свойственно «этикетное смирение» перед классиками, которые оставались для него образцом высокого служения искусству и отечеству, и этим определяется феномен его эстетической позиции в литературном процессе эпохи последней трети XVIII в.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII в., классицизм, феноменология литературного процесса, феномен поэта, диалог культур.

Одним из перспективных подходов к изучению истории русской литературы в современной гуманитарной науке является феноменологический подход, позволяющий осмыслить неоднозначные и самые противоречивые явления литературного процесса. Такой подход предлагается, например, учеными А. Н. Пашкуровым и А. И. Разживиным при анализе русской литературы XVIII в. [см. 12]. К феноменальным явлениям культуры можно отнести феномен «забытого гения». В своем исследовании мы обращаемся к личности и творчеству одного из таких поэтов, Е. И. Кострова, уроженца Вятской земли, творческая судьба которого воспринимается скорее как легенда благодаря закрепившейся за ним славе добрейшего и остроумного чудака. Современники же считали его великим поэтом, называли «российским Гомером», А. В. Суворов не расставался с переведенным Костровым сборником «Песен Оссиана», М. М. Херасков предпочитал талант Кострова своему собственному, А. С. Пушкин называл имя первого переводчика Гомера в ряду крупнейших литературных деятелей XVIII столетия: «Ломоносов, Херасков, Державин и Костров успели уже обработать наш стихотворный язык» [13, с. 216]. Впоследствии, однако, Е. И. Костров оказался в ряду поэтов второго и даже третьего ряда, и среди современных знатоков литературы найдутся лишь единицы, имеющие хотя бы поверхностное представление о его творчестве. Чем можно объяснить такой парадокс?

Обращаясь к осмыслению феномена нашего земляка Е. И. Кострова, мы сталкиваемся чаще с вопросами, чем с ответами. Среди этих вопросов ключевыми могли бы стать, на наш взгляд, следующие:

1. Почему труды Е. И. Кострова как переводчика, столь значимые в XVIII в., оказались впоследствии практически не востребованы?

2. Почему Е. И. Костров, чутко улавливавший эстетические веяния времени, талантливый и самобытный, переживший «творческую эволюцию, отразившую основные этапы раз-

вития русской литературной культуры второй половины XVIII века» [3, с. 462], не встал в один ряд с теми поэтами, которые определяли движение русской поэзии этого времени (имеются в виду такие яркие фигуры эпохи, как Державин и Карамзин)? Или такое отношение к Кострову – лишь временное «заблуждение» истории, еще один «анекдот», случившийся с чудаком Ермилом Костровым?

Цель данного исследования – обозначить проблемы, связанные с осмыслением самобытности личности и творчества Е. И. Кострова, и определить индивидуально-авторскую позицию поэта в литературном процессе последней трети XVIII в.

Есть несколько моментов в творческой биографии Е. И. Кострова, которые, по мнению исследователей, вызывают удивление. Так, современные вятские ученые В. А. Поздеев и Л. Н. Лузянина замечают в своей работе, что сын дьячка Е. И. Костров, выходец из северного уезда Вятской губернии, испытавший с детства все тяготы сиротской, почти нищенской жизни, «по своему социальному статусу... казалось бы, должен был стать представителем так называемой “третьей культуры” в ее семинаристском варианте, а затем стал бы представителем сельского духовенства» [8, с. 174]. Однако самобытный талант вятского семинариста позволил ему стать студентом Московского университета, а впоследствии обрести славу истинного стихотворца. Он как поэт получил признание своих современников и ближайших потомков. О значимости поэзии Е. И. Кострова в начале XIX в. свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1802 г. было издано двухтомное «Полное собрание...» его сочинений. Попутно заметим, что с этим собранием сочинений Кострова связано одно из многочисленных заблуждений. Двухтомник назван издателями «Полным собранием сочинений г. Кострова» [6], но на самом деле это вовсе не полное собрание произведений поэта. Ошибка первых издателей была повторена в 1849 г., когда А. Ф. Смирдин переиздает сочинения Е. И. Кострова в «Полном собрании сочинений русских авторов» [см. 14]. Список не вошедших в эти издания текстов мы можем найти в книге П. О. Морозова «Е. И. Костров. Его жизнь и литературная деятельность» [10, с. 83–94]. По-настоящему полного собрания сочинений Е. И. Кострова нет до сих пор.

Странность творческой биографии уроженца далекой северной провинции проявилась и в том, что, будучи известным поэтом конца XVIII – начала XIX в., Е. И. Костров впоследствии оказался на периферии литературного процесса, интересовалась этим автором и его творчеством лишь небольшая группа исследователей и читателей. Во многом это может объясняться отношением литературоведов XIX–XX вв. к русской словесности XVIII в. в целом, которая объявлялась, с одной стороны, вторичной, подражательной (в XIX в.), а с другой – придворной, поддерживающей интересы монархов, а не народа, и потому не достойной внимания (в советскую эпоху). Сейчас, в XXI в., свободном от догматического отношения к искусству, поставившем вновь во главу угла незыблемые нравственные ценности, всегда утверждавшиеся в русской литературе, наступило время пересмотра сложившихся оценок. Мы становимся свидетелями возвращения устойчивого интереса к культуре XVIII в. в целом и к творчеству Е. И. Кострова в частности.

Еще один факт, связанный с творческой биографией Кострова, – отсутствие архивного наследия поэта, которое могло бы пролить свет на некоторые «темные» места его жизни, открыть какие-то новые стороны его таланта. Вот один из примеров таких «темных мест». Известно, что Е. И. Костров общался с виднейшими деятелями своей эпохи: он переписывался с А. В. Суворовым, которому посвятил перевод песен Оссиана, некоторое время жил в доме известного мецената И. И. Шувалова, какое-то время прожил и в доме директора Московского университета, автора «бессмертной Россияды» М. М. Хераскова, был приглашен на обед к светлейшему князю Г. А. Потемкину. Но очень загадочным оказывается тот факт, что не сохранилось никаких свидетельств о взаимоотношениях нашего земляка с известным просветителем того времени Н. И. Новиковым, который вел активнейшую издательскую деятельность при типографии Московского университета с 1779 г., то есть как раз тогда, когда Костров был утвержден в должности стихотворца этого учебного заведения. Один из фактов свидетельствует, что Костров был знаком с Новиковым: так, считается, что «Золотой осел» Апулея был переведен Костровым в 1780–1781 гг. по просьбе Н. И. Новикова, «в кружке Новикова книгу Апулея понимали как сочинение мистико-аллегорическое» [16]. Возможно, с Новиковым и его кружком, как отмечает автор биографической справки о Кострове А. Б. Шишкин, Костров сошелся через М. М. Хераскова [16]. Следует уточнить, о каком кружке Новикова идет речь. Известно, что Н. И. Новиков совместно с назначенным в 1779 г. профессором Московского университета по кафедре философии Иоганном Георгом Шварцем увлекался идеями

масонства, по инициативе Новикова в московской типографии издавались журналы масонского содержания. Тесно связан с масонами был и М. М. Херасков, которому Костров посвятил несколько стихотворений. Н. И. Новиков совместно с И. Г. Шварцем были организаторами в Москве мистической масонской ложи розенкрейцеров «Гармония». Какую позицию по отношению к этому мистическому течению занимал наш земляк? Участвовал ли он вообще в каких-либо философских и эстетических спорах, связанных с духовными проблемами, волнующими масонов? Был ли знаком Костров с содержанием журналов масонского толка «Утренний свет» (1779–1782), «Свободные часы» (1783), «Покоящийся трудолюбец» (1784), выпускавшихся в типографии Московского университета? И если да, что, как нам кажется, ближе к истине, то как это сказалось на его творчестве?

Еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание в связи с выделением «загадок», образовавшихся вокруг Е. И. Кострова. Почему в его поэзии не звучит тема, актуальная для поэтов всех эпох, – тема осмысления собственного творчества? Почему не заявляет он своих «претензий» на бессмертие, подобно Державину или Горацию? Почему в период, когда в поэзию проникает индивидуальное чувство, личность стихотворца, Костров не позволяет себе нарушить классицистические традиции в создании образа автора? Личное авторское «я» проявляется в его творчестве лишь опосредованно. Что это – дань традиции классицистической поэзии, не допускавшей индивидуальную эмоцию и рефлексию в поэтический текст, или скромность, смиренная позиция автора, объясняющаяся его зависимым положением в среде окружавших его представителей дворянства? Поэзия Кострова почти не дает нам знаний об особенностях его личности и характера. Все это мы узнаем в основном из разных свидетельств анекдотического плана: о чудачествах, способности к состраданию, добром сердце, любви к свободе, чувстве справедливости.

Появление всех этих вопросов свидетельствует о том, что проблема «феномен Кострова» действительно существует и ждет детальной разработки.

В результате возникает главный вопрос: каково же все-таки место Е. И. Кострова в русском литературном процессе? Что нового он внес в литературу? Что позволяет ему занять достойное место в ряду первых поэтов русской словесности?

Ермил Иванович Костров – поэт «блестящей» екатерининской эпохи. Творчество его приходится на 1770–1790-е гг. Е. И. Костров начинает свой творческий путь как ученик М. В. Ломоносова, затем усваивает творческие принципы М. М. Хераскова и духовно-нравственные концепции масонской антропологии, отразившейся в поэзии журналов, издаваемых Н. И. Новиковым в типографии Московского университета, впоследствии ориентируется на открытия Г. Р. Державина, в 80-е гг. начинает создавать «легкую» поэзию в духе сентиментализма, в конце 1780-х – начале 1790-х гг. открывает для себя и для всей русской литературы Оссиана, способствуя зарождению на русской почве нового романтического взгляда на природу и человека. В этом смысле Костров является знаковой фигурой своего времени, творчество его оказывается вовсе не на периферии, а в самом центре художественных исканий эпохи. Его творческую самобытность, на наш взгляд, определяет тесная связь поэзии Е. И. Кострова с глубинными традициями мировой литературы, обусловленная энциклопедической литературной эрудицией поэта. Костров знал древнегреческий и латинский языки, переводил произведения с французского языка, с юности усвоил духовные основы православной этики и свободно использовал в своих светских произведениях сюжеты и образы Библии, чутко улавливал все новые веяния и откликался на них в своей поэзии.

Его уникальное место в истории русской литературы должно определяться тем, что благодаря Кострову, вступающему в своем творчестве в диалог с предшественниками и современниками, явления «чужой» литературы становились «своими», усваивались русской литературой и развивались в последующие периоды. В этом отношении важным направлением современных исследований творчества Е. И. Кострова может стать системное изучение переводческой деятельности поэта и влияния этих переводов на русский литературный процесс.

Е. И. Костров является создателем русских переводов «Тактики» Вольтера, «Золотого осли» Апулея, «Илиады» Гомера (первые шесть песен были опубликованы в 1787 г.), поэмы «Эльвирь» и повести «Зенотемис» француза Бакюлара Д-Арно, «гальских стихотворений» Джеймса Макферсона (с фр. перевода П. Летурнера) «Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века», «Молитвы» из сочинений Александра Поупа, стихотворения «Путь жизни», которое также соотносится с именем А. Поупа. Как видим, спектр переводческих сочинений широк и многообразен: это и античные поэты, и поэты XVIII в. из Франции, Англии, Шотландии.

В отечественной науке рассмотрены особенности отдельных наиболее значимых переводов. Разделы о костровских переводах присутствуют в монографиях А. Н. Егунова «Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков» [4] и Ю. Д. Левина «Оссиан в русской литературе» [7]. Перевод «Илиады» Костровым выполнен александрийским стихом. Как отмечают Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников, «высокий стиль, архаизированный синтаксис, обилие славянизмов связывают это сочинение с литературной традицией классицизма <...> Костров не ставит перед собой задачи передать звучание гомеровского эпоса, он интерпретировал текст в духе “осямнадцатого столетия”, поэтому античные герои стали напоминать персонажей классицистических трагедий и эпоей и одновременно екатерининских вельмож» [11, с. 92]. Именно благодаря такой установке Кострова его Гомер был принят «со всеобщим рукоплесканием» и вызвал восторженную рецензию друга Кострова писателя Ф. О. Туманского [см. 15]. О переводе оссианических песен Г. А. Гуковский писал: «...Кострову удалось передать романтический колорит, сумрачную поэзию, эмоциональную напряженность Оссиана, его суровую энергию. Его перевод явился крупной победой предромантизма в русской литературе» [3, с. 471]. Перевод «Золотого осла» Апулея оставался единственным в России вплоть до начала XX в. Е. И. Костров, как пишет А. Б. Шишкин, «ставил себе задачу воспроизвести художественный стиль оригинала в филологически точном переводе. Удачей К. был легкий и “галантный” слог перевода, в совершенстве передающий живые оттенки авантюрного повествования Апулея» [16]. Об искусности костровского перевода «Тактики» Вольтера пишет П. Р. Заборов [5, с. 54].

Как можно убедиться, по отдельности многие из переводов Е. И. Кострова рассмотрены, но нет общей картины. Главная особенность переводов Е. И. Кострова – не прямое следование оригиналу, а поиск ритмических и стилистических средств, способных передать атмосферу первичного текста, или, как в случае с гомеровским эпосом, сделать близким читателю тот художественный мир, который создавался изначально автором. Благодаря такому подходу переводы Кострова сразу же становились популярными, мировые образы, сюжеты и мотивы активно осваивались современниками, утверждаясь в пространстве русской культуры. Наиболее показательный пример – интерес к оссианическому эпосу, предопределивший развитие интереса к национальной истории и собственной древности, с одной стороны, и способствовавший утверждению романтической поэтики в литературе – с другой.

Огромную роль в поэзии Е. И. Кострова играют античные образы. Можно отметить, что в обильном употреблении античных имен собственных в одах поэт следует сложившейся в русском классицизме традиции, однако на этом пути Кострову удалось сказать свое слово. Так, в его одах постоянно присутствует образ Московского Парнаса, то есть, используя традиционное мифологическое наименование горы, являющейся местом обитания муз, Костров применяет его для обозначения конкретного географического пространства – Московского университета. Безусловно, географическая конкретизация традиционного мифологического образа является новаторством Е. И. Кострова, подчеркнувшего особую, отличную от любого другого места, в том числе и от Петербурга, творческую среду, сформировавшуюся в 70–80-е гг. XVIII в. в Москве.

Другой античный образ, также появившийся уже в первых печатных одах Кострова, – образ Гомера. Именно с этим античным поэтом нередко соотносит себя Костров, не считая возможным соперничать с ним в искусстве витийства: «Трубу Гомеровой гортани / Судьбой мне не дано иметь» [6, с. 53]. Эти строки звучат в «Оде на день рождения ея императорского величества Екатерины II, апреля 21 дня, 1781 года». Соотнесение собственного искусства с непревзойденным мастерством великого Гомера оказалось для Е. И. Кострова далеко не случайным, ведь именно Кострова, создавшего блестящий перевод первых шести песен «Илиады» (костровский перевод следующих песен станет известен уже после смерти автора), современники назовут «российским Гомером». Переключки и параллели с Гомером – особое средство самовыражения поэта в своем творчестве. Так, адресуя свой перевод первых шести песен «Илиады» Екатерине Великой, Костров в поэтическом посвящении упоминает о судьбе греческого певца:

В теченьи дней своих воспитанник сей Феба
Едва ли не лишен насущного был хлеба.
Нисшед во гроб, он стал достоин алтарей,
Был удивлением народов и царей [6, т. 2, с. 1].

В этом посвящении звучит намек на собственное безвестное и полунищенское существование, в приведенных строках слышится редкая для поэзии XVIII в. интонация исповедальности и горечи: ведь судьба греческого певца отражает судьбу большинства поэтов, в том числе и самого Кострова.

Говоря о характерном для поэтики Е. И. Кострова диалоге времен, необходимо отметить и широкое использование библеизмов в его творчестве, на что указывали многие исследователи. Г. А. Гуковский, например, отмечал: «Костров насыщает свои ранние оды славянизмами и всевозможными “библеизмами”, образами, выражениями, мотивами Библии, иногда нарочито архаического и притом величественного звучания» [3, с. 466]. К. Г. Бронников, выявляя своеобразие Е. И. Кострова, подчеркивает, что «поэт расширяет арсенал ломоносовских приемов, усложняет образность одического языка, увеличивает количество “библеизмов”, образов и мотивов Библии, добиваясь нового звучания русской оды» [2, с. 27]. М. Г. Альтшуллер, подчеркивая частое обращение Е. И. Кострова к библейской тематике и образности в одическом творчестве, пишет: «Обычно одописцы использовали античную мифологию, оставляя библейские мотивы для другого жанра – переложений псалмов» [1, с. 65], Костров же свободно вводит эти образы в оду. Стоит, однако, отметить, что, несмотря на регулярное выделение этой характерной особенности одической поэзии Кострова, эта проблема до сих пор еще детально не изучена, библейские мотивы в творчестве Кострова еще не становились предметом исследовательского внимания.

Есть целый ряд фактов, которые свидетельствуют об оригинальности подхода Кострова к тем открытиям, которые утверждались в русской поэзии в 1770–1790-е гг. Мы считаем необходимым опровергнуть тезисы, выдвинутые авторитетным ученым Г. А. Гуковским, определившим дарование Кострова как второстепенное, подчеркнувшим, что Ермил Иванович Костров выразил в своем творческом пути литературные процессы 1770–1780-х гг. «типически», что «он не смог подняться до чувства народного самосознания гениального крестьянина Ломоносова и подчинился культурно-идеологическому воздействию дворянской литературы» [3, с. 462].

Обозначив выше оригинальность в использовании античных и библейских образов, назовем еще ряд убедительных свидетельств самобытности дарования Е. И. Кострова. Обратим внимание на первое произведение выпускника Вятской духовной семинарии, созданное в 1773 г. и адресованное архимандриту московского Новоспасского монастыря Иоанну. Юный Костров, преподнося оду своему влиятельному земляку, рассчитывал на поддержку, однако юношеские стихи Е. И. Кострова не вписываются в корпус широко распространенных «угодных» похвальных текстов «подносителей», чающих получить вознаграждение от адресатов. Это стихи новаторские и экспериментальные. Юный поэт не идет по пути создания хвалебной оды, не льстит адресату. Е. И. Костров передает свои личные переживания и чаяния, размышляет о злом роке, о науках, дающих блаженство, о натуре человека, о путях, по которым может пойти человек, чтобы обрести славу. Форма оды позволяет автору свободно переходить от одной темы к другой, вести свободный диалог не только со своим адресатом, но и со своей душой. Примечательна смелость начинающего провинциального поэта, не побоявшегося в утвердившуюся в русской торжественной поэзии десятистрочную одическую строфу вложить совсем не характерное для этой формы содержание. Канон высокой оды приспособляется Костровым для изображения постигших его испытаний, а в судьбе лирического героя стихотворения отражается судьба многих бедных молодых людей из далеких уголков России, стремящихся получить образование и вынужденных полагаться на защиту и покровительство меценатов. В произведении мы видим переплетение элегических мотивов, нравственно-философских размышлений и похвальных строф. Это одновременно и ода, и послание, и автобиографическое стихотворение, и философская лирика. Мы бы определили это произведение как «смешанную» оду, но совсем иного типа, чем державинская, и появилась эта ода задолго до державинских оды-элегии «На смерть князя Мещерского» и оды-сатиры «Фелица» [см. об этом подробнее: 9].

Отмечая дальнейшую эволюцию поэзии Е. И. Кострова, мы заметим, что эти юношеские эксперименты не будут по какой-то причине продолжены поэтом. Наблюдая за тем, как Е. И. Костров осваивал в своем творчестве те или иные открытия своих современников, мы увидим, что он никогда не идет по пути разрушения классицистической поэтики. Так, анализируя функционирование природных образов в его поэзии, мы заметили, что, следуя общему

движению литературы от риторической культуры к индивидуально-авторскому мировидению, Костров, начиная с 1780-х г., все чаще вводит в условные классицистические пейзажи отдельные детали, придающие картинам природы пластичность и живописность. В ряде случаев Костров демонстрирует свое умение замечать малейшие изменения природного мира, отражая присутствующее в душе человека естественное «чувство природы». Но даже в его «легких» стихотворениях, ориентированных на новые сентиментальные веяния, природа не получает статуса самостоятельного образа и остается символом или аллегорией, призванными выразить те или иные «всеобщие» переживания. Это кажется весьма странным на фоне тех открытий в области изображения природы, которые совершаются в этот период. На наш взгляд, это можно рассматривать как особую эстетическую позицию. Можно отметить намеренную «невстраиваемость» Е. И. Кострова в общее движение литературы от риторической культуры к свободному проявлению индивидуально-авторского начала в творчестве. Это вовсе не говорит о «нечеткости» поэта к переменам. О самобытности и новаторском характере его таланта свидетельствует его первое произведение. Мы знаем, что Костров тонко воспринимал все открытия своих современников и ценился как поэт, чутко улавливающий вкусы читающей публики. Об этом свидетельствуют и его отклик на «Фелицу» Г. Р. Державина, и его обращение к оссиановскому эпосу, и его перевод «Илиады» Гомера, соответствующий вкусам современников. На наш взгляд, это стоит рассматривать как индивидуально-авторскую позицию в период перемен, как сознательное следование поэта «своему» пути, как скромное смирение перед классической эстетикой, которая оставалась для Кострова образцом высокого служения искусству и отечеству.

Подводя итог размышлениям о феномене Е. И. Кострова, наметим перспективы дальнейших исследований. Важным направлением мы считаем углубление изучения диалога культур в творчестве Кострова. Перспективным видится выявление в его поэзии художественной интерпретации мировых образов и сюжетов Священной истории, а также изучение произведений, в которых поэт обращается к жанрам и темам, разрабатываемым античными и западноевропейскими авторами. Следует обозначить такие особенности, которые поэт вносит в разработку классических жанров и вечных мировых тем, рассмотреть, как его открытия развиваются в дальнейшем, в творчестве русских поэтов последующих эпох.

Список литературы

1. *Альтшуллер М. Г.* В тени Державина: Литературные портреты. СПб. : Изд-во «Пушкинский Дом», 2014. 616 с.
2. *Бронников К. Г.* Поэт осмнадцатого столетия. Творческий путь Е. И. Кострова. М. : Прометей 1997. 80 с.
3. *Гуковский Г. А.* Костров // История русской литературы : в 10 т. / АН СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. 1947. С. 462–472. Электронная публикация: ФЭБ. URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il4/il4-4622.htm> (дата обращения 07.10.2018).
4. *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М. : Индрик, 2001. 397 с.
5. *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер: XVIII – первая треть XIX в. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 205 с.
6. *Костров Е. И.* Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова : в 2 т. СПб., 1802. Т. 2. С. 1.
7. *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе (конец XVIII – первая треть XIX века). Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 246 с.
8. *Лузянина Л. Н., Поздеев В. А.* Личность и творчество Е. И. Кострова в литературном сознании (конец XVIII – первая половина XIX века) // Феномен Вятской земли в отечественной литературе. Киров : ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. С. 174–181.
9. *Маслова А. Г.* Отражение судьбы провинциального семинариста в «Стихах архимандриту Иоанну» Е. И. Кострова // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности : сб. науч. ст. : материалы VIII Междунар. Стахеевских чтений. Елабуга, 16–17 ноября 2017 г. Елабуга, 2017. С. 184–187.
10. *Морозов П. О.* Е. И. Костров. Его жизнь и литературная деятельность. Воронеж: В тип. Губ. Правления, 1876. 107 с.
11. *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Костров // Русские писатели, XVIII век : биобиблиогр. словарь. М. : Просвещение, 2002. С. 91–93.
12. *Пашкуров А. Н., Разживин А. И.* История русской литературы XVIII века : в 2 ч. М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. Ч. 1. 408 с. ; Ч. 2. 536 с.
13. *Пушкин А. С.* Александр Радищев // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М. : Худож. лит., 1962. Т. 6. С. 210–221.

14. Сочинения Кострова. СПб. : А. Смирдин, 1849. 501 с. (Полное собрание сочинений русских авторов).

15. Туманский Ф. В. [Рецензия на перевод Е. И. Кострова поэмы Гомера «Илиада»] // Зеркало света. 1787. Ч. IV. С. 251–257.

16. Шишкин А. Б. Костров // Словарь русских писателей XVIII века. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?> (дата обращения 18.10.2018).

E. I. Kostrov's Phenomenon

A. G. Maslova

Doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of Russian and foreign literature and teaching methods, Vyatka State University. Russia, Kirov.

ORCID: 0000-0002-9118-2983. E-mail: usr11021@vyatsu.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of E. I. Kostrov, the XVIIIth century poet. The relevance of the study is due to the increased attention of modern humanities to cultural phenomena, such as the phenomenon of the «forgotten genius». The phenomenological approach allows to comprehend the ambiguous and most controversial facts of the literary process. The article proves that E. I. Kostrov's poetry took a special place and influenced the further development of Russian literature. The uniqueness of E.I. Kostrov is that the poet came from province to achieve the glory of "Russian Homer", had an original talent, felt his contemporaries' tastes, contributed to strengthening romantic poetics in Russian literature, was recognized as an outstanding poet, numerous legends and anecdotes preserved his eccentricity. The paradox is that in the history of Russian literature he was among the minor poets, and researchers rarely turned to the analysis of his works. The author of the article argues that this situation is connected with the biased attitude of the XIXth and XXth centuries' literary critics to Russian literature of the XVIIIth century. The article emphasizes the originality of E. I. Kostrov's talent, reveals the poet's original position in the literary process of the last third of the XVIIIth century. E. I. Kostrov could experiment, feel new trends, satisfy the tastes of the public and at the same time distance himself from the «crowd». But all this did not result in abandoning classicism poetics, although in the epoch of the last third of the XVIIIth century it became a generally accepted phenomenon to oppose oneself to recognized authorities. The author of the article comes to the conclusion that Kostrov is characterized by «etiquette humility» before the classics, who remained for him a model of high service to art and the fatherland, and this determines the phenomenon of his aesthetic position in the literary process of the last third of the XVIIIth century.

Keywords: Russian poetry of the XVIIIth century, classicism, phenomenology of the literary process, the phenomenon of the poet, dialogue of cultures.

References

1. Al'tshuller M. G. *V teni Derzhavina: Literaturnye portrety* [In the shadow of Derzhavin: Literary portraits]. SPb. Publishing house «Pushkin House». 2014. 616 p.
2. Bronnikov K. G. *Poeht os'mnadcatogo stoletiya. Tvorcheskij put' E. I. Kostrova* [Poet of the eighteenth century. Creative way of E. I. Kostrov]. M. Prometheus 1997. 80 p.
3. Gukovskij G. A. *Kostrov* [Kostrov] // *Istoriya russkoj literatury : v 10 t.* – History of Russian literature: in 10 volumes / USSR Academy of Sciences. M.; L. Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 1941–1956. Vol. IV: Literature of the XVIII century. Part 2. 1947. Pp. 462–472. Electronic publication: Fundamental Electronical Library. Available at: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il4/il4-4622.htm> (accessed 07.10.2018).
4. Egunov A. N. *Gomer v russkih perevodah XVIII–XIX vekov* [Homer in Russian translations of XVIII–XIX centuries]. M. Indrik. 2001. 397 p.
5. Zaborov P. R. *Russkaya literatura i Vol'ter: XVIII – pervaya tret' XIX v* [Russian literature and Voltaire: XVIII – first third XIX]. L. Nauka. Leningr. dep. 1980. 205 p.
6. Kostrov E. I. *Polnoe sobranie vseh sochinenij i perevodov v stihah g. Kostrova: v 2 t.* [Complete collection of all writings and translations in verse of Kostrov: in 2 vol.]. SPb. 1802. Vol. 2. P. 1.
7. Levin YU. D. *Ossian v russkoj literature (konec XVIII – pervaya tret' XIX veka)* [Ossian in Russian literature (end of XVIII – first third of XIX century)]. L. Nauka. Leningr. dep. 1978. 246 p.
8. Luzyanina L. N., Pozdeev V. A. *Lichnost' i tvorchestvo E. I. Kostrova v literaturnom soznanii (konec XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [Personality and creativity of E. I. Kostrov in the literary consciousness (the end of the XVIII-the first half of the XIX century)] // *Fenomen Vyatskoj zemli v otechestvennoj literature – The phenomenon of Vyatka land in Russian literature*. Kirov. LLC «Raduga PRESS». 2013. Pp. 174–181.
9. Maslova A. G. *Otrazhenie sud'by provincial'nogo seminarista v «Stihah arhimandritu Ioannu» E. I. Kostrova* [Reflection of the fate of the provincial seminarian in the "Poems to Archimandrite John" by Kostrov E. I.] // *Rossijskaya provinciya kak sociokul'turnoe pole formirovaniya grazhdanskoj i nacional'noj iden-*

tichnosti: sb. nauch. st.: materialy VIII Mezhdunar. Staheevskih chtenij – Russian province as a sociocultural field of formation of civil and national identity: collection of scientific articles: materials of VIII Intern. Staheev readings. Elabuga, 16–17 November 2017. Elabuga. 2017. Pp. 184–187.

10. Morozov P. O. E. I. Kostrov. *Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* [E. I. Kostrov. His life and literary activity]. Voronezh. Typ. of Guberniya Board. 1876. 107 p.

11. Ol'shevskaya L. A., Travnikov S. N. Kostrov [Kostrov] // *Russkie pisateli, XVIII vek : biobibliogr. slovar'* – Russian writers of the XVIII century: bibliogr. dictionary. M. Prosveshcheniye. 2002. Pp. 91–93.

12. Pashkurov A. N., Razzhivin A. I. *Istoriya russkoj literatury XVIII veka: v 2 ch.* [History of Russian literature of the XVIII century: in 2 pts.] M. Flinta: Nauka. 2017. Part 1. 408 p.; Part 2. 536 p.

13. Pushkin A. S. *Aleksandr Radishchev* [Aleksandr Radishchev] // *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 10 t.* [Full coll. of works: in 10 volumes]. M. Khudozh. lit. 1962. Vol.6. Pp. 210–221.

14. *Sochineniya Kostrova. SPb. A. Smirdin, 1849. 501 s. (Polnoe sobranie sochinenij russkikh avtorov)*-Kostrov's Works. SPb. A. Smirdin, 1849. 501 p. (Complete works of Russian authors).

15. Tumanskij F. V. [Recenziya na perevod E. I. Kostrova poehmy Gomera «Iliada»] [Review of the E. I. Kostrov's translation of poem by Homer «Iliad»] // *Zerkalo sveta* – Mirror of the world. 1787. Part IV. Pp. 251–257.

16. SHishkin A. B. Kostrov [Kostrov] // *Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka* – Dictionary of Russian writers of the XVIII century. Available at: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?> (accessed 18.10.2018).

«Гляжусь в тебя, как в зеркало»: пермское приходское духовенство в глазах паствы

С. В. Рязанова

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0001-5387-9387. E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена образу приходского духовенства в представлениях прихожан на примере Прикамского православного сообщества. Клир рассматривается как устойчивый элемент приходской жизни, определяющий восприятие религиозной жизни современным верующим. Для анализа использованы данные мониторинга религиозной ситуации в Пермском крае с 2016 по 2018 г. с использованием методов включенного наблюдения и полуструктурированного интервью. Интерпретация материала осуществлялась на основе феноменологического подхода и принципа герменевтической интерпретации полученной информации, без учета половозрастного состава и уровня образования респондентов. Высказывания респондентов определили границы и девиации для конструирования образа духовенства. Образ клирика был рассмотрен в трех аспектах: принципы выбора священнослужителя, профессиональные требования для клира, допустимость поведенческих девиаций. По каждому из предлагаемых блоков вопросов были выделены группы прихожан, занимающие особую позицию. В исследовании были определены те характеристики священнослужителей, которые были выбраны всеми респондентами и составили портрет идеального клирика. Было установлено, что отношение к священнику зависит не только от традиционных представлений, но и связано с эмансипацией индивидуального религиозного сознания. Священник предстает как необходимый компонент индивидуальной религиозной жизни, служащий нравственным ориентиром, но попадающий в зону критики для большинства мирян. Выделяются приписанные духовенству социальные функции – воспитательная, терапевтическая и посредническая. Наивысшие требования предъявляются к моральному поведению священника с допущением его оправдания как носителя особого статуса. Образ священника конструируется как доступный идеал для прихожанина, что определяет допустимость сущностных и поведенческих дефектов.

Ключевые слова: православие, Пермский край, приходское духовенство.

Священник в православной традиции – одна из тех фигур, которая занимает устойчивое место в представлениях о религиозной культуре, тесно связана с осуществлением культовой практики и околорелигиозной жизни. Российские верующие, вне зависимости от степени вовлеченности в религиозное пространство, не нуждаются в уточнениях статуса духовенства этого уровня и не испытывают затруднений при ответе на вопросы, связанные с местом клира приходских церквей в жизни прихода и прихожан.

Впрочем, само понятие прихода в современном отечественном православии сильно отличается от представлений столетней давности. Это давно уже не сплоченный коллектив с устойчивым составом участников, связанный не только местом проживания и привычкой к посещению определенного храма, но и набором представлений о фиксированном в границах традиции режиме посещений церковных служб, стереотипах отношения к обрядам и требам, нормам вхождения в религиозное пространство. Теперь образцы таких приходов встречаются только в сельской местности и отдаленных городских районах, где замкнутые территориально сообщества в некоторых случаях воспроизводят привычный ритм религиозной жизни села. Средний прихожанин становится таковым только на момент посещения церкви, в качестве мотива выбора имея удобство расположения, красоту богослужения или психологически комфортную модель поведения клирика [21]. Границы приходов становятся плавающими, могут в значительной мере раздвигаться в периоды двенадцатых праздников и Пасхи и не являются доста-

точным основанием для храмовой аффилиации верующего. Только фигура священника (и иногда – дьякона) в этой ситуации выступает в качестве устойчивого элемента приходской жизни. Поэтому представляется особенно актуальным определить то, как современный прихожанин определяет для себя образ священнослужителя, в какой мере он готов полагать клирика обязательной и значимой для себя частью собственной религиозной жизни.

Почти разрушенная в советский период система воспроизводства церковных кадров, активная антирелигиозная пропаганда и акцент на светском образовании спровоцировали то, что в условиях постсоветской религиозной свободы процесс конструирования представлений о религии оказался слабо управляемым. К влияющим на него факторам стоит отнести сформированный атеистической литературой образ священнослужителя как малограмотного, наживающегося на прихожанах, слабо лояльного к власти персонажа, сохранившийся в представлении части населения; наличие большого числа новых религиозных и околорелигиозных феноменов, широко транслируемых в СМИ и вносящих путаницу в головы слабо образованных в религиозном отношении граждан [8, с. 68; 22, с. 44]; приход в церковь в конце прошлого и начале нынешнего века недостаточно подготовленных клириков, закрывающих кадровые лакуны. Ориентация мирянина в религиозном пространстве зачастую осуществлялась стихийно, под воздействием информации от столь же компетентного окружения, популярной литературы по теме и собственных умозаключений [27, с. 229–253; 26, с. 235–255; 22, с. 126]. Представления о приходском духовенстве стали одним из результатов такого конструирования представлений о религиозном пространстве и его составляющих.

Поскольку в нашем представлении религиозные феномены любого рода всегда имеют конкретно-историческое социокультурное воплощение [17, с. 68], в границах предлагаемого исследования предполагается изучение одного из локальных вариантов сообщества верующих – православных Пермского края.

Для анализа представлений мирян о духовенстве на приходском уровне были использованы данные из приблизительно сотни интервью с православными, аффилирующими себя к РПЦ МП и, в той или иной степени, участвующими в церковной и околочерковной жизни. Подбор респондентов осуществлялся на основе выборки по принципу «снежного кома». Методом сбора информации стало полуструктурированное интервью, частично свободное от недостатков количественных методов [9, с. 23 и далее] и дающее возможность детально трактовать процессы индивидуального конструирования религиозного мировоззрения, позволяя учитывать глубинные мотивы верующего одновременно конкретизировать значимые моменты повествования [23, с. 54]. Полученный материал был интерпретирован на основе феноменологического подхода с использованием принципа герменевтической интерпретации. Полученные данные частично верифицировались при помощи материала включенных наблюдений.

Обозначенный аспект религиозной жизни Прикамья в настоящее время является незатронутым в рамках работ, посвященных Русской православной церкви в регионе. Большой частью они затрагивают исторический аспект местного православия, хотя и посвящены большому спектру исследовательских проблем [7; 18; 19; 20]. Особо стоит отметить труды М. Г. Нечаева [16], А. Н. Марченко [12–15], В. В. Лавринова [10; 11], П. Н. Агафонова [1–6]. В этом отношении выбранный ракурс изучения православного сообщества Пермского края является совсем незатронутым.

Образ священнослужителя, сформированный прихожанами пермских храмов, является, несомненно, собирательным и в значительной мере различающимся от индивида к индивиду. Поэтому мы представим в тексте спектр суждений респондентов, позволяющий судить о границах и возможных девиациях в конструировании образа духовенства. При соотнесении данных нами не учитывались половозрастной состав и уровень образования респондентов. Основной акцент был сделан на том, какой спектр представлений о местном клире складывается в данной локации. Сбор информации через интервью и включенные наблюдения проходил в 2016–2018 гг. В сносках тексты интервью атрибутированы через сокращенную фамилию интервьюера.

Стоит отметить, что в современной, внешне секуляризованной, культуре приходской священник (и сопровождающий его персонал) являются значимым фактором посещения церкви и популярности определенного храма. Личность священника, уровень его грамотности, отношение к прихожанам и нравственный портрет оказывают неоднозначное, но интенсивное влияние на прихожан. Вежливость, готовность выслушать, активное взаимодействие с отдельными группами верующих (пожилые люди, молодежь) стимулируют интенсивность

посещения храма: «Есть церкви, храмы, где, скажем, где сильные такие духовные батюшки, такие есть, скажем, в поселке Юг, там отец Петр, к нему чуть ли не со всей России приезжают... Потом можно отметить Богоявленский монастырь в Верхней Курье, там отец Стефан, тоже там, духовно, скажем, опытный батюшка» [Ан-ва]. С другой стороны, известны случаи, когда священник одного из крупных храмов краевого центра был негативно охарактеризован одной частью прихожан за грубость выражений при общении и пользовался большим уважением другой части, трактующей грубость как необходимую в общении с верующими строгость.

В любом случае, священнослужитель – заметная в пространстве прихода фигура, и прихожане, периодически попадающие в храм, имеют как представления о нем, так и суждения о том, каким может/должен быть некий «идеальный» священник. Представления о некоей норме определяют ответы на вопрос о том, почему верующий предпочитает конкретного клирика. Стоит отметить, что только треть респондентов указала, что для нее является значимой личностью батюшки. Большинство опрошенных попадает в храм только в самые большие праздники, а на исповеди не ходит совсем. Тем не менее и эта часть верующих готова выделить обстоятельства, располагающие к священнослужителю.

Очень значимым для прихожан является наличие эмпатии к нему как члену религиозного сообщества: «...один только был и есть на слуху это отец Борис. От него веяло какой-то теплотой, и... хотелось, значит, идти в этот приход, потому что... вот как-то доверялось ему полностью. Доверие какое-то было» [Ф-ва]; «Батюшка очень внимательный, хочется слушать его и слушать, Богом данный. Он всегда немногословен, но все очень дельно и понятно. К нему очередь после службы выстраивается, за благословлением. Он никому не отказывает и слово доброе для каждого найдет... Если сказать кратко, то пребывание в церкви меня успокаивает и дает надежду на лучшее. В другие приходы не хожу, был опыт. Священники мрачнее тучи, вопрос им лишний боишься задать» [Кат-в]. Современный прихожанин ждет от священника неформального отношения, не уделяя при этом большого внимания уровню его осведомленности и компетентности: «...некоторые – видно, что они просто свою работу делают, а у некоторых все равно как-то вот в глазах есть, как печаль, забота об этих прихожанах, это вот заметно. Ну встречаешь это редко, как правило, они вот какие-то озабоченные, что ли... (Интервьюер: Казенные какие-то, да?) этим, как бы вот» [Б-кин].

Впрочем, нарушение или прерывание хода службы также работает на создание негативного имиджа причта, что отмечается даже редко посещающими церковь прихожанами: «Во время службы священник прервал свою молитву, чтобы ответить на телефонный звонок. Разговор священника с его таинственным собеседником длился около десяти минут. После разговора священник, не обращая внимания на недовольство прихожан, продолжил свою молитву с того места, где он прервался» [Церковь при Богоявленском мужском монастыре (май-июнь 2015 г.)]; «Батюшка стоял впереди, спиной ко всем и в руке у него виднелся черный телефон, который он, видимо, не отпускал из руки. Читал молитвы он очень неразборчиво и откровенно халтурил, потому что я еще ходила на службу в семинарию, где читали очень четко, громко, что даже можно было понять текст» [Храм Святого Великомученика целителя Пантелеймона (26 мая 2016 г.)]; «...батюшка, когда шел с ладаном, громко ногой отодвигал табуретку, которая мешалась ему на дороге. Примерно в середине службы у него зазвонил телефон с мелодией "Приорита" за алтарем, он прервался, зашел за алтарь, не закрыв дверцу, ответил быстро и вышел обратно» [Храм Святого Великомученика целителя Пантелеймона (27 мая 2016 г.)].

Не станем утверждать, что фигура священнослужителя полностью определяет присутствие человека в церкви и его религиозное мировоззрение, поскольку они определяются целым набором факторов [21]. Однако в стремлении глубже войти в состояние веры прихожанин считает священника очень важным, особенно в статусе духовника. Преобладающее большинство опрошенных его не имеют – «Нет, у меня нет духовника. Пока нет» [Б-нов], некоторые разводят для себя понятия духовника и исповедника, необязательно совмещая их в лице одного человека: «Да, на исповедь я иду к любому священнику, потому что мы приносим покаяние не человеку, а Господу. Священник здесь только посредник. Да, духовник у меня есть» [Я-ко]. Исповедник в некоторых случаях тоже выбирается, и предпочтение делается по тому же принципу наличия эмпатии, как и в случае посещения службы: «Нет, нет, конечно, нет. Нет, не ко всем. Не ко всем. Т. е. мне надо видеть, какой человек, его глаза увидеть. Он готов принять мое вот это все нутро – пожалуйста, я приду. А если видно, что он как работу свою делает, ну, как стоматолог: пришел, в рот посмотрел, сплюньте и уйдите – мне это не

надо» [Б-кин]. Примечательно, что в этом описании содержится указание на особый статус специальности священника, связанной с требованиями сопереживания, сочувствия, не входящими в набор профессиональных обязанностей даже деятельности, относящейся к сфере «человек – человек» (врач, продавец, учитель, воспитатель и др.). Священнослужитель предстает как островок «душевности» в глубоко безразличном к индивиду современном мире, где сочувствовать не обязан даже личный психоаналитик.

Те же характеристики указываются респондентами и для духовного наставника: «Духовник – это ведь предполагается еще и человек, который... с которым делишься всеми сокровенными какими-то мыслями и так далее. А вот я с нашим батюшкой, наверное, сокровенными мыслями как-то не всеми делюсь» [Ист-на]. Очевидно, что духовник здесь воспринимается как человек, решающий глубоко интимные вопросы. Поскольку сокровенные мысли необязательно связаны с областью религиозного, клирик получает в этом случае еще и обязанности близкого друга, потребность в котором объяснима ускорением ритма социальной жизни, приводящим к изменению системы межличностных коммуникаций и разрыву части коротких связей. С одной стороны, выбор духовника на таких основаниях связан с эмансипацией индивидуального религиозного сознания, уверенностью верующего в том, что внутри религиозного пространства должно быть комфортно. С другой – очевидно, что эмансипированный верующий по-прежнему нуждается в пространстве традиционных социальных отношений, одним из немногих оплотов которого он видит институт священства на приходском уровне. Современный прихожанин, большей частью, еще не готов к самостоятельному существованию в религиозном пространстве, к которому добавляется необходимость самостоятельного поиска внешнего центра [25] в социальном континууме. Духовник может совмещать в себе результаты этих двух направлений поиска и выступать в качестве своеобразного якоря в нестабильной социальной жизни, необходимого для поддержания определенного ее качества: «Переходила... за своим духовником. Куда его посылали, в какие храмы, туда и переходила» [Пер-в].

Вне зависимости от степени участия в церковной жизни все опрошенные имеют сложившуюся позицию по поводу того, насколько пермские священники соответствуют неким нормативам – нигде детально не описанным, но либо подразумеваемым членами православного сообщества, либо самостоятельно конструируемым. Очень редко встречается своеобразная агностическая позиция, выраженная в нежелании кого-либо оценивать: «Пермских священников, да и вообще всех священнослужителей не оцениваю. Не суди, да несудим будешь. Здесь еще можно привести некий православный афоризм: “Хочешь погубить священника – похвали его, хочешь погубить себя – поругай священника”. Этим все сказано» [Я-ко]. В остальных оценки варьируются от восторженных – «очень положительно, очень. Потому что я встречалась с ними в семинарии, я просто от них в восторге» [Вас-ва], – до коррелирующих с теми жизненными обстоятельствами, в которых, помимо богослужебной практики, мирянин сталкивался с клиром: «Есть нормальные священники, а есть те, что ездят на “мерседесах” и сбивают пешеходов. Вот к ним я, естественно, не очень отношусь... (далее поясняет свой выбор исповедника) ... вот к тем, которых я только что перечислил – вряд ли» [Б-нов].

Помимо неэтичного поведения отталкивающим от клира обстоятельством становится идущая, по мнению части прихожан, монетизация обрядности: «Особенно когда смотришь на цены этих... свечек и прочее, кажется: зачем, ребята, вам это? Этого... не должно быть. То есть такие услуги религиозные, просто удивляешься: зачем это вам? Ну, как говорится, это – не наше дело, я туда не лезу» [Бабушкин].

Осуждение коммерческой деятельности РПЦ стало очень распространенным: «Я хочу сказать, что, честно говоря, я не большой любитель ходить в данное заведение... Не потому, что у меня какая-то отрицательная позиция, и это вот в последнее время... Раньше я ходила довольно часто, с большим удовольствием, с большой верой, но в последнее время церковь стала приобретать какие-то товарно-денежные отношения, услуги, вот это вот высшее духовное предназначение стало теряться... на самом деле, в церкви присутствовал особый дух. Сейчас очень обидно, что туда не могут прийти люди неимущие. Но могут, но элементарно процедуры, так сказать, молитвы за своих близких, они не могут попросить, они не могут поставить свечку, т. е. это довольно дорого. Таким образом, церковь стала для избранных, и я, собственно говоря, очень против данного происшествия, потому что я считаю, что церковь, прежде всего, должна быть для людей, которые испытывают какие-то трудности... церковь должна быть все же для людей, а не для избранных, собственно говоря, для тех, кто может заплатить за эти услуги, поэтому я сейчас не вижу большого смысла в посещении церкви»

[Я-ко1]. Платность религиозных услуг связывается с образом предоставляющего их специалиста: «...только тогда, когда батюшка не приходит ко мне и не говорит: “Мы оказываем людям услуги, и это стоит столько-то”. Я с таким человеком была знакома, который вызвал мое некоторое возмущение. Все-таки батюшка должен брать по мере возможности» [Я-ко1]. Неприятие идеи обогащения церкви и незнание того, что покупка предметов культа имеет статус пожертвования, может приводить к конфликтам с причтом: «Продавщица в церковной лавке сделала замечание прихожанину, что свечи, купленные вне храма, не являются жертвой Господу – их категорически запрещается ставить в храме. Мужчина сказал, что это тоже храмовая свеча, ему все равно, поставил свечу и ушел» [Собор Петра и Павла (27 мая 2015г.)]. Священник в этой ситуации может выступать не как виновник происходящего, но явно в качестве лица, причастного к сложившейся ситуации и теряющего от этого репутацию.

С аргументацией финансового характера дело обстоит просто – с 1990-х гг. предпочтение отдается дешевой церкви, что выражается в «голосовании ногами» и выбору более дешевого храма. Не случайно в финансово нестабильный период постперестройки жители Перми частенько выбирали для крещения детей сельские храмы с дешевой обрядностью жизненного цикла. Более сложной представляется формулировка требований к нравственному облику клирика. Поскольку нарушения уголовного характера в среде священнослужителей края встречаются очень редко и, в любом случае, не получают широкой огласки среди верующих, нами в качестве своеобразного индикатора было выбрано поведение за рулем транспортного средства. Предлагаемая для характеристики ситуация оказалась понятной всем опрашиваемым, но вызвала не совпадающие по вектору оценки суждения. Через описание границ допустимого поведения отчетливо видны функциональная и сущностная характеристики статуса приходского духовенства в локальном религиозном пространстве.

Прежде всего, оказалось, что часть верующих неосознанно или сознательно выводит клир из зоны социальной критики: «...я такого случая вопиющего не видела ни разу, чтобы священники нарушали как-то. Священники – они же должны пример показывать своим поведением. Это может так получиться. В этом нет его вины» [Дол-ва]. Респондент искренне уверен, что должное всегда совпадает с действительным, а в случае несовпадения сразу же выдает индульгенцию в стиле «жена Цезаря выше подозрений». Иногда эта же позиция скрывается под утверждением о неосведомленности: «Ну все мы люди. Я никогда не сталкивалась с этим, поэтому я затрудняюсь ответить на этот вопрос» [Тим-ва]. Отвечающих с такой позицией оказалось очень мало, большинство же разделилось в вопросе об императивности этического для священнослужителей на три большие группы.

К первой относятся те прихожане храмов Прикамья, которые ощущают для себя дистанцию между духовенством и мирянами, которая не позволяет ни критиковать, ни выносить суждения о безнравственном поведении клира: «Я считаю, что священник каждый сам выбирает, как ему жить. Это уже на его совести исключительно» [Пар-ва]; «Святая блаженная Матрона Московская говорила, что каждая овечка будет подвешена за свой хвостик, а святой Амвросий Оптинский, если я ничего не путаю, говорил, что “за собой смотри и знай себя и будешь с тебя”, т. е. каждый из нас должен думать о себе и не смотреть на то, что происходит у других людей... Тем более что транспортные средства могут быть даром храму, а не конкретному священнику. Мы просто об этом не можем знать, поэтому не можем судить. Считаю, что абсолютно не дело верующих православных людей это обсуждать» [Мал-ва]. Стоит обратить внимание на предлагаемую антроподицею – в первом случае у мирянина нет морального права оценивать духовенство, во втором вина переносится к тому же на неживой предмет и/или неизвестного жертвователя. В любом случае, нарушитель оказывается за пределами зоны критики.

Противоположную позицию занимают верующие, предъявляющие максимально высокие требования к нравственности клира: «Когда по телевизору смотришь про то, что пьяный мужик сбил человека, у тебя сразу мысли, что это плохо, а если он еще и священник, то думаешь, что это еще хуже, он ведь священник» [Ал-тов].

Прежде всего, эта позиция основана на представлении о духовенстве как образце для мирян: «Во-первых, это и по человеческим законам неправильно, нельзя нарушать законодательство страны, да и по... духовенство, наоборот, должно подавать пример, и таких не должно быть инцидентов в обществе, я считаю» [Им-ва]; «Вот крайне отрицательно, вот если ты священник, дак ты и веди себя соответственно. А тут крайне отрицательно отношусь. Очень

некрасиво, вот я видела сюжет по телевизору. Очень некрасиво вел себя священник. Он и ругался матом» [Крас-ва]. Статус примера для подражания в представлении рядового верующего связан с воспитательной/управляющей функцией духовенства: «А что же ты тогда в церкви говоришь своим прихожанам, там, “не нарушайте”, а сам нарушаешь? Ты такой же гражданин, так же соблюдай. Даже еще лучше. Ты потому что, как бы, правящий над народом. Что ты им показываешь? Что, где хочешь, там едешь?» [Шес-в]. Нарушение этических норм для мирянина влечет за собой сомнение в профессиональном соответствии, которое, одновременно, воспринимается и как экзистенциальное: «Конечно, отрицательно все относится к этому. Ведь уж если он человек ближе нашего к Богу, молится, верует искренне, то зачем ему нарушать и кого-то там сбивать. Да что это? Это ни в какие каноны уже, по моему мнению, не вмещается. Эти его поступки» [Кор-ва].

Вторым аргументом в пользу необходимости безупречного поведения клириков становится наделение их ролью дивинаторов-посредников между профанным и священным мирами: «Это какой-то позор. Такое чувство, что в определенный момент забывают, что они каждые выходные и не выходные появляются в церкви в подряснике и служат у престола. У меня как-то это в голове не складывается, если ты православный священник, то ты православный священник не только на территории храма, ты же с момента рукоположения являешься таковым. Изволь себя вести соответствующим образом в течение всей своей жизни. Поэтому я резко это осуждаю, а случаев много. Не только там какие-то пьяные правонарушения... пьяные дебоши в самолетах, там много чего можно поднять на поверхность» [Мех-на]. Часто представления об образце и уверенность в посреднической роли клира воспринимаются неразрывно: «...отрицательно, конечно же, потому что, если они, так скажем, приспешники Бога и говорят о том, что человек не должен какие-то грехи совершать и т. д. Сами же делают обратное, и это никак не укладывается в привычную картину, и они говорят о том, что нужно вести себя согласно определенным правилам и нормам, то и они должны своим примером показывать, что нужно соблюдать эти правила» [Ст-ва].

К дивинаторской функции добавляется терапевтическая: «...страшнее, потому что именно представитель духовенства наши души лечит. Мы туда ходим как к врачу. Именно вот мы им рассказываем все, что у нас на душе, все, что нас волнует; они нам души наши врачуют. Мы идем к ним как к врачу, а вот получается, что если он... садится за руль и нарушает правила дорожного движения, значит, ему наплевать на всех. Получается так. То есть какой же он тогда врач? Как он может врачевать, как он может чему-то учить, как он может нести молитву Господню в народ?.. Когда он сам абсолютно не верует, это получается так. Не соблюдает ничего. Я очень категорично отношусь, тем более если это нарушает, вот именно. Если ДТП произошло не по его вине (и такие случаи, естественно, бывают), все равно в ДТП виноваты не оба, а чаще всего кто-то один... то да, понятно, что он не мог избежать как бы, допустим, столкновения, а если это по его вине, то это вдвойне наказуемо должно быть» [Кер-ва].

Поскольку все перечисленные функции, по мнению респондентов, не могут быть реализованы этически несовершенным исполнителем, решение предлагается однозначное: «Я видела по телевизору немало случаев, где священники совершали ДТП со смертельным исходом и пытались уйти от ответственности. И считаю, что такие люди недостойны быть служителями Бога» [Кат-в]; «Я не знаю, такому не место в это... в служителях» [Крас-ва]; «Их надо просто от церкви... отлучать однозначно, таких не должно быть» [Б-кин]. Только в двух случаях отвечающие не хотят учитывать профессиональный или еще какой-то иной статус священника, полагая, что «все должны соблюдать законы и правила» [Я-ко]; «вообще, если вина человека доказана – надо судить его со всей строгостью, вне зависимости от всяких побочных обстоятельств. Какая разница – священнослужитель он или нет? Если так, то даже хуже. А про правила дорожного движения – ну все мы люди, что тут поделывать» [Ш-в], и поэтому «их должны так же наказывать, как и всех» [Шес-в]. С другой стороны, подобные ответы, в свою очередь, не предполагают варианта лишения сана. Тем самым частично десакрализуется и сама должность, поскольку ее носители допускают аморальное поведение, и конкретный носитель, приравненный к рядовому гражданину.

Нельзя утверждать, что эта позиция является доминирующей в среде приходских верующих. Не менее часто встречается если не ее оправдание, то восприятие как некой культурной нормы: «Но с другой стороны, пьянство в священстве – это старая добрая традиция, если ее можно так назвать в кавычках и с сарказмом. Как-то вот в русской культуре таких нерадивых священников принято видеть такими ленивыми, толстопузыми, значит, от них всегда

кагором тянет. Это такие перекосы сохранились до сих пор. И как бы в СМИ, естественно, будут случаи того, как православный священник проехал на красный свет и сбил четырнадцатилетнюю девочку или еще нечто подобное» [Мех-на]. Очевидно, что в такого рода высказываниях отсутствует элемент эмансипации индивидуального религиозного сознания, в рамках которого все реалии церковной жизни рассматриваются как фатально обусловленные.

В ряде случаев стратегия оправдания проштрафившегося священнослужителя становится доминирующей, использующей при этом очень характерную логику аргументации: «Ну, они тоже люди... Поэтому кто-то нарушает, а кто-то нет. Так же и остальные люди, кто-то нарушает, а кто-то нет. Они ничем не отличаются. Только саном и все» [Н-ва]; «...вот поп, неужели он из другого теста сделан, там, суперлюди, его сделала особая раса, которая занимается только священством? Это же простой, обычный человек, со своими обычными человеческими слабостями. Если он стал священником, это же не говорит там, что он стал полубогом. "Ух, я супер! Я никогда не нарушу правила дорожного движения, я же поп!" Нет, все, опять же повторяюсь, каждый из нас – это человек. Я могу нарушить правила дорожного движения, милиционер может нарушить правила движения, священник может нарушить правила дорожного движения, это все вещь относительная» [Чур-на]. Оправдание другого превращается в оправдание себя, пусть и через призму особого статуса этого другого: «Все мы не без греха» [Ник-на]. Десакрализация образа клирика не только сокращает зафиксированную в представлениях рядового прихожанина дистанцию между его профанным миром и священным, представителем которого выступает батюшка. Она в целом занижает планку моральной нормы, связанной с православной традицией.

Не случайно респонденты предлагают собственную градацию поступков по степени их «допустимости» для клира: «...смотря какие правила дорожного движения, допустим, однажды ехал со священником, да его остановил дэпэсник, он нарушил правило, у него две пассажирки сзади были не пристегнуты. Нарушил? Нарушил! Как к этому относиться? Ну все люди, да, другое дело, когда какие-то там вопиющие случаи бывают, там, ну, допустим, священник пьяный там, сбивает насмерть там, устраивает какое-то ДТП, да, ну как бы это, конечно, так сказать, ну не соответствует его положению, да, ну еще, чаще всего, таких сразу же лишают сана, да, как бы, так сказать, расстригают... как бы священники, они же тоже как бы часть общества, там, нету святых людей в большинстве-то случаев, они так же могут там... и в Макдональдс сходить, там, выпить, может... конечно да, это плохо, когда так пьют такие, скандальные, особенно трагические ДТП какие-нибудь» [Антипина].

В иерархии правонарушений некорректное поведение за рулем помещается где-то посередине между привычной для обывателя выпивкой и фастфудом и действительно серьезными преступлениями, по поводу которых выносятся однозначные суждения: «По идее, священник... совершает убийство, он не имеет права уже быть священником. Даже был случай несколько лет назад у нас, в нашей епархии, что ехал священник за рулем микроавтобуса, там где-то ему выскочили навстречу два мотоциклиста, да, он их сбил, хотя правила нарушили эти мотоциклист с пассажиром, да. Получилось так, что один из них погиб, да, священник был вроде бы не виноват, не знаю, после этого он уже служить не стал, т. е. его лишили сана как бы, там, за штат перевели, не знаю там, как обычно делается. Ну по идее да, если ну произошла смерть, то человек лишается священнического сана» [Антипина]. Так, требования к идеальному поведению исчезают, уступая место суждениям компромиссного характера как более соответствующим реальности.

В ходе интервьюирования возникает впечатление, что часть респондентов видит в вопросе о правомерности нарушений со стороны духовенства выпад против последнего: «Я считаю, еще раз повторюсь, что они являются такими же членами общества, как и мы с вами. Поэтому они не застрахованы от нарушения каких-либо правил, просто конкретно в их случаях негативная пропаганда, которая сейчас существует, уделяет данным событиям огромное внимание, чрезмерно огромное, и поэтому любой такой случай становится сразу же известен, из него раздувают сенсацию и начинают из-за одного человека поносить всю, все духовенство. Хотя на самом деле, может быть, этот один священник... возможно, да, возможно, что-то нарушил, но это не является знаком того, что все остальные священники нарушают правила. Это делает конкретно этот человек, и он в ответственности только за себя, и не надо переносить ответственность на всех остальных» [Сниг-в]; «Я видел новости о пьяных священниках, сбивающих людей на дорогах. Этим должно заниматься руководство... все же ты должен показывать прихожанам пример своей жизнью, а ты показываешь ужасный пример. Не знаю, кто отмазывает

священников, когда такое происходит, но не все священники такие. Нельзя из-за нескольких человек говорить плохо о нескольких тысячах других священников» [Ис-лов].

Встречается и более активная защита нарушителей со ссылкой на их статус: «Повторюсь, я не имею права обсуждать и осуждать духовенство. Знаю, что если ПДД нарушены, то это не специально. Значит, у человека были на это причины, даже если ПДД нарушены, священник отвечает за правонарушения как обычный гражданин» [Вин-к]; «Это надо смотреть причину: по какой причине. Если это он нарушает постоянно и заведомо зная, что он нарушает, то, конечно, это... это плохо. Но ведь бывают разные жизненные ситуации. Может, когда-то куда-то он поехал, опаздывает на самолет там или еще куда-то. Может такое быть?.. Наверно. Потому что вот так резко осудить, я не знаю, жизнь, она сложная очень штука» [Вас-ва]. Однозначно в этом случае осуждаются только дефекты поведения, непосредственно связанные с церковной жизнью: «Если идут нарушения церковные у духовенства, здесь, наверно, следует рассматривать отрицательно. Все-таки эти люди получают определенную плату, то, собственно, они дают руку доверия, то есть им верят и, соответственно, ставят в пример людям. Как живая икона, их жизнь должна быть примером для верующих... Большая ответственность с их стороны, что они делают, как они делают, как думают и как они действуют. В церковь сейчас пошло очень много молодежи. То есть я думаю, если они осознают свою серьезность своего назначения, то они не будут нарушать никакие каноны, и это не будет вредить» [Тр-на].

Нарушение канонов не устраивает, прежде всего, из-за того, что затрагивает напрямую самих мирян: «К сожалению, был священник, я верила ему определенное время. Семья. На исповеди я ему ничего не говорила, кроме общих слов. Этот человек, не буду сейчас озвучивать ни приход, где он, ни имя его. Не мое дело. Рассказывал почему-то именно мне и маме о том, как приходят прихожане и в каких грехах сознаются, и такие, весьма личные и интимные, и все это было рассказано нам. И я просто понимала, что все то, что расскажу я, будет рассказано кому-то еще. Меня это просто убивало. В итоге с ним связи разорвались. Сейчас я общаюсь с совершенно другим человеком. Это нечасто. Он живет за городом. По этому человеку я знаю, что могу верить, он ко мне относится снисходительно» [Я-ко1]. Только храм остается той территорией, где от служителя требуется безупречное поведение: «Все зависит от людей в церкви, они все, в основном, правильные, то есть, как правило, люди все это поддерживают, это главное, чтобы в церкви работали правильные люди» [Им-ва].

Образ местного религиозного пространства, воссоздаваемый на основе суждений пермских прихожан, оказывается противоречивым. С одной стороны, в центре его помещена церковь как оплот нравственности, задающий парадигму поведения, реализуемую клиром. Однако за пределами храма идеальный персонаж трансформируется, теряет высокие черты, становясь максимально похожим на мирянина. Переход из священного пространства в профанное то ли снимает с субъекта маску, то ли заменяет одну социальную роль на другую. Это превращение вносит путаницу в умы прихожан, для которых храм и так все чаще становится всего лишь одним из явлений социальной жизни. Уходя от теологических и литургических сложностей, они выбирают наиболее простой способ восприятия РПЦ и прагматический подход в поведении при ее посещении. В характеристике церковных людей миряне, прежде всего, ищут идеал для себя, поэтому столь активны их оправдания и объяснения. Священнослужитель в приходе становится одним из тех идеалов, до которых сравнительно легко дотянуться, который имеет понятные слабости и просчеты, объяснимую логику поведения. Этим он выгодно отличается от звезд эстрады в мирской жизни и патриарха в религиозной, что и позволяет ему оставаться неизменным персонажем бытовой православной жизни.

Список литературы

1. Агафонов П. Н. Архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник. Изд. 2-е, доп. Пермь : Изд-во Перм. Петропавл. собора, 1996. 71 с.
2. Агафонов П. Н. Духовенство Пермской епархии в 1918–1928 гг. Ч. 1. Пермь : Изд-во Перм. Петропавл. собора, 1997. 66 с.
3. Агафонов П. Н. Духовенство Пермской епархии в 1928–1965 гг. Ч. 2. Пермь : Изд-во Перм. Петропавл. собора, 1997. 75 с.
4. Агафонов П. Н. Епископы Пермской епархии в 1918–1928 гг. Век государственного атеизма. Ч. 1. Пермь : Изд-во Перм. Петропавл. собора, 1997. 39 с.
5. Агафонов П. Н. Епископы Пермской епархии в 1928–1965 гг. Век государственного атеизма. Ч. 2. Пермь : Изд-во Перм. Петропавл. собора, 1997. 39 с.
6. Агафонов П. Н. Эволюция государственно-церковных отношений в 1920–1929 гг.: на материале Пермской епархии : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2002. 212 с.

7. *Вяткин В. В.* Пермские архипастыри-новомученики. Пермь, 2000. 60 с.
8. *Дубин Б.* Легкое бремя: массовое православие в России 1990–2000-х годов // Религиозные практики в современной России. М., 2006. С. 68–88.
9. *Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: «Логос», 1999. 384 с.
10. *Лавринов В. В.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 335 с.
11. *Лавринов В. В.* Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922–1945 гг.). М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2007. 308 с.
12. *Марченко А. Н.* Епископы пермской епархии эпохи «хрущевских гонений» на Русскую православную церковь (1958–1964 гг.): очерки церковно-государственных отношений. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011. 280 с.
13. *Марченко А. Н.* Защитник Отечества и Веры Христовой: жизнеописание подвижника православной веры Александра (Толстопятова), архиепископа Молотовского, Пермского и Соликамского. М. : «Астер», 2005. 148 с.
14. *Марченко А.* «Хрущевская церковная реформа»: очерки государственно-церковных отношений (1958–1964 гг.) (по материалам архивов Уральского региона). Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2007. 198 с.
15. *Марченко А. Н.* Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 2015.
16. *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922 гг. Пермь : Изд-во ПГПУ : Изд-во УрГУ, 2004. 335 с.
17. *Ланченко А. А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. 2-е изд. М. : ОГИ, 2004. 541 с.
18. *Православие в судьбе Урала и России: история и современность.* Екатеринбург : Изд-во Екатеринбургской епархии. 2010. 382 с.
19. *Прикамский народный собор памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия.* Пермь, 2009. 218 с.
20. *Прикамский народный собор памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия.* Пермь, 2013. 240 с.
21. *Рязанова С. В.* «Вот люди-то там стоят, а ты не можешь»: посещение церкви в современном пермском православном сообществе. Пермь : Изд-во ПГИК, 2018. 172 с.
22. *Рязанова С. В.* Диалог Запада и Востока и феномен неоориенталистских культов : дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 1998. 184 с.
23. *Рязанова С. В., Михалева А. В.* Феномен женской религиозности в постсоветском обществе: региональный аспект. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011. 240 с.
24. *Филатов С. Б., Лункин Р. Н.* Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35–45.
25. *Фромм Э.* Проблемы души нашего времени. М. : Республика, 1992. 434 с.
26. *Borovik I.* Institutional and private religion in Poland 1990–1994 // New religious phenomena in Central and Eastern Europe. Krakow : Nomos, 1997. P. 235–255.
27. *Dobbelaere K.* Assesing secularization theory // New Approaches to the Study of Religion. Berlin, 2004. Vol. 2. P. 229–253.

«I look at you like in the mirror»: Perm parish clergy in the eyes of the flock

S. V. Ryazanova

Doctor of philosophy, associate professor, leading researcher,
Perm Federal Research Center of the Ural branch of RAS. Russia, Perm.
ORCID: 0000-0001-5387-9387. E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

Abstract. Article is devoted to an image of parish clergy in the mind of parishioners on the example of the Kama orthodox community. The clergy is considered as the steady element of parish life that defines perception of religious life by the modern believer. Data for the analysis were collected during the monitoring of a religious situation in Perm Krai from 2016 to 2018 with using of methods of the participant observation and the semi-structured interview. Interpretation of material was carried out on the basis of phenomenological approach and the principle of hermeneutical interpretation of the information, without the gender and age list and education level of respondents. The statements of respondents have defined borders and deviations for designing of an image of clergy. The image of the clergyman has been considered in three aspects – the principles of the choice of the priest, professional requirements for clergy, admission of behavioral deviations. The groups of parishioners taking a special position have been allocated on each of the blocks of questions. In a research those

characteristics of priests which have been chosen by all respondents have made a portrait of the ideal clergyman. It has been established on traditional representations about clergy, but connected also with emancipation of individual religious consciousness. The priest appears as the necessary component of individual religious life, as a moral guide, but getting to a criticism zone for most of laity. The social functions were attributed to clergy – educational, therapeutic and intermediate. The highest requirements are imposed to moral behavior of the priest with assumption of his special sacral status. The image of the priest is designed as an available ideal for the parishioner that defines admission of intrinsic and behavioural defects.

Keywords: Orthodoxy, Perm Krai, parish clergy.

References

1. Agafonov P. N. *Archiepiskop Permskij i Kungurskij Andronik* [Archbishop Andronik of Perm and Kungur]. Publ. 2nd, add. Perm. Publishing house of Perm Peter and Paul Cathedral. 1996. 71 p.
2. Agafonov P. N. *Duhovenstvo Permskoj eparhii v 1918–1928 gg.* [Clergy of the Perm diocese in 1918–1928 Part 1]. Perm. Publishing house of Perm Peter and Paul Cathedral. 1997. 66 p.
3. Agafonov P. N. *Duhovenstvo Permskoj eparhii v 1928–1965 gg. CH. 1* [Clergy of the Perm diocese in 1928–1965 Part 2]. Perm. Publishing house of Perm Peter and Paul Cathedral. 1997. 75 PP.
4. Agafonov P. N. *Episkopy Permskoj eparhii v 1918–1928 gg. Vek gosudarstvennogo ateizma* [Bishops of the Perm diocese in 1918–1928. Century of State atheism. Part 1]. Perm. Publishing house of Perm Peter and Paul Cathedral. 1997. 39 PP.
5. Agafonov P. N. *Episkopy Permskoj eparhii v 1928–1965 gg. Vek gosudarstvennogo ateizma. CH. 2* [Bishops of the Perm diocese in 1928–1965. Century of State atheism. Part 2]. Perm. Publishing house of Perm Peter and Paul Cathedral. 1997. 39 PP.
6. Agafonov P. N. *EHvolyuciya gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij v 1920–1929 gg.: na materiale Permskoj eparhii :dis. ... kand. ist. nauk* [Evolution of Church-State relations in 1920–1929: by the material of the Perm diocese: dis. ... PhD of hist. sciences]. Perm. 2002. 212 p.
7. Vyatkin V. V. *Permskie arhipastyri-novomucheniki* [Perm bishops-martyrs]. Perm. 2000. 60 p.
8. Dubin B. *Legkoe bremya: massovoe pravoslavie v Rossii 1990–2000-h godov* [Light burden: mass Orthodoxy in Russia in 1990–2000] // *Religioznye praktiki v sovremennoj Rossii - Religious practices in modern Russia*. M. 2006. Pp. 68–88.
9. Kovalev E. M., Steinberg I. E. *Kachestvennye metody v polevyh sociologicheskikh issledovaniyah* [Qualitative methods in field sociological researches]. M. «Logos». 1999. 384 p.
10. Lavrinov V. V. *Ekaterinburgskaya eparhiya. Sobytiya. Lyudi. Hramy* [Ekaterinburg diocese. Events. People. Temples]. Yekaterinburg. Publishing house of Ural University. 2001. 335 p.
11. Lavrinov V. V. *Ocherki istorii obnovlencheskogo raskola na Urale (1922–1945 gg.)* [Essays on the history of the Renovatianist split in the Urals (1922–1945)]. M. Publishing house of Krutitsky farmstead. 2007. 308 p.
12. Marchenko A. N. *Episkopy permskoj eparhii ehpoi «hrushchevskih gonenij» na Russkuyu pravoslavnuyu cerkov' (1958–1964 gg.): ocherki cerkovno-gosudarstvennyh otnoshenij* [Bishops of the Perm diocese of the era of «Khrushchev's persecution» of the Russian Orthodox Church (1958–1964): essays on Church-State relations]. Perm. Publishing house of Perm State University. 2011. 280 p.
13. Marchenko A. N. *Zashchitnik Otechestva i Very Hristovoj: zhizneopisanie podvizhnika pravoslavnoj very Aleksandra (Tolstopyatova), archiepiskopa Molotovskogo, Permskogo i Solikamskogo* [Defender of the Fatherland and the Faith of Christ: the life of the ascetic of the Orthodox faith Alexander (Tolstopyatov), Archbishop of Molotov, Perm and Solikamsk]. M. «Aster». 2005. 148 p.
14. Marchenko A. *«Hrushchevskaya cerkovnaya reforma»: ocherki gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij (1958–1964 gg.) (po materialam arhivov Ural'skogo regiona)* [«Khrushchev's Church reform»: essays on State-Church relations (1958–1964) (based on the archives of the Ural region)]. Perm. Publishing house of Perm State University. 2007. 198 p.
15. Marchenko A. N. *Russkaya pravoslavnaya cerkov' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)* [Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War (1941–1945)]. M. 2015.
16. Nechaev M. G. *Cerkov' na Urale v period velikih potryasenij: 1917–1922 gg.* [Church in the Urals during the great turmoil: 1917–1922]. Perm. Publishing house of PSPU: publishing house of UrSU. 2004. 335 p.
17. Panchenko A. A. *Hristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i tradicionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Christening and scopianity: Folklore and the traditional culture of Russian mystical sects]. 2nd publ. M. OGI. 2004. 541 p.
18. *Pravoslavie v sud'be Urala i Rossii: istoriya i sovremennost'* – Orthodoxy in the fate of the Urals and Russia: history and modernity. Ekaterinburg. Publishing house of Yekaterinburg diocese. 2010. 382 p.
19. *Prikamskij narodnyj sobor pamyati ravnoapostol'nyh Kirilla i Mefodiya* – Kama people's Cathedral in memory of equal apostles Cyril and Methodius. Perm. 2009. 218 p.
20. *Prikamskij narodnyj sobor pamyati ravnoapostol'nyh Kirilla i Mefodiya* – Kama people's Cathedral in memory of equal apostles Cyril and Methodius. Perm. 2013. 240 p.

21. Ryazanova S. V. «Vot lyudi-to tam stoyat, a ty ne mozhesh'»: poseshchenie cerkvi v sovremennom permskom pravoslavnom soobshchestve ["Here people are standing there, but you can't": a visit to the Church in the modern Perm Orthodox community]. Perm. Publishing house PSIC. 2018. 172 p.

22. Ryazanova S. V. *Dialog Zapada i Vostoka i fenomen neoorientalistikh kul'tov: dis. ... kand. filos. nauk* [Dialogue of the West and the East and the phenomenon of neo-orientalist cults: dis. ... PhD of philos. sciences]. Perm. 1998. 184 p.

23. Ryazanova S. V., Mihaleva A. V. *Fenomen zhenskoy religioznosti v postsovetskom obshchestve: regional'nyj aspekt* [Phenomenon of women's religiosity in post-Soviet society: regional aspect]. Perm. Publishing house of Perm State University. 2011. 240 p.

24. Filatov S. B., Lunkin R. N. *Statistika rossijskoj religioznosti: magiya cifr i neodnoznachnaya real'nost'* [Statistics of Russian religiosity: the magic of numbers and ambiguous reality] // *Sociologicheskie issledovaniya* – Sociological research. 2005, No. 6, pp. 35-45.

25. Fromm EH. *Problemy dushi nashego vremeni* [The problems of the soul of our time]. M. Respublika. 1992. 434 p.

26. Borovik I. *Institutional and private religion in Poland 1990–1994 // New religious phenomena in Central and Eastern Europe*. Krakow: Nomos, 1997. Pp. 235–255.

27. Dobbelaere K. *Assesing secularization theory // New Approaches to the Study of Religion*. Berlin, 2004. Vol. 2. Pp. 229–253.

УДК 94(47).084.6(=112.2)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.029

Топология провинциальной повседневности в первой половине XX в. по материалам цикла «Местность тут очень хорошая...»

А. И. Казанков

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0002-6647-5047. E-mail: tokugava2005@rambler.ru

Аннотация. Статья является продолжением цикла работ, посвященных реконструкции базовых структур провинциальной повседневности Западного Урала в 20–30-х гг. XX в. В основу работы положены оригинальные источники – архивно-следственные дела православного духовенства и «церковных людей», хранящиеся в Пермском государственном архиве социально-политических исследований. Целью настоящей статьи является реконструкция базовых структур повседневной жизни обитателей деревень, сел и заводов¹ Западного Урала в первой половине XX в., выступавших элементами конкретно-исторического жизненного мира. Предметом реконструкции выступает топология пространства повседневности. Применяя уликовую парадигму к материалам «инквизиторской антропологии», автор последовательно разворачивает одну область за другой, поместив в центр обитателя уральских сел, деревень и заводов. Прежде всего реконструируется наиболее опривыченная сфера – «квартира», расположенная «в доме», пасека-«пчельник», храм, церковная сторожка; удаленные, но значимые пространства – монастыри и святыни, архипелаг «хороших» мест, где живут друзья и добрые знакомые. Вне этой сферы расположены публичные пространства, где действуют чужие правила – деревенская лавка, хлебный ларек, кузница, сельсовет. Этот регион повседневности воспринимается как конфликтная, потенциально опасная зона. Пограничными столбами повседневной жизни выступает, с одной стороны, колхоз как область бессмыслицы и бедствия, место, из которого нужно бежать, а с другой – тайное, скрытое убежище (пещера-скит). Горизонтом жизненного мира людей той эпохи выступают мифические пространства – вымышленные, но все-таки обладавшие для них смыслом Индия, Япония, Германия. В этом пространстве размещались и смутные угрозы, и неопределенные надежды на чудо (спасение). Делается вывод о том, что повседневное пространство сворачивается под давлением внешней интервенции, что вполне согласуется с представлением о пришествии последних времен и падении мира.

Ключевые слова: история советской России, провинция, Западный Урал, повседневность, пространство.

В ряде статей, опубликованных ранее [см. 8; 9; 10; 11], автор постарался насколько возможно четко и развернуто обрисовать свою исследовательскую программу, поэтому излагать ее заново подробно не имеет особого смысла. Адресовав всех заинтересованных читателей к данным материалам, воспроизведем лишь основные ее положения. Жизненный мир трактуется в пределах феноменологической традиции как осмысленный, опривыченный, присвоенный и интегрированный в рутинные практики рядовых (массовых) субъектов исторического процесса [см. 12]. При этом «наблюдательной позицией» был избран круг «церковных людей» как обособленной социальной группы, занимавшей предельно маргинальную позицию в советской действительности. Это соответствует принципиальной для нашего исследовательского подхода установке на писание истории «снизу». В фокусе предыдущих работ оказывалось и восприятие *времени*, и разделение людей на *своих и чужих, дружба, вражда* и т. п. Логичным, пожалуй, даже необходимым продолжением подобных изысканий стала реконструкция топологии повседневности. Используя метод плотного описания, в предлагаемом тексте мы попытаемся истолковать опыт восприятия пространства как второй (наряду со временем) антропологической константы, столь же значимой для обыденных практик, замкнув в итоге некоторый «провинциальный хронотоп».

Необходимо сделать еще одно предварительное замечание, проясняющее специфику используемых источников и исследовательских технологий. Пространство доминировавших в

© Казанков А. И., 2018

¹ *Определенный тип поселений на Урале, формировавшийся вокруг промышленного предприятия, но по образу жизни обитателей мало отличавшийся от сельского поселения: Кын-завод, Юговской завод, Александровский завод и т. п.*

первой половине XX в. *конечных областей значения* (областей человеческой жизни, вознесенных над повседневностью, выделенных из нее – политики, идеологии, классовой борьбы, мировых войн, социалистической реконструкции хозяйства и т. д.) довольно аморфно и по-особенному континуально. Оно находится везде и нигде, где-то «в сутолоке людской» вообще, что недвусмысленно отчеканено в транс-пространственных и над-локальных метафорах языка эпохи, типа: «во всемирно-историческом масштабе», «от тайги до британских морей», «на международной арене», «к станку ли ты склоняешься, в скалу ли ты врубаешься» (Где этот станок? Где скала?). Над-локален «капитал». Пролетариат «не имеет отечества». Трудно представить себе, что «выдающийся деятель международного революционного движения» или даже рядовой боец «всемирной армии труда» моется в конкретной бане, ходит в определенную булочную, чинит обувь у какого-то сапожника, приобретает сорочку и помазок для бритья в такой-то лавке и заказывает френч известному на всю Одессу портному Капцуговичу. Что у него есть свой дантист, парикмахер и любимая пивная. Нет, это, право, решительно невозможно.

Иное дело – повседневность. Присущая ей умная распорядительность и хлопотливая сосредоточенность действий исторического субъекта всегда и при любых обстоятельствах привязывает осуществляемые им практики к особому месту (локусу), тем самым наделяя это место строго определенным «точечным» содержанием. Принципиальная открытость горизонта жизненного мира – как фундаментальный принцип феноменологического исследования – содержит указание на то, что все места, так или иначе связанные с человеческим «действием и претерпеванием», близкие или совершенно удаленные, обладают для него тем или иным практическим смыслом. Это не просто «места на карте» [см. 1].

Именно эта конкретность, дискретность и, одновременно, интуитивная понятность архитектоники повседневных смыслов представляет главную трудность для исследователя. Прежде всего потому, что не существует нарративов, в которых она высказывалась бы прямо и развернуто. Можно ли представить ситуацию, в которой обитатель или обитательница, допустим, деревни Змеевка Веслянского сельсовета Ординского района Свердловской области стал бы растолковывать другим (или хотя бы себе), «в каких местах протекает моя обыденная жизнь и какими смыслами обладают эти места в зависимости от характера ее протекания»? Едва ли они даже смогли бы сформулировать такой вопрос. Поэтому все, что есть в распоряжении историка, – это обмолвки, проговорки, упоминания в связи с чем-то другим, разбросанные там и сям, – поскольку существующая в себе повседневная жизнь ушедшей эпохи все-таки существует для нас только сказываясь в речи (дискурсивно). Одним словом, то, что К. Гинзбург когда-то удачно назвал «улики» [см. 2].

Здесь скрыта вторая трудность. Очевидно, что если эти улики и можно было бы обнаружить, то их следовало бы искать в источниках личного происхождения. Но дело в том, что обитатели западноуральской провинции не часто писали друг другу (и, преимущественно, очень короткие письма), еще реже вели дневники и практически не оставляли мемуаров. А если таковые и были, то ситуация с их сохранностью и доступностью для изучения на сегодняшний день просто катастрофическая. Поэтому у исследователя нет иного пути, как обратиться к тому, что можно обозначить как *инквизиторскую антропологию*. Расставим точки над «и»: если люди не свидетельствовали о себе сами (или мы не располагаем такими свидетельствами по тем или иным причинам), то существовали те, кто должен был их расспрашивать согласно роду профессиональных занятий, а также фиксировать полученные показания. Имеются в виду *инквизиторы* в самом широком смысле этого слова – от психоаналитиков и социальных работников новейшей эпохи до епископов и монахов-доминиканцев Средневековья.

Родовой чертой инквизиторской антропологии является постоянная одержимость тем или иным пафосом-презумпцией (обнаружить эдипов комплекс, контрреволюционную организацию, антиправительственный заговор, вывести на чистую воду скрытого иудея или еретика и т. п.) и принудительный характер получения информации, поэтому этот род источников требует осторожного, сугубо критического отношения. Применительно к советскому времени первой половины XX в. роль инквизиторов, как не трудно догадаться, исполняли оперуполномоченные районных и городских отделов или представительств ОГПУ – НКВД, и несмотря на крайнюю одиозность оставленных ими свидетельств, они расспрашивали людей о них самих, оставляя интересующие нас *улики*². Вот почему источниковой базой предлагае-

² Именно поэтому фиксация точки наблюдения в среде «церковных людей» особенно эффективна – эта категория граждан СССР подвергалась репрессиям регулярно и часто.

мой работы стала серия архивно-следственных дел, относящихся к 1928–1938 гг., хранящихся в Пермском государственном архиве социально-политической истории.

Приступая к описанию пространства повседневности, согласно общепринятой методике не стоит ничего предполагать заранее (иначе только предположенное и обнаружишь). Но следует точно указать точку отсчета, каковой является всегда именно человек в его особенном, людском бытовании. В первой половине XX в. и в городе, и в деревне люди обитали *на квартире*. Эта устойчивая смысловая конфигурация видна в любом свидетельстве: иначе не говорили, а следовательно – не мыслили. *Квартира* располагалась в *доме*, но не отождествлялась с домом, как, например, в приведенном ниже фрагменте:

«Глеб, епископ Пермский, проживает около Слудской церкви на окраине города Перми, был я у него в первых числах ноября 1932 г. Приезжал на благословение, *был у него на квартире*, побеседовал я с ним не очень долго, коротко, он спросил меня о положении дел епархии, потом я ушел *на квартиру* к гр-ке Анастасии Михайловне, *имеет свой дом* по ул. Набережной, д. № 53, где и переночевал» [19].

Побывать на квартире – это означает попасть в интимно-личное пространство, максимально сократить дистанцию. Именно поэтому в данном случае священник Иван Котельников не просто повидался с епископом Глебом и получил его благословение, но еще и посчитал нужным и важным добавить «был у него на квартире».

Рассказывая о своих странствиях, бродячий проповедник М. Морсковатых говорил следующее:

«За этот период, как я указывал в предыдущих моих показаниях, я был в Усть-Кишертской церкви – тут я находился систематически, священник этой церкви Максимов является моим духовником, в церкви деревни Новой Кунгурского района и в церкви с. Спас-Барда Усть-Кишертского района я был примерно раз по пять – был и в Успенской церкви гор. Кунгур также раз пять, в селе Беркутово за эти 2 года я был раз до 10, в церкви с. Кишерт Усть-Кишертского р-на был раз около 6, в церкви дер. Морзковой в прошлый год был раза 2 – при священнике Котельникове из них навещал один раз, и больше никакие церкви не посещал.

Персонально у духовенства и вообще населения я был на квартирах у следующих лиц (следует перечень. – А. К.)...» [21].

Здесь ясно виден определенный концентрический контур: церкви, которые тоже являлись *хорошим местом* повседневности (внешний, широкий круг, разделяемый с другими добрыми людьми, *своими*), квартиры (внутренний, узкий круг).

Если человек повстречался в церкви (т. е. воспринимался как безусловно *свой*), у него можно *квартировать*: «Первый раз я ездил в Казань в 1925 г. помолиться и квартировал у Зайцева Сергея Степановича. Сам он из г. Казани и служил у белых писарем ж/д коменданта на ст. Новониколаевск, где я с ним и познакомился при посещении церкви» [25]. К тому же где-то непосредственно рядом с церковью есть места, где можно проживать: «25 октября 1932 г. Котельникова Мария Григорьевна приехала из г. Перми в с. Морозково и проживает она у меня в сторожке при церкви...» [19], «...а от него ночевать я уходил в их церковь в сторожку» [21]. Возможно, там еще сохранились странноприимные дома, как в бывшем монастыре на Соломатовой горе: «В монастыре для дальних приходящих и приезжающих имеется отдельный дом, куда Нифонт приходит специально в свободное от службы время...» [28].

Чистым, укромным местом, расположенным неподалеку, но, вместе с тем, не в самой деревне, считалась пасека – «пчельник». Жить на пчельнике мог даже человек, выбравший когда-то добровольный уход из мира. Из показаний иеромонаха-скитника Иосафа (Белорусова): «У Блинова я работал сторожем на его пчельнике года 1½–2, в 1929 году он помер, и я перешел от него в село Ильяк к б/монаху Развиеву Никите и прожил у него до мая месяца 1931 года, у которого работал сторожем на пчельнике» [17].

Дом, в котором «квартира», церковь, рядом с которой обитаемая сторожка, домик для богомольцев, пасека с избушкой, – это типичный перечень хороших, повседневных мест, но он пока не полон. Обратим внимание на то, что, описывая свой визит в Казань, Г. И. Соколов сообщил, что ездил туда с вполне определенной целью – «помолиться». Он указывает на следующий круг «хороших мест повседневности», более удаленных «географически», но в смысловом отношении – пожалуй, даже более близких и значимых, чем окрестные церкви. Это «издревле намоленные» святыни православного христианства, а иногда – и христианства вообще. Вот образцы типичного рассказа о молодых годах, когда формировался стереотип нормального поведения:

«Освободившись от призыва на воинскую службу, примерно в 1894 году, я решил ходить по монастырям и святым местам, молиться богу. Сначала я направился в гор. Киев в Киево-Печерскую лавру – недалеко от Киева я один год работал у крестьян. Из Киева я отправился в Нижегородскую губернию, где около 2-х лет работал на купеческом чугуно-литейном заводе в селе Городец. После этого я приехал на родину... <...> Упустил из виду то, что на родину жить приехал я не из Нижегородской губернии, а из Иерусалима. Уволившись с купеческого завода и получив деньги, я направился в гор. Иерусалим, туда я ездил около года» [23].

Или так:

«После демобилизации снова вернулся в с/х отца, где жил до 1923 года. За этот период в 1914 году так же ходил странствовать, был на Соловецких островах, в Киеве и Москве. <...> В начале 1923 года после смерти родителей я с/хозяйство оставил и стал заниматься странствованием, в котором и был по день моего ареста, т. е. в течение последних 11 лет. За это время я бывал в гор. Тобольске в 1923 году, останавливался в странноприимном доме, в 1925 году в Саровской пустыни и Москве, ежегодно в Верхотурском и Белогорском монастырях. В 1926 году в Великом Устюге, и кроме того систематически ходил в знаменательные религиозные дни по церквям Кунгурской и Пермской епархии» [24].

Предвидя указание на то, что это высказывания людей, для которых паломничество стало образом жизни (оттого их мир повседневного обитания и простирался от Иерусалима до Соловецких островов и от Киева до Тобольска), отметим следующее. Эти странники, судя по отзывам окружающих, пользовались несомненным и немалым уважением среди пожилых людей и людей своего поколения. Вот отзыв о Г. И. Соколове:

«...Человек он представительный, очень вразумительный, имеет большую силу воли, пользуется громадным авторитетом как среди странников своей антисоветской организации в лице Морсковатых и Фотея, так и среди населения, очень тверд в своих действиях, по отзывам Морсковатых и Фотея, так же и местного населения – что Григорий Иванович скажет – то закон, раз Григорий Иванович сказал, то так тому и быть» [27].

Дело, по-видимому, в том, что эти люди воплощали определенный идеальный тип христианского бытия, посещали именно те места, которые были «опорными смысловыми точками» для их современников. Если предельно коротко – они были там, где бы хотели побывать все.

В пространстве между этими привилегированными пунктами архипелагом располагались места, где можно найти пристанище в пути:

«Кроме того, имею адреса следующих лиц на случай поездки – иметь квартиры. 1) Гор. Чистополь Татарской республики, ул. Фрунзе, дом № 54, Анна Севастьяновна Иванова. 2) Гор. Москва, Бахтеевская ул., дом 15, Сюзева Анна Васильевна. 3) Гор. Москва, Земледельческий переулок, дом № 16, кв. 1, Кузнецов Макарий Николаевич. 4) Детское село Ленинградской области, Московское шоссе, отдел генетики и селекции, Арсений Васильевич Тохтуев. 5) Гор. Свердловск, 1-я Мельковская, дом № 11, Павел Никандрович Карманов. 6) Гор. Свердловск, врач Мышкин, адреса квартиры не знаю» [20].

Последнее замечание особенно характерно, поскольку показывает, что не человек привязывается к адресу, а адрес – к человеку. В Свердловске нужно найти врача Мышкина (его, видимо, пол-Свердловска знает?), а там и ночлег найдется. Эти точки в пространстве – просто места, где есть *свои люди*:

«Это Осокин Николай Агафонович, лет 45, б/слесарь одного из заводов г. Оханска (сейчас там у него мать), в 1934 г. уехавший в Сухум. Я Осокина узнал во время моих ночевок у него (его мать была церковной старостой), когда я ходил в Казань. Адрес его я взял у его матери, имея намерение с ним списаться и уехать в Сухум – просто пожить и там» [25].

Следующая область пространства освоенного, но едва ли поддающегося присвоению, – это места, где приходится бывать по необходимости. Не по душевной склонности, не потому что там приятно и хорошо, а просто потому, что без этого не обойтись. Возможно, когда-то они были частью повседневного пространства, но сейчас, поскольку все это места публичные, они превратились в точки интервенции со стороны «соввласти». Таковы, например, деревенская кузница, лавка общества потребителей, хлебный ларек, сельсовет, дом заключения. Поэтому они маркируются нейтрально, но чаще – негативно, это конфликтная зона, там неуютно.

Вот типичные отзывы о деревенских лавках:

«Вчера 17 ноября с/г. в саламатовской лавке общества потребителей в присутствии до 20 человек дьякон – Михаил говорил: “Ничего не стало, как-то раньше все было, за чем ты ни

пришел в лавку, того и нет. Вот как надо мануфактуру и сахару, а нам не дают, если и есть что у них, так такая дрянь, что носить нечего”. На это я ему ответил – тебе и не надо давать паразиту, вы ведь святым духом должны питаться» [30].

Или: «Лишь в 10 километрах в районе есть только ларек, но и там такая давка, что совершенно нет возможности добраться до какой-либо буханки хлеба» [14].

Кузница тоже запросто могла стать местом столкновения позиций или даже мировоззрений:

«Во время проведения кампании по реализации 3-го займа индустриализации 7–8 сентября с/г. я был в Саламатовской кузнице. Пришел к нам выпивший монах – Паисий направить лопату и когда с него кузнец запросил дорого, то он заговорил: “Советская власть нас и так обдергивает, вот сейчас на 3-й заем нас заставляют ваши правители подписываться по 50 рублей, а где же мы их взяли, да и на что нам эти антихристовы знаки, мы считаем в руки брать их великим грехом. Кругом какой-то произвол и насилие, мужика уж совсем согнули в дугу и разорили этими налогами, житья никому не стало от этих еретиков”. Тут мы с ним поругались, он все же остался при своих убеждениях, и я, махнув на него рукой, от него ушел» [29].

Визит священника П. О. Киселева в сельсовет закончился и вовсе трагически.

«31 декабря 1936 г. пред. с/сов. Батуев вызвал меня в с/сов. по вопросу штрафовки, после чего Батуев предложил мне выписать районную газету “Сталинский путь” и журнал “Безбожник”. Я последнему ответил, что газету “Сталинский путь” выписывать не желаю, так как она описывает один район, а мне хочется знать о распоряжениях ЦИК и в газете “Сталинский путь” это не печатается. Батуев мне ответил, что я говорю неправду, ибо в этой газете печатаются все решения ВКП(б) и Сов. власти. Я ему ответил, что в газете “Сталинский путь” напечатаны наши Тымбаевские мужицкие сплетни, от журнала “Безбожник” во все отказался. Батуев ответил мне, что я не прав. Я попросил у него извинения, что я это сказал по ошибке. Батуев мне не извинил. На другой день я пошел на квартиру к пред. с/сов. Батуеву и предложил последнему взятку, чтобы он о высказанных мной контрреволюционных клеветнических фактах по вопросу советской печати не сообщил следственным органам» [18].

Председатель не принял взятку и сообщил следственным органам. Киселева ждал скорый и неправый суд Тройки при УНКВД по Свердловской области, вынесшей ему смертный приговор.

Обращает на себя внимание отсутствие в восприятии пространства оппозиции «городское – деревенское». Пожалуй, можно зафиксировать смысловую «невыделенность» города. Он существует в опыте лишь как место обитания «начальства» (в том числе и церковного), место, где оказывают медицинскую помощь, и место, где сидят в тюрьме:

«В г. Пермь я ездила в 1929 году летом, по делу выемки зубов изо рта, была там 3 дня, и где проходят моления и сорабища монашек я совершенно не знаю, о кельях в городе Перми я ни от кого не слышала, я даже не знаю у кого останавливалась ночевать, этого дома мне теперь не припомнить» [26].

«Моя старушка полуживая 20 сего июля уехала в Свердловск лечиться» [15].

«Зашел я к ней потому, что будучи в тюрьме арестованным в 1930 г. она мне передавала посылку для меня, кроме того мне передавала посылку тоже гражданка старушка г. Перми (имя и фамилию ее не знаю), но личность запомнил хорошо. В 1930 г. в тюрьме я познакомился со священником города Перми Кудрявцевым Сергеем, который сидел тоже за сокрытие серебряной советской монеты, в данное время он освобожден и служит в Слудской церкви в г. Перми, адреса квартиры я не знаю, и живет он около Слудской церкви, был я у него в квартире один раз, заходил повидаться после освобождения из тюрьмы» [19].

Описание тех пространств, которые входили в горизонт жизненного мира, но не являлись частью повседневности, мы начнем с такого экзотического вида опыта, как *видение*. Рассказывает сорокалетняя домохозяйка Прасковья Кузнецова:

«...В его, Максимова, приходе работал один бригадир из колхоза, который во время болезни видел видение, “где все колхозники мучаются, а единоличники ликуют”. Этот бригадир попросил, якобы, священника Максимова для исповеди, а также созвал всех колхозников его бригады, которым сказал, чтобы они – колхозники – все вышли из колхоза заблаговременно, и вскоре бригадир после исповеди помер» [5].

Показания бродячего проповедника Фотия Петрова уточняют, как именно мучаются колхозники и ликует единоличники:

«О сне одного из бригаиров колхоза я действительно распространял слух в таком виде, в каком его мне передали кто-то из колхозников: бригаир увидел во сне, что единоличники работают на поле в чистых одеждах, а колхозники работают в кипящей смоле» [4].

Эпизод с предсмертным видением бригаира настолько напоминает типичный «бродячий сюжет», *быличку*, что пришлось провести специальный поиск – не встречался ли он за пределами Кунгурского района Пермского края. Результат оказался отрицательным, следовательно, это вполне самобытный продукт народного творчества и аутентичное выражение ментальных стереотипов деревенских жителей Западного Урала. Сама история так хороша, что не нуждается в толковании. Неназванный по имени бригаир («*бригаир вообще*») находится на пороге смерти. Его глаза уже устремлены по ту сторону этого преходящего бытия, он глядит в вечность и созерцает истину. Истина открывается в простейших символах: погружение в кипящую смолу – это знак вечного проклятия, пребывание в аду; белые же одежды – одежды праведных, знак спасения для вечной жизни.

Именно этот образ можно считать законченным выражением размежевания пространства правильной повседневной жизни (единоличников) и «безбожной и дьявольской организацией» (по выражению М. Морсковатых) колхоза. То, что с колхозными реалиями сталкивались *ежедневно*, еще не делало их *повседневными*. Это проклятое место, оно таит величайший соблазн. Попасть туда – отдаться антихристу: «Человек, записавшийся в колхоз, не есть уже христианин и член церкви христовой. Самим вам можно видеть, как говорит Мичков, как мучаются колхозники, и он сам себе уже не хозяин, чтобы он захотел сделать, он этого не может» [7].

Попавший в это дьявольское место человек был обречен на голод и нищету, он утрачивает большую часть положительных качеств: становится ленив, бестолков, склонен к пьянству, причем об этом свидетельствовали не только представители «реакционного духовенства и воинствующие церковники», но и лояльные к власти осведомители. Вот что сообщал некий «Карандаш» о жизни колхоза в деревне Агеево:

«В Агеевском колхозе пропало скота за осень 1936 года 36 голов или больше, причина – плохой уход за скотом, конюшни не отепленные, назем не чистится, у руководителей сидит Агеев Демид Абрамович, ходит больше в церковь, чем в колхоз. За свиньями ухаживает Агеев Савелий Кириллович, раньше был избран попом, свиньи падают. Корм есть, а уход отсутствует, на заместителя председателя Агеева Д. А. колхозники обижаются. Женщина беднячка Агеева 5-го февраля говорила, так вот надо идти в правление колхоза, но идти не хочется, Демид на нас орет, а доброго слова не скажет. Надо заметить, сельхозинвентарь весь завален снегом. Ремни на молотилках не сняты, кому угодно только на подметки, все портится...» [32].

А председатель Бородулинского сельсовета по поводу того же колхоза жаловался:

«Используя момент, когда в октябре месяце 1936 года председатель колхоза был на курсах в городе Свердловске в течение месяца, а Демид остался за председателя, он окончательно начал разваливать колхоз. Он прежде всего сам занялся пьянством, по пьянке заболел и говорит, что я сделаю, я больной человек. По его примеру началась поголовная пьянка колхозников, все очередные работы приостановились окончательно. Сорвали вывозку льна. Свежая ржаная солома заскирдована небрежно, ее проливает дождем, и она гниет. Сено развалено по конным дворам в беспорядке, его топчет под ногами скот и лошади, и никто ничего не делает» [31].

Несмотря на то что колхозники работают с утра до вечера, толку от этого никакого:

«Наши колхозы, что кругом они обнищали, всюду и везде у них ничего не хватает. Лошади гинут от плохого корма. Дисциплины нет и много других причин, при которых им зажиточной жизни не видать, как своих ушей» [6].

Их суета напоминает поведение пчелиного роя без матки – она лишена какого-либо смысла. Да и их жизнь, пожалуй, – тоже. Придумать колхоз, ясное дело, могли только *чужие*, извечные «враги христианства» – *жиды* и *масоны*.

Иногда невыносимость жизни в подобном мире достигала предела, за которым начиналось обустройство особых, потаенных, пространств обитания. Их трудно назвать привычными местами повседневности, это вполне определено – эксцесс, редко встречающийся повседневный экстремум, но такие случаи бывали. Рассказывает священник Иван Осетров:

«Я ему пожаловался на свою тяжелую участь и трудную жизнь, после чего он мне предложил пойти и жить вместе с ним. На мой вопрос, где он живет и что делает, Герасим ответил: «Живу я в пещере в лесу верстах в 15 от б/Белогорского монастыря и верстах в 6–10 от дер. Криулиной по Осинскому тракту. Местность тут очень хорошая, близко от пещеры протекает река, можно будет заняться рыболовством и пчеловодством, и одновременно молиться о спасении души, одновременно занимаясь богоугодными делами» [22].

Соблазненный чудным видением жизни «чистой и простой», с рыбалкой, пчелами и богоугодными делами, Осетров решил переселиться в пещеру, оставив службу в деревенской церкви. Но он допустил роковую ошибку – уговорил отправиться с ним попадью. Нужно ли говорить о том, что в пещере они не прожили и двух месяцев... Но само *потайное чистое место* оставалось обитаемым еще четыре года – до полной ликвидации сотрудниками Пермского оперативного сектора ОГПУ в 1934 г.

Обнаруженную нами конфигурацию осмысленного пространства можно представить как ряд последовательно открывающихся горизонтов (концентрических сфер) повседневности, вне которой, с одной стороны, находится «анитхристов колхоз», откуда бегут, а с другой, диаметрально противоположной, – пещера-скит, где прячутся. Однако было бы несправедливо не упомянуть о крайне своеобразных пространствах, которые обнаруживают себя, например, так: «Есть такая страна – Индия, где в газетах пишут: недавно явился Христос, который объявил 20 000 делегатам, что набирает себе 12 учеников, которые должны будут проповедовать по всей земле, по всей вселенной, вот это все и говорит за то, что настали последние времена, о которых предупреждал Христос» [28].

Сообщал об этом примечательном происшествии в 1929 г. слушателям священник, иеромонах Нифонт Агафонов, а происходило дело неподалеку от г. Чусовой. Едва ли туда доходили индийские газеты. Но даже если бы (допустим) доходили, то, при всем уважении к образованности Нифонта (он был весьма ученый человек, знакомый с трудами К. Маркса, В. И. Ленина, Е. Ярославского), он едва ли смог бы их прочесть. В какой же Индии происходил этот своеобразный «кастинг в апостолы»? Разумеется, в *мифической*.

Наше истолкование достигло предельного пространственного пункта, запечатленного в ментальности жителей уральской провинции в первой половине XX в. Он одновременно и имеет отношение к повседневному опыту – в той мере, в которой *именно он* продуцирует те ожидания, которые затем проецируются на мифические дальние страны; и не имеет, поскольку никакого реального повседневного опыта восприятия Индии, Японии, Германии, Испании и т. п. быть *a priori* не могло. Тем не менее и священники, и их паства точно знали, что там происходит, поскольку это *должно было происходить*.

Понятно, что «евреи [должны] расправиться с гоями посредством Американских, Японских и Китайских пушек и завладеть всем миром, после чего наступит социализм во всем мире, и полный социализм – это антихрист» [3]. Ясно, что Япония скоро нападет на СССР. Но есть проблема с заменой риса на хлеб:

«В Японии солдат кормят лучше, чем у нас, живут они хорошо, благодаря этого они будут и хорошо защищать свою буржуазию, но сейчас их приучают есть нашу пищу – худшую, чем у них, чтобы потом не испытывать затруднений, так как во время военных действий им придется есть наш хлеб» [16].

Фашисты в Германии очень хорошая партия, скорее бы они и в Россию пришли: «Партия фашистов самая лучшая партия, при ней крестьяне опять будут жить по-старому единолично и религия будет свободна» [33].

Произносившие подобные сентенции люди были, безусловно, уверены в их достоверности, нам же они интересны в первую очередь тем, что в мифические пространства отправлялись вполне реальные ожидания – и в этом заключается необходимость его присутствия в структуре повседневной ментальности. Это *пространство чуда* в том его определении, которое предложил когда-то А. Ф. Лосев: «...тут имеется в виду сама жизнь и совпадение, или несовпадения, с идеалом – самой жизни» [13, с. 151]. Япония, Индия, Америка и Германия и есть совпадение идеала и фактичности, сущего и должного, реального и воображаемого. Описав это измерение пространства и указав его место и функцию, мы завершаем истолкование топологии жизненного мира.

Реконструкция топологии провинциальной повседневности, выполненная на основе архивных материалов первой половины XX в., может быть истолкована вполне определенно. Строго придерживаясь принципа «смотреть на историю снизу» и предоставляя слово актерам из одного, точно очерченного социального круга, мы описали, фактически, пространство традиционной культуры, правда – зафиксированное буквально на грани коллапса. Образ приближающейся катастрофы явственно присутствует в ментальности «церковных людей» и одиночников «в белых одеждах» – до и вне всякой вероучительной рефлексии. Человеческая деятельность утрачивала смысл. Привычные культурные коды не действовали, исчезала эта удивительная «самосогласованность» слов и жестов, которую всегда предполагает пове-

дневность. Пространство съживалось на глазах, разрывалось и завоевывалось чужаками, время готово было остановиться и, в пределах, разумеется, этого жизненного мира – остановилось в итоге. К сожалению, жизненный мир уходил вместе с людьми – его обитателями (по определению).

В его широком горизонте можно попытаться выделить места наиболее привычные и обжитые, места, где человека ничто не стесняет и не «жмет» – как ногу в старой разношенной обуви. Там живут *свои*, и это – «хорошие» и «правильные» места – первая область повседневности. Соответственно, обнаружатся и места, имеющие «нейтральные» коннотации, – своего рода периферия повседневности. Они привычны, даже необходимы – иногда, но там действуют внешним образом заданные нормы и правила – не совсем понятные и «неприятные». Там *свои* могут обернуться *другими*, это потенциально конфликтная зона. Далее, в горизонте жизненного мира есть области, маркируемые (по отношению к пространству повседневности) в смысловом отношении отрицательно. Это место бессмыслицы, абсурда, это вообще место, где нормальному человеку и находиться не подобает. Наконец, есть места, где никто из жителей уральской глубинки никогда не бывал, но судил о них так, словно чуть ли не полжизни там прожил. Они обладали для него несомненным позитивным смыслом. Это – мифические пространства.

Список литературы

1. Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
2. Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. М. : Нов. изд-во, 2004. 348 с.
3. Дополнительные показания обвиняемого Морсковатых М. Н. от 25 июня 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 103.
4. Дополнительные показания обвиняемого Петрова Ф. М. (Фотия) от 22 июня 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 125–128.
5. Дополнительные показания свидетеля Кузнецовой П. П. от 14 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 95–96 об.
6. Источник «Черемухин» о разговоре с В. Мичковым. Донесение начальнику Уинского РО НКВД по Свердловской области сержанту Госбезопасности Емельянову от 17.02.1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Спецконверт.
7. Источник «Черемухин» о разговоре с Т. Швецовым. Донесение начальнику Уинского РО НКВД по Свердловской области сержанту Госбезопасности Емельянову от 11.01.1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Спецконверт.
8. Казанков А. И. У «последних времен»: восприятие времени жителями российской провинции в первой половине XX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. Вып. № 4 (33). С. 294–317.
9. Казанков А. И. «Я фотографировал церкви, попов, железнодорожников...»: повседневная жизнь деревенского маргинала в первой половине XX века // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2016. Вып. № 1 (32). С. 141–148.
10. Казанков А., Лейбович О. Понять повседневность: эвристический потенциал концепции в исследованиях советской эпохи // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2017. Вып. № 3 (38). С. 82–88.
11. Казанков А. И. Пересуды на завалинке: свои и чужие в повседневной культуре уральской провинции первой трети XX в. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 11. С. 43–53.
12. Козлова Н. Н., Смирнова Н. М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 12–22.
13. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М. : Политиздат, 1991. С. 151.
14. Письмо Бояршинова Ф. Г. к Серафиму епископу Томскому // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 177–178 об.
15. Письмо Славнина Н. А. к Некрасову С. А. от 26 июля 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Л. 140–140 об.
16. Показания красноармейца Лосева И. Е., не датированы. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Наблюдательное дело 12396. Л. 2.
17. Протокол допроса обвиняемого Белоусова Н. В. от 23 июня 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 21–23.
18. Протокол допроса обвиняемого Киселева П. О. от 6 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29374. Л. 9–9 об.
19. Протокол допроса обвиняемого Котельникова И. И. от 29 декабря 1932 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8768. Т. 1. Л. 11–12 об.
20. Протокол допроса обвиняемого Котельникова И. И. от 1 января 1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8768. Т. 1. Л. 26–27 об.
21. Протокол допроса обвиняемого Морсковатых М. Н. от 25 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 88–96.

22. Протокол допроса обвиняемого Осетрова И. И. от 10 июня 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 173–175.
23. Протокол допроса обвиняемого Петрова Ф. М. от 13 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 117–118.
24. Протокол допроса обвиняемого Соколова Г. И. от 11 сентября 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 39–42.
25. Протокол допроса обвиняемого Соколова Г. И. от 20 сентября 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 48 об.–50.
26. Протокол допроса обвиняемой Щелчковой П. С. от 2 января 1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8768. Т. 1. Л. 29–29 об.
27. Протокол допроса свидетеля Агафонова Д. Г. от 22 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 135–139.
28. Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 6–6 об.
29. Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 8 об.–9.
30. Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 9–9 об.
31. Протокол допроса свидетеля председателя Бородулинского сельсовета от 9 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27754. Л. 35–35 об.
32. Сообщение агентурного источника «Карандаш» // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27754. Л. 2.
33. Сообщение агентурного источника «Чернов» из меморандума на дьякона Плотникова В. Н. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 1. Л. 90.

Topology of provincial everyday life in the first half of the twentieth century according to the materials of the cycle «Terrain here is very good...»

A. I. Kazankov

PhD of philosophy, associate professor of the Department of cultural studies and philosophy,
Perm State Institute of Culture. Russia, Perm.
ORCID: 0000-0002-6647-5047. E-mail: tokugava2005@rambler.ru

Abstract. The article is a continuation of the cycle of works devoted to the reconstruction of the basic structures of the provincial everyday life of the Western Urals in the twenties and thirties of the twentieth century. The work is based on original sources – archival and investigative cases of the Orthodox clergy and «church people», stored in the Perm State Archive of Socio-Political Studies. This time the object of reconstruction is the topology of the everyday space. Applying the clue-based paradigm to the materials of the «inquisitorial anthropology», the author subsequently unfolds one area after another, placing in the center of the inhabitant of the Ural villages, villages and plants. First of all, the most contrived sphere is being reconstructed – the «apartment» located «in the house», the apiary «bee-keeper», the church, the church lodge; remote but significant spaces – monasteries and shrines, an archipelago of «good» places where friends and good friends live. Outside this sphere, there are public spaces where other people's rules operate – a village shop, a bread stall, a smithy, a village council. This region of everyday life is perceived as a conflict, potentially dangerous zone. Border pillars of everyday life are, on the one hand, the collective farm, as an area of nonsense and disaster, a place from which to run, and on the other – a secret, hidden refuge (cave skit). The horizon of the life world of people of that era is mythical spaces – fictional, but still possessing for them the meaning of India, Japan, Germany. In this space, there were vague threats, and vague hopes for a miracle (salvation). The conclusion is drawn that everyday space is curtailed under the pressure of external intervention, which is in full agreement with the idea of the advent of the last times and the fall of the world.

Keywords: history of Soviet Russia, province, Western Urals, everyday life, space.

References

1. Bourdieu P. *Prakticheskij smysl* [Practical sense]. SPb. Aletheia. 2001. 562 p.
2. Ginzburg K. *Mify – ehmblemy – primety: Morfologiya i istoriya* [Myths – emblems – signs: Morphology and history]. M. New publishing house. 2004. 348 p.
3. *Dopolnitel'nye pokazaniya obvinyаемого Morskovatyh M.N. ot 25 iyunya 1934 g.* – Additional testimony of the accused Morskovatyh M. N. from 25 Jun 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol.1. Sh. 103.

4. *Dopolnitel'nye pokazaniya obvinyaemogo Petrova F.M. (Fotiya) ot 22 iyunya 1934 g.* – Additional testimony of the accused Petrov F. M. (Fotiy) from 22 Jun 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 1. Sh. 125–128.
5. *Dopolnitel'nye pokazaniya svidetelya Kuznetsovoj P.P. ot 14 maya 1934 g.* – Additional testimony of the witness Kuznetsova P. P. from 14 may 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 2. Sh. 95–96 turn.
6. *Istochnik «CHeremuhin» o razgovore s V. Michkovym. Donesenie nachal'niku Uinskogo RO NKVD po Sverdlovskoj oblasti serzhantu Gosbezopasnosti Emel'yanovu ot 17.02.1937 g.* – Source «Cheremukhin» about the conversation with V. Michkov. The report to the chief of Uni District Department of People's Commissariat of Internal Affairs of the Sverdlovsk region Sergeant of State Security Yemelyanov from 17.02.1937. // PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 12702. Special envelope.
7. *Istochnik «CHeremuhin» o razgovore s T. SHvecovym. Donesenie nachal'niku Uinskogo RO NKVD po Sverdlovskoj oblasti serzhantu Gosbezopasnosti Emel'yanovu ot 11.01.1937 g.* – Source «Cheremukhin» about the conversation with T. Shvetsov. The report to the chief of Uni District Department of People's Commissariat of Internal Affairs of the Sverdlovsk region Sergeant of State Security Yemelyanov from 11.01.1937 // PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 12702. Special envelope.
8. *Kazankov A. I. U «poslednih vremen»: vospriyatie vremeni zhitelyami rossijskoj provincii v pervoj polovine XX veka* [At the «last times»: the perception of time by the inhabitants of the Russian province in the first half of the twentieth century] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* – State, religion, church in Russia and abroad. 2015, iss. № 4 (33), pp. 294–317.
9. *Kazankov A. I. «YA fotografiroval cerkvi, popov, zheleznodorozhnikov...»: povsednevnyaya zhizn' derevenskogo marginala v pervoj polovine XX veka* [«I took pictures of the church, priests, railway workers...»: everyday life of the village marginal in the first half of the twentieth century] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. «Istoriya»* – Herald of the Perm University. Ser. «History». 2016, No. 1 (32), pp. 141–148.
10. *Kazankov A., Lejbovich O. Ponyat' povsednevnost': ehvristicheskiy potencial koncepcii v issledovaniyah sovetskoj ehpopi* [To understand the everyday: heuristic potential of the concept in Soviet-era studies] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. «Istoriya»* – Herald of the Perm University. Ser. «History». 2017, № 3 (38), pp. 82–88.
11. *Kazankov A. I. Peresudy na zavalinke: svoi i chuzhie v povsednevnoj kul'ture ural'skoj provincii pervoj tret'i XX v.* [Gossip on the bench: own's and others ' in everyday culture of Ural province in the first third of the twentieth century] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2017, No. 11, pp. 43–53.
12. *Kozlova N. N., Smirnova N. M. Krizis klassicheskikh metodologij i sovremennaya poznavatel'naya situaciya* [Crisis of classical methodologies and modern cognitive situation] // *Sociologicheskie issledovaniya* – Sociological research. 1995, No. 11, pp. 12–22.
13. *Losev A.F. Dialektika mifa* [The dialectics of the myth] // *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* – Philosophy. Mythology. Culture. M. Politizdat. 1991. P. 151.
14. *Pis'mo Boyarshinova F.G. k Serafimiu episkopu Tomskomu* – Letter of Boyarshinov F. G. to Seraphim Bishop of Tomsk // PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 12702. Vol. 1. Sh. 177–178 turn.
15. *Pis'mo Slavnina N. A. k Nekrasovu S.A. ot 26 iyulya 1937 g.* – Letter of Slavnina N. A. to Nekrasov S. A. on 26 Jul 1937 // PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 12702. Sh. 140–140 turn.
16. *Pokazaniya krasnoarmejsca Loseva I.E., ne datirovany* – Testimony of the red army soldier Losev I. E., not dated. PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. Supervisory case 12396. Sh. 2.
17. *Protokol doprosa obvinyaemogo Belousova N.V. ot 23 iyunya 1934 g.* – Protocol of interrogation of the accused Belousov N. V. from 23 Jun 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 2. Sh. 21–23.
18. *Protokol doprosa obvinyaemogo Kiseleva P. O. ot 6 avgusta 1937 g.* – Protocol of interrogation of the accused Kiselev P. O. 6 Aug 1937 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 29374. Sh. 9–9 turn.
19. *Protokol doprosa obvinyaemogo Kotel'nikova I.I. ot 29 dekabrya 1932 g.* – Protocol of interrogation of the accused Kotelnikov I. I. from December 29, 1932 // PermSASI. F. 641/1. Inv.1. File 8768. Vol. 1. Sh. 11–12 vol.
20. *Protokol doprosa obvinyaemogo Kotel'nikova I. I. ot 1 yanvarya 1933 g.* – Protocol of interrogation of the accused Kotelnikov I. I. from 1 January 1933 // PermSASI. F. 641/1. Inv.1. File 8768. Vol. 1. Sh. 26–27 turn.
21. *Protokol doprosa obvinyaemogo Morskovatyh M. N. ot 25 maya 1934 g.* – Protocol of interrogation of the accused Morskovatyh M. N. 25 may 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol.1. Sh. 88–96.
22. *Protokol doprosa obvinyaemogo Osetrova I. I. ot 10 iyunya 1934 g.* – Protocol of interrogation of the accused Osetrov I. I. of June 10, 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 1. Sh. 173–175.
23. *Protokol doprosa obvinyaemogo Petrova F. M. ot 13 maya 1934 g.* – Protocol of interrogation of the accused Petrov F. M. May 13, 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol.1. Sh. 117–118.
24. *Protokol doprosa obvinyaemogo Sokolova G. I. ot 11 sentyabrya 1934 g.* – Protocol of interrogation of the accused Sokolov G. I. from 11 Sep 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 2. Sh. 39–42.
25. *Protokol doprosa obvinyaemogo Sokolova G.I. ot 20 sentyabrya 1934 g.* – Protocol of interrogation of the accused Sokolov I. G. 20 Sep 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 2. Sh. 48 turn–50.
26. *Protokol doprosa obvinyaemoj SHChelchkoj P.S. ot 2 yanvarya 1933 g.* – Protocol of interrogation of the accused Shchelchkova P. S. 2 Jan 1933 // PermSASI. 641/1. Inv.1. File 8768. Vol. 1. Sh. 29–29 turn.
27. *Protokol doprosa svidetelya Agafonova D. G. ot 22 maya 1934 g.* – Protocol of interrogation of witness G. D. Agafonov on May 22, 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 1. Sh. 135–139.

28. *Protokol doprosa svidetelya Neustroeve I. I. ot 19 noyabrya 1929 g.* – Protocol of interrogation of witness I. I. Neustroev from November 19, 1929 // PermSASI. 641/1. Inv. 1. File 8891. Sh. 6–6 turn.
29. *Protokol doprosa svidetelya Neustroeve I. I. ot 19 noyabrya 1929 g.* – Protocol of interrogation of witness I. I. Neustroev from November 19, 1929 // PermSASI. 641/1. Inv. 1. File 8891. Sh. 8 turn. – 9.
30. *Protokol doprosa svidetelya Neustroeve I. I. ot 19 noyabrya 1929 g.* – Protocol of interrogation of witness I. I. Neustroev from November 19, 1929 // PermSASI. 641/1. Inv. 1. File 8891. Sh. 9–9 turn.
31. *Protokol doprosa svidetelya predsedatelya Borodulinskogo sel'soveta ot 9 avgusta 1937 g.* – Protocol of interrogation of witness the Chairman of Borodulin village council from August 9, 1937 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 27754. Sh. 35–35 turn.
32. *Soobshchenie agenturnogo istochnika «Karandash»* – Message of intelligence source «Pencil» // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 27754. Sh. 2.
33. *Soobshchenie agenturnogo istochnika «CHernov» iz memorandum na d'yakona Plotnikova V. N.* – Message of intelligence source «Chernov» from a Memorandum on the deacon Plotnikov V. N. PermSASI. 641/1. File 13385. Vol. 1. Sh. 90.

Анимационный кинематограф как объект гуманитарного комплексного исследования

К. И. Одегова

аспирант кафедры культурологии, социологии и философии,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
E-mail: NakatsuSobi@yandex.ru

Аннотация. Анимационный кинематограф, появившийся в конце XIX в., стал одной из важных частей современной культуры. Целью работы является рассмотрение анимации как объекта гуманитарного комплексного исследования. В статье отмечается отсутствие в науке общепринятого определения анимации и предлагается для основы осмысления анимационного кинематографа понятие, данное Международной ассоциацией анимационного кино. Автор объясняет причины популярности анимации, среди которых ее интернациональный характер и особый язык, обладающий высокой степенью условности, делающий анимационные фильмы понятными любому зрителю. В данной работе систематизируются основные направления исследований анимационного кинематографа. В историческом направлении анимация рассматривается как одно из средств познания истории. Искусствоведческие исследования направлены на изучение эволюционного пути анимации. Для режиссеров важен процесс создания анимационных фильмов. В психолого-педагогическом подходе отмечается дидактический и воспитательный потенциал анимации. В философском плане аниматограф понимается как сложная система знаков, имеющая несколько уровней смыслов, отражающая различные философские идеи. В рамках культурологического подхода синтезируются методологические установки всех обозначенных научных позиций. Автор делает вывод о необходимости комплексного исследования анимации, осуществляемого культурологией.

Ключевые слова: анимационный кинематограф, методы и направления, анимация, анимационный фильм, современные исследования.

Анимационный кинематограф, развиваясь с конца XIX в., является частью современного экранного искусства, элементы которого применяются во многих сферах человеческой деятельности (Интернет, СМИ, телевидение, реклама). В связи с большим жанровым и технологическим анимационным разнообразием в современной науке отсутствует общепринятое определение анимации. Прежде всего, ее рассматривают как один из видов кинематографа, относящегося к пространственно-временным видам искусства, отражающего человеческие идеи и ценности. Анимация понимается и как художественное творчество, реализуемое посредством арт-практик, например рисование песком, графитом, светом. Существует также понимание анимации как информационной технологии, несущей прикладной характер, например как средства визуализации научной или архитектурно-дизайнерской идеи.

За основу понимания анимационного кинематографа можно взять определение, данное Международной ассоциацией анимационного кино (Association International du Film d'Animation – ASIFA), которая считает искусством анимации «создание движущихся изображений с помощью манипуляций всеми разнообразными техниками, за исключением методов живого воздействия» [13].

С середины XX в. сфера применения анимации стремительно расширяется – она перестает быть просто искусством для детей и становится частью визуальной культуры, органично вписываясь в телевизионную рекламу и шоу, Интернет и специализированные анимационные каналы. Причиной популярности анимационного кинематографа как вида искусства можно считать его возможность создавать любой художественный образ и выражать любую художественную идею с максимальной яркостью благодаря широкому диапазону выразительных приемов и средств. Важную роль в создании анимационного образа играет цвет, являющийся средством эмоциональной и смысловой выразительности, а за счет простоты и выразительности формы анимационный образ становится понятным всем. Звук способствует более адекватной интерпретации содержания фильма, более свободному разворачиванию сюжета, выражению сложных мыслей и эмоций, значительному повышению точности их передачи.

В силу того что человеческое воображение носит интернациональный характер и лежащие в основе анимации изображение и движение являются древнейшими формами человеческого самовыражения, анимационные произведения могут быть легко поняты людьми любой национальности и цвета кожи. Предоставление аниматографом широких возможностей в экспериментах по поиску новой художественной образности, созданию новых и соединению уже известных техник, применению новейших достижений науки и новых технологий повлияло на его эволюцию и способствовало появлению новых средств выразительности, новых анимационных форм, улучшающих качественный уровень произведений и ускоряющих процесс работы над ними.

Анимация приобрела популярность также благодаря своему особому языку, который представляет собой «разветвленную знаковую систему, состоящую из специальных смысло-содержащих средств, представленных в виде информации, ценностных ориентиров, образов, ментальных конструкций» [9, с. 14]. Благодаря высокой степени условности анимационный язык становится привлекательным для зрителя, удовлетворяя его потребность в умственной деятельности через воображение и ассоциативное мышление.

Популярность анимации можно объяснить и изменениями в мировоззрении людей после двух мировых войн. Общество осознало хрупкость человеческой жизни, обнаруживая тягу к осмыслению вечных проблем бытия, другим реальностям. Анимация, используя такие приемы, как гиперболизация, символ, аллегория, и обращаясь к философским темам, перестает быть «продуктом» для детей.

Анимационный кинематограф в течение всего периода своего развития вызывал интерес у многих исследователей, что отразилось в формировании нескольких направлений изучения данного искусства. Так, в русле **исторического** подхода анимация рассматривается как одно из средств познания истории, поэтому большинство работ посвящено истории развития аниматографа в разных странах. В частности, Б. А. Иванов [4] одним из первых в России создал труд по истории формирования и развития японской анимации (аниме), в котором сквозь призму аниме рассмотрел историю Японии и выделил жанры и виды японского аниматографа. Г. Пойтрас [18], задаваясь вопросом об отличиях аниме от анимации других стран, рассматривает историю развития японской анимации, отмечая, что аниме представляет собой единую историю, основанную на японских комиксах (манга) и традиционной литературе, в которой важна эмоциональная составляющая. Аниме отличается способом изображения персонажей (большие глаза, необычный цвет волос и глаз у персонажей, что несет определенный смысл, передающий характер героя), и использованием разных ракурсов в изображении. М. В. Ромашова [10], основываясь на отражении в анимации исторических событий, рассматривает ее как источник изучения истории детства в СССР и предлагает методологию анализа анимационных фильмов, которая может быть использована не только историками, но и представителями других гуманитарных наук.

Близким к историческому направлению является **искусствоведческое**, в рамках которого прослеживается эволюционный путь анимации в конкретных странах. Исследователи отмечают влияние традиционных видов искусства (живописи, театра, танца, музыки, литературы и фольклора) на становление и развитие анимационного кинематографа в Африке, США, России и других странах [2]. Истоки появления «персонажной фактуры» в компьютерной анимации, ее эволюция и современное состояние находятся в центре внимания А. А. Шлядинского [17]. М. Р. Ханай [15], прослеживая использование анимационных элементов в игровом фантастическом кино Ирана, делает вывод об их применении в качестве дополнительного материала для создания большей убедительности происходящего или тех сцен, которые невозможно сделать в реальности, что способствует сильному воздействию на зрителя.

Кроме исторического развития анимационного кино, искусствоведов интересует техническая сторона процесса создания анимации и этапы ее развития в техническом и сюжетном планах. Так, Е. А. Попов [9] занимается выявлением синтетических особенностей анимационного искусства, изучением эволюции анимационных технологий и предлагает собственную классификацию анимационных произведений (классическая и неклассическая, компьютерная и обычная, двухмерная и трехмерная и т. д.); А. М. Орлов [8], разрабатывая теорию восприятия современных мультимедиа, подробно анализирует отличие аниматографа от игрового кино и его связь с арт-дизайном, классифицирует технические приемы в анимации и рассматривает их реализацию в творчестве разных анимационных школ и конкретных художников-аниматоров.

С **режиссерской** точки зрения аниматограф представляет собой процесс создания разных видов анимационного кино. Художник-мультипликатор Ю. Б. Норштейн [6] подробно рассматривает конструирование анимационного видео на примере собственных работ («Ежик в тумане», «Шинель», «Цапля и Журавль»), сопровождая материал рисунками, набросками, эскизами и работами выдающихся художников (Микеланджело, Д. Веласкес, Ф. Гойя и др.). Режиссер Ф. С. Хитрук [16] разбирает анатомию движения, работу художника-аниматора, этапы создания анимационных фильмов, а также предлагает собственные учебные программы для подготовки режиссеров и аниматоров. Описание этапов работы над персонажем от предварительного наброска до серии законченных рисунков с приложением иллюстраций предлагает У. Фостер [14]. Кроме того, в рамках этого направления актуально обращение к способам создания произведений в компьютерных программах 3DS Max и Microsoft PowerPoint [11].

В **психолого-педагогическом** направлении анимация рассматривается не только как развлекательный аспект жизни учащихся, но и как материал, обладающий дидактическим и воспитательным потенциалом. В процессе изучения влияния на психику человека отдельных выразительных средств анимации (цвет, звук, движение) исследователи отмечают ее возможность визуализировать явления, которые сложно или невозможно наблюдать в реальном мире, поэтому предлагают использовать анимационные фильмы и анимационные технологии в качестве иллюстративного материала в ходе изучения учебных дисциплин [5]. А. Э. Симановский и С. Н. Воронина [12] обратили внимание на анимацию как на средство социализации детей с особенностями развития. На примере анимационных ситуаций они предлагают проводить анализ поступков героев, установление причинно-следственных связей между поступками и сюжетом, что способствует адекватной социальной адаптации детей.

Представители **философского** направления исследуют онтологию анимации, проводят ее культурфилософский и семиотический анализ, определяют герменевтические и репрезентативные возможности анимационного кинематографа и его влияние на массовое сознание. В этом контексте рассматривается японская анимация с этической, философско-семиотической, социально-философской, этико-философской и историко-философской точек зрения [7]. Аниматограф в целом понимается как сложная многоуровневая система знаков, имеющая несколько уровней смыслов, отражающая различные философские идеи и влияющая на развитие общества и культуры.

Как показывает обзор основных подходов к изучению анимации, ее научное осмысление располагается на границах узкоориентированных сфер зрения, между тем анимация в ее сегодняшнем представлении нуждается в комплексном интегративном анализе, который возможно осуществить в рамках комплексного **культурологического подхода**, синтезирующего методологические установки всех обозначенных научных позиций. Осмысление анимации в данном ракурсе представлено в отдельных исследованиях, опирающихся на методологию культурологического анализа и посвященных отдельным сферам культуры. Анимационный кинематограф в них выступает в качестве активного носителя культуры, обладающего воспитательным и культуuroобразующим потенциалом, заключающего в себе знания о мире, ценностях, моделях поведения, нормах морали, эстетические представления. Например, Д. С. Гордеева [3], исследуя основные способы конструирования и репрезентации образа монстра в советском и современном американском анимационном кинематографе, выделяет философские, гендерные и общекультурные проблемы, содержащиеся в анимационных фильмах про монстров (противостояние варварства и цивилизации, гендерная политкорректность, проблема межкультурных коммуникаций); Р. Ю. Артемов [1], анализируя аниме, выявляет отражение символов и идей разных религий в анимационных фильмах и сериалах, отмечая в аниме элементы как традиционных религий (синтоизм, буддизм, христианство), так и японских сект, по заказу которых создаются некоторые анимационные произведения.

В заключение подчеркнем, что, несмотря на уже существующие работы в этой сфере, остается еще много проблем, которые могут стать предметом культурологического анализа: связь анимации с национальной культурой, проблемное поле анимационного кинематографа, мотивная структура современной анимации, ее связь с мифологией и многие другие.

Список литературы

1. Артемов Р. Ю. Религиозные компоненты в современной японской анимации // Христианские чтения. 2015. № 1. С. 148–161.
2. Бенимана Б. Взаимодействие анимации и искусства Африки : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2000. 23 с.

3. Гордеева Д. С. Репрезентация феномена монстра в анимации : автореф. дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2013. 18 с.
4. Иванов Б. А. Введение в японскую анимацию. М. : Наука, 2001. 782 с.
5. Колбышева С. И. Анимационное кино в современной образовательной среде // Медиаобразование. 2010. № 1. С. 45–51.
6. Норштейн Ю. Б. Снег на траве : в 2 кн. М. : Фонд Юрия Норштейна : Красный пароход, 2016. Кн. 1. 367 с. ; Кн. 2. 255 с.
7. Одегова К. И. Анимационный кинематограф как объект комплексного гуманитарного исследования: философский аспект // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2018. № 2 (26). С. 65–74.
8. Орлов А. М. Аниматограф и его Анима. Психогенные аспекты экранных технологий. М. : ИМПЭТО, 1995. 384 с.
9. Попов Е. А. Анимационное произведение: типология и эволюция образных средств : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2011. 24 с.
10. Ромашова М. В. От истории анимации к истории детства в СССР: постановка проблемы // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2011. № 3 (17). С. 114–119.
11. Решко С. Л. Создание графических изображений в Microsoft PowerPoint и их анимация // Информатика в школе. 2015. № 7 (110). С. 13–23.
12. Симановский А. Э., Воронина С. Н. Социальная адаптация детей с ограниченными возможностями здоровья средствами мультипликационной анимации // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. II (Психолого-педагогические науки). С. 173–178.
13. Устав ASIFA / Association International du Film d'Animation. URL: <http://www.asifa.net/who-we-are/statutes/> (дата обращения: 27.09.2018).
14. Фостер У. Основы анимации. М. : АТС : Астрель, 2003. 33 с.
15. Ханан М. Р. Анимация и современное игровое кино. К проблеме использования новых компьютерных технологий : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2003. 26 с.
16. Хитрук Ф. С. Профессия – аниматор. М. : Гайттри, 2007. 608 с.
17. Шлядский А. А. «Персонажная фактура» в компьютерной анимации: истоки, эволюция, современность // Меньшиковские чтения. 2013. № 4 (11). С. 202–210.
18. Poitras G. Contemporary Anime in Japanese Pop Culture // Japanese Visual Culture. Explorations in the World of Manga and Anime / ed. by Mark W. MacWilliams. USA, 2015. P. 48–67.

Animated film as the object humanitarian complex research

K. I. Odegova

post-graduate student of the Department of cultural studies, sociology and philosophy, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: NakatsuSobi@yandex.ru

Abstract. Animation cinematography, which appeared at the end of the XIX century, became one of the important parts of modern culture. The aim of the scientific work is to consider the animation as an object of comprehensive humanitarian study. The article notes the lack of a generally accepted definition of animation in science and suggests the concept given by the «Association International du Film d'Animation» for a basic understanding of animated cinema. The author explains the reasons for the popularity of animation, among which there is its international character and a special language with a high degree of conditionality, which makes animated films understandable to any audience. This work systematizes main directions of the study of animated cinema. In the historical direction animation is considered as one of the means of learning about history. Art history research focuses on the evolutionary path of animation. For filmmakers, the process of creating animated films is important. The psycho-pedagogical approach, notes the didactic and educational potential of animation. In philosophical plan, animatograph is understood as a complex system of signs, having several levels of meanings, reflecting various philosophical ideas. Within the framework of the cultural approach, the methodological guidelines of all the designated scientific positions are synthesized. The author makes a conclusion about the need for a comprehensive study of animation, carried out by culturology.

Keywords: animated cinema, methods and directions, animation, animated film, modern research.

References

1. Artemov R. YU. *Religioznye komponenty v sovremennoj yaponskoj animacii* [Religious components in modern Japanese animation] // *Hristianskie chteniya* - Christian reading. 2015, No. 1, pp. 148–161.
2. Benimana B. *Vzaimodejstvie animacii i iskusstva Afriki: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [Interaction of animation and art in Africa. dis. ... PhD of art criticism]. M. 2000. 23 p.
3. Gordeeva D. S. *Reprezentaciya fenomena monstra v animacii: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii* [Representation of the monster phenomenon in animation: abstr. dis. ... Phd of cultural studies]. Saransk. 2013. 18 p.

4. Ivanov B. A. *Vvedenie v yaponskuyu animaciyu* [The introduction to Japanese animation]. M. Nauka. 2001. 782 p.
5. Kolbysheva S. I. *Animacionnoe kino v sovremennoj obrazovatel'noj srede* [Animated film in the modern educational environment] // *Mediaobrazovanie - Media education*. 2010, No. 1, pp. 45-51.
6. Norstein J. B. *Sneg na trave: v 2 kn.* [Snow on the grass : in 2 books]. M. Yuri Norstein Foundation: Red steamer. 2016. Book 1. 367 p.; Book 2. 255 p.
7. Odegova K. I. *Animacionnyj kinematograf kak ob"ekt kompleksnogo gumanitarnogo issledovaniya: filosofskij aspekt* [Animation cinema as an object of complex humanitarian research: philosophical aspect] // *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo - Humanitarian sheets of TSPU n.a. L. N. Tolstoy*. 2018, № 2 (26), pp. 65-74.
8. Orlov A. M. *Animatograf i ego Anima. Psihogennye aspekty ehkrannyh tekhnologij* [Animatograf and his Anima. Psychogenic aspects of screen technologies]. M. IMPETO. 1995. 384 p.
9. Popov E. A. *Animacionnoe proizvedenie: tipologiya i ehvolyuciya obraznyh sredstv: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [Animated work: typology and evolution of figurative means. dis. ... PhD of art criticism]. SPb. 2011. 24 p.
10. Romashova M. V. *Ot istorii animacii k istorii detstva v SSSR: postanovka problemy* [From the history of animation to the history of childhood in the USSR: Statement of the problem] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. «Istoriya» - Herald of Perm University. Ser. «History»*. 2011, № 3 (17), pp. 114-119.
11. Reshko S. L. *Sozdanie graficheskikh izobrazhenij v Microsoft PowerPoint i ih animaciya* [Creating graphics in Microsoft PowerPoint and animation] // *Informatika v shkole - Computer science in school*. 2015, № 7 (110), pp. 13-23.
12. Simanovskij A. EH., Voronina S. N. *Social'naya adaptaciya detej s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya sredstvami mul'tiplikacionnoj animacii* [Social adaptation of children with disabilities by means of animation] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik - Yaroslavl Pedagogical Herald*. 2014, No. 4, vol. II (Psychological and pedagogical sciences), pp. 173-178.
13. *Ustav ASIFA - The Charter of ASIFA / Association International du Film d'animation*. Available at: <http://www.asifa.net/who-we-are/statutes/> (date: 27.09.2018).
14. Foster W. *Osnovy animacii* [Fundamentals of animation]. M. ATS: Astrel. 2003. 33 p.
15. Hanai M. R. *Animaciya i sovremennoe igrovoe kino. K probleme ispol'zovaniya novyh komp'yuternyh tekhnologij: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [Animation and modern feature films. On the problem of the use of new computer technologies: abstr. dis. ... PhD of art criticism]. M. 2003. 26 p.
16. Hitruk F. S. *Professiya - animator* [Occupation «an animator»]. M. Gayatri. 2007. 608 p.
17. SHlyadskij A. A. *«Personazhnaya faktura» v komp'yuternoj animacii: istoki, ehvolyuciya, sovremennost'* ["Character texture" in computer animation: the origins, evolution, present] // *Men'shikovskie chteniya - Men'shikov reading*. 2013, № 4 (11), pp. 202-210.
18. Poitras G. *Contemporary Anime in Japanese Pop Culture // Japanese Visual Culture. Explorations in the World of Manga and Anime / ed. by Mark W. MacWilliams. USA, 2015. Pp. 48-67.*

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 940.55(497.1)«1948/1997»

doi: 10.25730/VSU.2070.18.031

Новое слово в изучении советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. *

М. А. Росина

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-1241-0854. E-mail: marina_rosina@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой анализ монографии, подготовленной коллективом Института славяноведения РАН. Издание приурочено к 70-летию начала советско-югославского раскола 1948–1953 гг. и содержит всесторонний обзор первого внутреннего конфликта в социалистическом блоке. Автор анализирует вошедшие в монографию очерки и приходит к выводу, что советско-югославский конфликт оказал большое влияние на формирование отношений между странами социалистического блока. Он привел к подавлению идеологического инакомыслия и вынудил национальных лидеров к безоговорочному подчинению СССР. Сумев добиться формальных проявлений единства социалистических стран, Москва спровоцировала в них внутреннюю скрытую критику социализма. В конечном итоге в 1950–1960-е гг. это привело к волне антисоветских выступлений в социалистических странах Восточной Европы.

Ключевые слова: советско-югославский конфликт, международные отношения, внешняя политика СССР, Югославия, холодная война.

Монография, подготовленная авторским коллективом Института славяноведения РАН, является весомым вкладом в отечественную историографию холодной войны. Издание приурочено к 70-летию начала советско-югославского раскола и представляет собой сборник научных очерков, содержащих всесторонний анализ первого внутреннего конфликта в формирующемся социалистическом блоке.

В контексте холодной войны советско-югославский конфликт 1948–1956 гг. приобрел особое значение. Он показал США и их союзникам, что социалистическое сообщество немонолитно, а проведение восточноевропейскими странами самостоятельного политического курса (пусть даже в русле социализма) может усложнить расширение и усиление кремлевских позиций. В значительной степени под воздействием этого американский истеблишмент начал отходить от упрощенного восприятия стран Центральной и Юго-Восточной Европы как послушных сателлитов СССР, формировался дифференцированный подход к социалистическим государствам, ориентированный на учет их национальной специфики.

Научная актуальность представленного труда обоснована редколлективом, во-первых, отсутствием комплексного исследования, отражающего видение советско-югославского конфликта членами соцлагеря, а во-вторых, наличием в национальной историографии восточноевропейских стран множества стереотипов (с. 6). Исходя из этого, авторы «Очерков» стремились внести вклад в историографию конфликта, представить собственную интерпретацию событий, преодолеть существующие пристрастия и расширить источниковую базу исследования (с. 14), что им в значительной степени удалось сделать. Особое значение авторы придавали стремлению «показать воздействие конфликта не только на развитие особого типа отношений в рамках нового для Европы сообщества, но и на “поведение” власти, ее конкретные мероприятия, обстановку в странах “социалистического лагеря”, настроения населения» (с. 6).

Представленный вниманию читателей труд содержит глубокий анализ предпосылок и содержания советско-югославского конфликта, его исторического значения, а также ставит новые вопросы для дальнейших научных исследований. Семь разделов книги посвящены прояснению

© Росина М. А., 2018

* Рецензия на кн.: Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока 1948–1953 гг. Очерки истории / Отв. ред. А. С. Аникеев. М. ; СПб. : Нестор–История, 2017.

позиций в советско-югославском конфликте не только его главных участников, но и остальных стран советского блока: Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии.

Обращают на себя внимание хронологические рамки монографии. Советско-югославский конфликт рассматривается в ней с момента его возникновения в 1948 г. до смерти И. В. Сталина в 1953 г., несмотря на то что дипломатические отношения между Москвой и Белградом полностью были восстановлены правительством Н. С. Хрущева только в середине 1950-х гг. Выбор хронологии обусловлен желанием авторов проанализировать события «острой фазы» конфронтации двух стран и показать читателям, что политический конфликт усугублялся личностным противостоянием Сталина и Тито.

Монография представляет собой ряд самостоятельных научных очерков, показывающих как восприятие советско-югославского раскола отдельными социалистическими странами, так и его значение для всего блока. При этом авторы придерживаются единой схемы анализа внешне- и внутривнутриполитической ситуации применительно ко всем странам. В каждом очерке анализируется отношение лидеров компартий к вопросу о национальном пути построения социализма, особенности их первой реакции на конфликт Москвы и Белграда, положение и деятельность появившейся в их странах югославской политэмиграции, характер и масштабы происходивших политических чисток.

Начавшееся в 1948 г. обострение отношений между Москвой и Белградом явилось неожиданностью для социалистических государств Восточной Европы. Югославия, возглавляемая Тито, воспринималась ими как страна, «наиболее преданная, наиболее близкая Советскому Союзу», как своего рода «образец для подражания». Июньская резолюция Информбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии» вызвала шок у ряда партийных лидеров и была воспринята многими как «недоразумение, которое будет разрешено в ходе дискуссии» (с. 393–394). Несмотря на кажущуюся внезапность произошедшего, глубинные предпосылки советско-югославского раскола начали складываться еще в 1944–1947 гг. В двусторонних отношениях Белграда и Кремля постепенно начиналось охлаждение, возникали трения и недопонимание. Тито считал возможным проведение политики, отличающейся от линии Москвы, чего никак не мог допустить Сталин, особенно в регионе, где пролегла линия размежевания между сформировавшимися социалистическим и капиталистическим блоками [1].

Конфликт с Белградом явился для Москвы важнейшим инструментом осуществления политики сплочения социалистических стран и подавления их внешнеполитической самостоятельности. Он стал проявлением психологической войны, в ходе которой Югославия, к 1948 г. наиболее далеко продвинувшаяся по пути «социалистического строительства» по советскому образцу, была отлучена от «народно-демократического» лагеря [2].

Вышесказанное документально подтверждено и научно обосновано в очерке А. С. Анিকেева «Югославия в годы конфликта с СССР и странами “народной демократии”». Автор показывает, что в условиях сложившейся к 1948 г. международной обстановки необходимости сделать социалистический лагерь строго подчиняющимся Кремлю и монолитным перед лицом внешнего врага, игнорирование Советского Союза как «решающей силы» было совершенно неприемлемо. Поэтому титовская Югославия, имевшая отличные от СССР представления о форме и содержании социализма и методах его построения, не могла не попасть под удар (с. 31, 41). По мнению А.С. Анিকেева, Югославская компартия стала «сакральной» жертвой Сталина, принесенной во имя утверждения нового курса ВКП(б) по отношению к странам «народной демократии» (с. 42).

Вскрывая глубинные истоки, суть и международное значение советско-югославского конфликта, А. С. Анিকেев также выявляет и анализирует использованные Москвой способы его интернационализации. На начальном этапе важнейшим из них стала резолюция Коминформбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии», принятая на бухарестском совещании в июне 1948 г. Она рассматривалась Кремлем как главный инструмент воздействия на руководство компартий региона, которым теперь было предписано выступать с резкой критикой югославских «оппортунистов» и «изменников» (с. 50).

В очерке доступно и убедительно показан взгляд на конфликт «обвиняемой» стороны. Занимая последовательную и твердую позицию в неприятии критики из Москвы, Белград, вместе с тем, выражал готовность к диалогу на равных (с. 67), поскольку происходящее создавало для Югославии многочисленные трудности, в первую очередь в экономическом плане. Последним обстоятельством, а также тем, что до марта 1953 г. вероятность агрессии со стороны СССР не исключалось Белградом (с. 101), автор объясняет вынужденное сближение Югославии с капиталистическими странами Запада.

Интересно и ярко в очерке показано то, что для стран советского блока, не дерзнувших перечить Москве, Югославия негласно стала «настоящей революционно-социалистической страной». Анализ большого массива документов того периода позволил обнаружить многочисленные косвенные свидетельства тому, что на двусторонних встречах, проходивших на начальном этапе конфликта, представители компартий соцстран неофициально выражали свои симпатии югославскому курсу (с. 64).

Крупнейший в нашей стране специалист по истории Болгарии в XX в. Т. В. Волокитина в разделе **«От конфронтации до нормализации. Болгария и советско-югославский конфликт. 1948–1956 гг.»** большое внимание уделила восприятию происходивших событий партийными лидерами и рядовыми гражданами соцстран. В подготовленном ею объемном и содержательном материале показано, что конфликт Белграда и Москвы спровоцировал сложность и неоднозначность обстановки в болгарском обществе, породил сомнения части населения в справедливости социалистического строя (с. 121).

В некоторой степени это было обусловлено тем, что после окончания Второй мировой войны Болгария и Югославия стремились к сотрудничеству и установлению тесных связей. Для Софии это открывало возможность выхода из международной изоляции и рассматривалось как фактор, способный положительно повлиять на будущий мирный договор. Югославское руководство считало сближение прологом возможного объединения Македонии в рамках югославского государства. Кризис наступил в тот момент, когда стороны вплотную подошли к решению вопроса о создании югославо-болгарской федерации, и не только положил конец взаимовыгодному сотрудничеству, но и обострил существовавшие ранее территориальные споры (с. 105–106). Крутой поворот, произошедший в двусторонних отношениях Белграда и Софии, не мог не повлиять на восприятие болгарским обществом социалистической модели.

Ссылаясь на материалы российских и болгарских архивов, а также на широкий круг источников личного происхождения, автор обращает внимание на то, что до сих пор нельзя с уверенностью сказать, каким в 1948 г. было отношение к начавшемуся расколу болгарского лидера Г. Димитрова (с. 108). Несмотря на то что ЦК БКП(к) солидаризировался с советской позицией, некоторые факты указывают на то, что Димитров был в числе тех партийных руководителей, «которые скептически отнеслись к обвинениям Москвы в адрес югославов, не склонны были принимать их за чистую монету и не спешили выражать свое отношение» (с. 108). Кроме того, у Димитрова имелись собственные представления о болгарском «национальном пути к социализму» (с. 123, 125).

Несмотря на неоднозначность реакции общества и отдельных партийных деятелей на советско-югославский конфликт, а также его возможные последствия, официально Болгария полностью поддержала СССР. Она вошла в число стран, где антититоизм превратился в важнейший инструмент внутренней политики, направленной на насильственную консолидацию общества (с. 148–159). Начались многочисленные судебные процессы над членами БКП, самым громким из которых стало дело Т. Костова.

Исследователь из Японии К. Кимура и ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН А. С. Стыкалин в очерке **«Венгерско-югославские отношения на рубеже 1940–1950-х гг.: от примирения недавних врагов к межгосударственному конфликту»** выявили роль советско-югославского раскола в эволюции отношений Белграда и Будапешта. Несмотря на то что историческую память народов отягощал груз недавнего прошлого, в первые послевоенные годы венгерско-югославские отношения развивались гармонично и к 1948 г. переживали настоящий подъем (с. 219, 229). До 1948 г. венгерская компартия надеялась на внутривнутриполитическую поддержку со стороны Югославии, а также на понимание Белградом позиции Будапешта в случае возможного обострения противоречий с Чехословакией и Румынией по проблемам территорий и национальных меньшинств (с. 226).

Однако, в отличие от неоднозначной позиции Г. Димитрова, уже при первых сигналах об ухудшении советско-югославских отношений венгерский лидер М. Ракоши стал опасаться обвинений в проведении «протитовского» курса (с. 235). Поэтому, стремясь «выслужиться» перед Москвой, венгерская компартия опередила другие партии соцлагеря в обвинениях против Югославии (с. 239–240). В средствах массовой информации была развернута широкая антититовская кампания. Вплоть до 1956 г. Венгрия не платила Югославии положенные ей репарации (с. 243, 248–250). Острое желание Ракоши продемонстрировать Сталину свою лояльность стало важнейшим побудительным толчком к фабрикации судебного дела Л. Райка.

Очерк А. С. Гладышевой **«Советско-югославский конфликт и Румыния: вовлечение в полемику. 1948–1956 гг.»** показывает читателям, что конфликт между Москвой и Белградом

положил конец позитивным тенденциям в двусторонних отношениях Югославии не только с Болгарией и Венгрией, но и с Румынией (с. 274).

В процессе эскалации конфликта Бухарест, как и Будапешт, твердо следовал курсу, намеченному в Кремле (с. 279). Глава РПП Г. Георгиу-Деж позиционировал себя безупречным и ревностным исполнителем рекомендаций Кремля. Показательно, что после 1948 г. штаб-квартира Коминформа была перемещена из Белграда в Бухарест. Конфликт с Югославией также послужил в Румынии оправданием политики террора в ходе внутривластной борьбы в руководстве РПП, главным итогом которой стало сосредоточение всех рычагов власти в руках Г. Георгиу-Дежа (с. 276, 298).

А. С. Гладышева отмечает, что специфической чертой антиюгославской кампании в Румынии явилось то, что она нашла свое отражение не только в политических репрессиях, но и в мерах против представителей национальных меньшинств. Речь идет в первую очередь о швабах и румынских сербах, которые, по мнению властей, будучи «политически ненадежными элементами», в условиях советско-югославского конфликта представляли угрозу национальной безопасности Румынии (с. 307).

Большой интерес представляет очерк сербского исследователя А. Животича **«Советско-югославский конфликт и укрепление советского влияния в Албании. 1948-1953 гг.»**. В нем показано, что из всех социалистических стран, не являвшихся непосредственными сторонами советско-югославского конфликта, Албания испытала на себе наиболее серьезный удар в политическом, военном и особенно в экономическом плане (с. 327).

Разрыв с Югославией настолько больно ударил по албанской экономике, что даже соцстраны не могли в достаточной мере компенсировать нанесенный ей урон (с. 331, 334). Изначально в Москве опасались нового сближения Белграда и Тираны, поскольку на основе всестороннего анализа ситуации советским руководством был сделан вывод, что югославские позиции в Албании достаточно сильны. Тем не менее на протяжении всего конфликта албанское руководство придерживалось просоветской политики, что наглядно выразилось в демонстративном судебном процессе над албанским коммунистом К. Дзодзе. Более того, под воздействием ряда причин, интересно и подробно освещенных в очерке, между Белградом и Тираной возник самостоятельный конфликт.

В своем исследовании А. Животич отмечает, что, хотя югославо-албанский конфликт начался в рамках советско-югославского раскола, он стал «более глубоким и сложным явлением, обусловленным как характером отношений между двумя странами во время войны и непосредственно после ее окончания, так и масштабами югославского «присутствия» в Албании в различных областях» (с. 347-348). При анализе этого исторического сюжета автор приходит к выводу, что СССР ускорил начало конфликта между Югославией и Албанией, позволив Э. Ходже приступить к ликвидации югославского влияния в стране. Вместе с тем Албания, воодушевленная советской поддержкой, зачастую выходила за установленные Москвой рамки.

В очерке **«Польша и советско-югославский конфликт»** В. В. Волобуев показывает, что для Варшавы «нажим на Тито» выглядел скорее обременительной обязанностью, в которой руководство РПП вынуждено было участвовать в силу принадлежности к советскому блоку. Автор анализирует позицию В. Гомулки, считавшего, что Польша должна идти к социализму своим путем, а не копировать советский опыт. Поэтому сначала он не стал поддерживать обвинения против Тито, а также довольно равнодушно отнесся к созданию Коминформа, за что в конечном итоге поплатился постом лидера партии (с. 349, 353-354, 384-385).

Особенностью Польши стало то, что в ней не было антиюгославской истерии, поскольку эта страна не граничила с Югославией, а число репатриантов и югославских граждан в ней было слишком малым, чтобы всерьез рассуждать об опасности «титовской агентуры». Тем не менее идеологические установки требовали показывать титовский режим исключительно в черном цвете, и польское руководство вынуждено было соответствовать им в силу принадлежности к советскому блоку (с. 383-384).

Завершающий очерк монографии **«Советско-югославский конфликт и Чехословакия: борьба в политическом руководстве и эволюция общественных настроений»** стал одним из последних трудов крупнейшего отечественного историка-слависта, ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН Г. П. Мурашко. Она отмечает, что советско-югославский конфликт сыграл определяющую роль в формировании общественных настроений в Чехословакии того периода, и акцентирует внимание на противоречивости политики Сталина, который до 1947 г. неоднократно говорил, что разные страны могут идти к социализму по-разному, в том числе и не воссоздавая советскую модель (с. 386-387). Эти заявления по-

буждали коммунистических лидеров проектировать национальные пути построения социализма. Однако когда к концу 1947 г. перед советским руководством в качестве первоочередной возникла задача сплочения соцлагеря, способного противостоять капиталистическому миру, опыт ВКП(б) стал обязательным для политической практики всех компартий (с. 389).

На начальном этапе советско-югославского конфликта чехословацкие коммунисты, как и польские, не спешили публично формулировать свою позицию, за что их критиковали в Кремле (с. 395). Более того, советско-югославский конфликт для лидеров КПЧ не стал, как рассчитывала Москва, импульсом к полному и безоговорочному принятию сталинской модели ускоренного построения социализма. Тем не менее перед советской стороной открылась возможность ужесточить свой контроль над процессом формирования новой политической элиты во всем восточноевропейском регионе путем политических чисток (с. 405).

Г. П. Мурашко детально проанализировала эволюцию взглядов партийных деятелей и рядовых граждан, происходившую по мере развития и разрешения советско-югославского конфликта. В конечном итоге она сделала очень интересный и новаторский вывод, что события 1948–1956 гг. в значительной степени активизировали в чехословацком обществе поиски альтернативных путей решения назревших проблем, кульминацией которых стала «пражская весна» 1968 г.

Многолетний опыт исследования истории соцблока в эпоху холодной войны, огромный объем документов и материалов, собранных в национальных архивах, позволили авторам «Очерков» воссоздать яркую картину конфликта, а также масштабный образ той эпохи. Важнейшей идеей, которая красной линией проходит сквозь все представленные очерки, является то, что советско-югославский конфликт, по задумке советского лидера, был призван сплотить соцлагерь, но вся антиитовская кампания в конечном итоге явилась поражением Сталина. Авторы убедительно показывают, что явная тенденция к абсолютизации советского опыта означала его механическое, некритическое восприятие без каких-либо поправок на национальные особенности. В конечном итоге Кремлю удалось добиться сплоченности социалистических стран во внешних проявлениях: в виде информации в печати и на радио, публичных выступлений коммунистических лидеров, показательных политических процессов над «титовцами». Однако все это только усиливало и питало внутреннюю, скрытую критику социализма, и в конечном итоге проявилось в событиях 1953 г. в ГДР, 1956 г. – в Польше и Венгрии, 1968 г. – в Чехословакии.

Список литературы

1. Подробнее см.: Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. Киров, 2014. С. 320–337.
2. *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016.

A new word in the study of the Soviet-Yugoslav conflict of 1948–1953

M. A. Rosina

PhD of historical sciences, associate professor of history and political sciences,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-1241-0854. E-mail: marina_rosina@mail.ru

Abstract. The article is an analysis of the monograph prepared by the team of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. The publication is timed to the 70th anniversary of the beginning of the Soviet-Yugoslavia conflict of 1948–1953. and contains a comprehensive review of the first internal conflict in the socialist bloc. The author analyzes the essays included in the monograph and comes to the conclusion that the Soviet-Yugoslav conflict had a great influence on the formation of relations between the countries of the socialist bloc. He led to the suppression of ideological dissent and forced national leaders to unconditionally subordinate to the USSR. Having managed to achieve formal manifestations of the unity of the socialist countries, Moscow provoked in them an internal, latent criticism of socialism. Eventually in the 1950–1960's. this led to a wave of anti-Soviet protests in the socialist countries of Eastern Europe.

Keywords: the Soviet-Yugoslav conflict, international relations, Soviet Union foreign policy, Yugoslavia, the Cold War.

References

1. See more: *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SSHA na Balkanah, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* – Opposing courses: the policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Middle East in the years 1939–1947. Kirov. 2014. Pp. 320–337.
2. *Stykalin A. S.* *Vengerskij krizis 1956 goda v istoricheskoy retrospektive* [Hungarian crisis of 1956 in historical retrospect]. M. 2016.

Хормач И. А. СССР в Лиге наций, 1934–1939 гг. *

Ю. М. Кузьмин

кандидат исторических наук, доцент. Россия, г. Киров. E-mail: v1109897@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется новая монография доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН И. А. Хормач. В работе затронут широкий спектр политики СССР в Лиге наций в 1934–1939 гг. Автор в своей статье останавливается на наиболее крупных тематических блоках, которые связывают воедино представленную И. А. Хормач картину. В рецензии прежде всего акцентируется внимание на позиции и приоритетах советской внешней политики в Лиге наций. Далее выделяются конкретные действия СССР в Лиге наций, связанные с разрешением сложных международных проблем предвоенного периода. Делается вывод о том, что к 1939 г. окончательно разрываются сложные и многосторонние связи государств – членов Лиги наций, происходит переоценка приоритетов советской внешней политики. Все это существенно повлияло на сотрудничество СССР с этой организацией.

Ключевые слова: внешняя политика СССР, Лига наций, агрессия, разоружение, международная безопасность.

Новая монография доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН И. А. Хормач продолжает начатое в предыдущей монографии («Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. М. : Кучково поле, 2011. 608 с.») исследование проблемы взаимоотношения СССР с Лигой наций.

В данной монографии затронут широкий спектр политики СССР в Лиге наций, что не позволяет в полной мере осветить в рецензии все многообразие представленных сюжетов. В связи с этим необходимо остановиться на наиболее крупных тематических блоках, которые связывают воедино представленную И. А. Хормач картину.

Первый блок – позиции и приоритеты советской внешней политики в Лиге наций. Они очень четко обозначены в начале первой главы монографии, тем более что в конце 1933 г. Советскому Союзу поступило от Франции предложение вступить в Лигу наций, а официальное приглашение вступить в ее члены СССР получил 15 сентября 1934 г. Рассмотрев международную ситуацию в первой половине 1930-х гг., автор выделяет ведущие направления деятельности СССР, которые будут решаться через Лигу наций: борьба с агрессией, а также создание в Европе и на Дальнем Востоке системы коллективной безопасности. Кроме того, важно было, чтобы СССР воспринимали в Лиге как достойного и равного партнера и военного союзника в случае агрессии, а также возможности упрочить геополитические позиции СССР, обеспечить рост экономики страны и укрепить ее военно-промышленный потенциал. В начальный период пребывания в Лиге наций СССР пришел к выводу о необходимости «вырабатывать стратегию и тактику, рассчитывая только на себя и временных союзников при решении конкретных вопросов» (с. 17).

Следующий тематический блок – конкретные действия СССР в Лиге наций, связанные с агрессивными мерами ряда государств в этот период.

3 октября 1935 г. Италия начинает войну против Эфиопии. Предлогом для начала войны стал инцидент, произошедший 5 декабря 1934 г., когда в районе оазиса Уал-Уал итальянский отряд напал на эфиопский конвой. Конфликт, который возник между Италией и Эфиопией, стоял в повестке дня всех сессий Совета и Ассамблей в первой половине 1935 г. Как отмечает автор, «Москва вяло реагировала на эти события» (с. 87). В СССР полагали, что Италия вряд ли решится на агрессию, тем более СССР больше занимали европейские дела и безопасность страны.

После начала итало-эфиопской войны Лига наций активно включилась в обсуждение путей ликвидации конфликта. Совет Лиги наций рекомендовал применить в отношении Италии как агрессора экономические санкции. Ассамблея одобрила это решение. Говоря о позиции СССР, автор подчеркивает, что «Москва стремилась идти в первых рядах тех, кто был готов выполнять принятые на себя санкционные обязательства» (с. 108). Но для СССР суще-

ствовали негативные последствия санкций, на которых И. А. Хормач останавливается. Автор делает вывод, что «в период действия санкций Советский Союз продолжал торговать с Италией в рамках дозволенного, но на грани несоблюдения международных обязательств, за выполнение которых так активно боролась Москва» (с. 115). Однако эти попытки СССР сохранить итальянские заказы меркли на фоне действий других государств. 4 июля 1936 г. Ассамблея постановила отказаться от дальнейшего применения санкций. В работе делается два важных вывода по этим событиям: 1. «Итог итало-эфиопской войны повлиял на ситуацию во всем мире. Безнаказанность итальянской агрессии содействовала активизации экспансионистской политики Германии и Японии, дала толчок к подготовке нового международного конфликта... СССР, как и другие державы, оказался не на высоте положения» (с. 147); 2. Итоги итало-эфиопской войны и действия Лиги наций привели к тому, что «вера во всеобщую систему коллективной безопасности рухнула» (с. 147).

Следующей в ряду агрессий стоит война Японии в Китае 1937 г. В монографии в ряде разделов четвертой главы «Новые очаги мировой войны и Лига наций (1936–1937 гг.)» достаточно подробно рассматривается ситуация вокруг этой агрессии. И изложение этой проблемы завершается итогами работы Брюссельской конференции, которая ограничилась принятием декларации, предлагавшей Китаю и Японии «прекратить враждебные действия и прибегнуть к мирным методам». Автор приводит доклад 26 ноября 1937 г. руководству В. П. Потемкина: «Конференция закрылась в атмосфере капитуляции перед Японией и явной подготовки к сговору с ней...» (с. 289). Одновременно советский дипломат отмечает, «что в создавшихся условиях тактика сугубой сдержанности (СССР. – Ю. К.) оказалась единственно верной» (с. 290).

13 марта 1938 г. Германия осуществила аншлюс Австрии. Великие державы не остановили агрессора, только СССР отреагировал на эти события, предложив немедленно приступить к обсуждению в Лиге наций практических мер. Но предложение СССР не нашло серьезной поддержки за рубежом. Автор подробно останавливается на причинах и последствиях действия западных держав в этом вопросе.

Третий блок монографии – война в Испании и позиция Лиги наций и СССР. И. А. Хормач указывает, что эта война была «одним из наиболее крупных и опасным по своим последствиям событием 1936 г.» (с. 183). В работе (глава четвертая и пятая) очень подробно анализируется позиция ведущих стран мира по этой проблеме на ассамблеях и советах Лиги, которые проходили в 1936–1939 гг. Указывается противоречивость в действиях ведущих стран мира, приводятся конкретные примеры этого курса. Несмотря на все дискуссии и споры по испанской проблеме и вокруг нее, в начале 1939 г. с Испанской республикой было покончено: 27 февраля Англия и Франция официально признали генерала Франко и порвали дипломатические отношения с республиканским правительством. После этого Испания присоединилась к Антикоминтерновскому пакту (с. 361).

Четвертый блок – это своего рода подведение итогов деятельности СССР в Лиге наций. В этом плане немалый интерес представляет параграф «СССР на XIX сессии Ассамблеи» в пятой главе «Приближение мировой войны. Лига наций и СССР (1938–1939 гг.)». Глава советской делегации М. М. Литвинов, выступая на XIX сессии Ассамблеи, отметил неэффективность в деятельности Лиги наций. Он указал, что она была создана с целью охранять народы от агрессии и «заменить систему военных союзов коллективной организации помощи жертвам агрессии», и именно в этой области Лигой ничего не было сделано» (с. 346). Литвинов отметил, что ответственность за агрессии, образование блоков несут те страны, которые удерживали Лигу от противодействия агрессорам. Он делает вывод, что политика умиротворения путем компромиссных соглашений с агрессором доказала свою несостоятельность. Высоко оценил выступление наркома И. В. Сталин, 22 сентября 1938 г. он направил Литвинову телеграмму: «Речь получилась у Вас замечательная» (с. 347). Подтверждением бездействия Лиги наций стали события вокруг передачи Германии Судетской области в конце сентября 1938 г.

И. А. Хормач делает важный вывод о том, что «после Мюнхена отношение советского руководства к Лиге наций стало меняться. Попытки коллективного решения сложных международных проблем уходили в прошлое... Наступал 1939-й г. – время окончательного разрыва сложных и многосторонних связей государств – членов Лиги наций» (с. 357).

Именно в этот период под влиянием внутренних и внешних факторов происходили коренные изменения во внешней политике СССР, шла переоценка его приоритетов. Все это существенно повлияло на сотрудничество СССР с данной организацией. И результатом этого стала переориентация внешней политики СССР в начале мая 1939 г.: «Сталин решил заключить стратегический

союз с Германией» (с. 365). Произошла смена наркома иностранных дел М. М. Литвинова (англофила) на В. М. Молотова (сторонника сотрудничества с Германией), который одновременно занимал пост председателя СНК СССР. Тем не менее советская сторона предпринимает попытки создания единого фронта с Англией и Францией. В связи с переговорами трех держав автор делает важную констатацию: «...не Лига наций, а три державы пытались согласовать свои позиции в надежде остановить агрессора» (с. 380). Но эта попытка оказалась неудачной.

После начала Второй мировой войны (глава пятая) ряд советских дипломатов отмечает, что Лига наций может эффективно действовать только в мирное время. Теперь она должна направлять свою деятельность на «предвидение организации будущего мира» (с. 381). И это направление автор конспективно отразил на с. 402–410.

Говоря о советско-финском конфликте и об исключении СССР из Лиги наций, И. А. Хормач констатирует, что «впервые в своей истории Лига столь энергично включилась в решение возникшего кризиса, вспомнив, наконец, о своей миротворческой миссии» (с. 400). Но если в случаях с Италией или Германией ситуация была иной: Лига наций стремилась агрессоров вернуть в свое лоно, – то Москву никто не стал уговаривать остаться в этой организации. И, как отмечает автор, «...в принципе, выход СССР из Лиги наций не был для него большой трагедией – в условиях войны организация явно не справлялась с решением международных проблем» (с. 400). В то же время констатируется, что «диссонанс между провозглашенными целями СССР и его действиями стал очевиден» (с. 412–413). Речь идет о войне с Финляндией и ранее заключенном пакте Риббентропа – Молотова.

Наряду с обозначенными проблемами, которые стояли перед Лигой наций, членом которой был СССР, представляют немалый интерес разделы, в которых автор рассматривает такие важные проблемы, как разоружение, планы реформ Лиги наций, международное пиратство, борьба с терроризмом и другие.

В завершающей части работы автор делает важную констатацию: «После “полосы признания” вступление в Лигу наций стало второй важнейшей вехой на пути упрочения Советским Союзом своего положения на мировой арене... советское государство получило окончательное признание в качестве одной из великих держав и обрело возможность решать важнейшие международные проблемы на самом высоком уровне...» (с. 411). И еще одна важная констатация автора: «Лига наций... была создана в соответствии с потребностями времени и особенностями расстановки сил на международной арене. Однако с приближением мировой войны стало ясно, что в сложившемся виде она перестала обеспечивать безопасность своих членов» (с. 414).

В заключение следует отметить, что монография И. А. Хормач представляет несомненный интерес в фактологическом и источниковедческом планах, оценки тех или иных событий, как и общая тональность повествования, отличаются взвешенностью и достаточно высоким уровнем объективности. Актуальность монографии определяется тем, что данный период характеризуется глубокими изменениями в мировой политике и анализ деятельности СССР в Лиге наций позволяет дополнить сложную картину мира в 1930-е гг. Содержательное историческое исследование И. А. Хормач является важным вкладом в изучение внешней политики СССР этого периода.

Hormach I. A. Soviet Union in the League of Nations, 1934–1939

Yu. M. Kuzmin

PhD of historical sciences, associate professor. Russia, Kirov. E-mail: v1109897@yandex.ru

Abstract. The article analyzes a new monograph of doctor of historical sciences, leading researcher of the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences I. A. Hromach. The work covered a wide range of Soviet policy in the League of Nations in 1934–1939. Author in his article stops at most the major thematic units that tie together the picture submitted by I. A. Hromach. The review primarily focuses on the position and priorities of Soviet foreign policy in the League of Nations. Further, the specific actions of the USSR in the League of Nations related to the resolution of complex international problems of the prewar period are highlighted. It is concluded that by 1939 the complex and multilateral ties of the member States of the League of Nations are finally broken, the priorities of Soviet foreign policy are reassessed. All this significantly influenced the cooperation of the USSR with this organization.

Keywords: foreign policy of the USSR, League of Nations, aggression, disarmament, international security.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 2 (2018)

16+

Редактор *О. И. Коробкова*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Н. Петрова*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 20.11.2018 г.
Дата выхода в свет 28.12.2018 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 19,0. Тираж 100. Заказ № 5558.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36